

Шалва Амонашвили

**ОСНОВЫ
ГУМАННОЙ
ПЕДАГОГИКИ**

УЧИТЕЛЬ

Книга 5

ШКОЛА ЖИЗНИ

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Вся жизнь и творчество Ш. А. Амонашвили посвящены развитию классических идей гуманной педагогики, утверждению в педагогическом сознании понятия «духовного гуманизма». Издание собрания сочинений автора в 20 книгах под общим названием «Основы гуманной педагогики» осуществляется по решению Редакционно-издательского Совета Российской академии образования. В отдельных книгах психолого-педагогические и литературные творения группируются по содержанию.

Пятая книга включает в себя две повести – «Рука ведущая» и «Учитель». С помощью изящной художественной формы Шалва Александрович раскрывает вопрос о важной миссии учителя в современном мире. При этом он напоминает нам, что бытие учителя не ограничено лишь педагогической практикой, но своими корнями уходит глубоко в нашу повседневную деятельность.

Эта книга, как и все издания, обращена к широкому кругу читателей: учителям, воспитателям, работникам образования, студентам, ученым.

2-е издание

- Шалва Амонашвили

- Введение

- I. Рука ведущая

- II. Учитель

- Пролог.

- Часть первая.

- Перерыв.

- Часть вторая

- Эпилог.

Шалва Амонашвили

Основы гуманной педагогики. Книга

5. Учитель

© Амонашвили Ш. А., 2013

© Оформление. ООО «Свет», 2015

Введение

Центральная тема, которой посвящен этот том собрания сочинений Ш. А. Амонашвили, – становление и педагогическая деятельность гуманного учителя. По сути, эта проблема – центральная и для всего творчества Шалвы Александровича. Мудрым размышлениям об учителе-гуманисте посвящено большинство его произведений.

Но собранные в томе две книги, «Рука ведущая» и «Учитель», объединяет не только общая тема, но и жанр. Это художественные произведения-повести. Они написаны стилем поэтичным, насыщенным метафорами, который в целом столь органичен для Ш. А. Амонашвили.

Эти книги продолжают традиции художественно-исповедальных произведений великих педагогов. В данной связи подчеркнем, что педагогическая теория не заключена только в научно-педагогических трудах и учебниках по педагогике. В золотой фонд педагогической классики как раз вошли в основном произведения художественные или с ярко выраженной публицистической направленностью. Если даже ограничиться XX веком, то сразу вспоминаются «Годы исканий» С. Т. Шацкого, «Как любить ребенка» Я. Корчака, «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко, «Сердце отдаю детям» В. А. Сухомлинского, «Последняя книга» С. Л. Соловейчика.

Открывает том повесть **«Рука ведущая» (2007)**, произведение во многом автобиографическое. Действительно, в жизни главного героя книги – Алексея Александровича – много общего с судьбой Шалвы Александровича. Отчество, отец, погибший на войне, путь к педагогике. Как и персонаж книги, Шалва Александрович по его воспоминаниям достаточно случайно оказался в школе студентом университета, что бы просто заработать на хлеб, а остался в педагогике на всю жизнь.

Есть в этой повести и прямые автобиографические отсылки – воспоминания героя об учительнице, оказавшей на него определяющее влияние. Вот как это описывается в книге: «... пришла к нам в седьмом классе. Я был тогда круглым двоечником. Учителя говорили мне, что не переведут в следующий класс. После первого сочинения она сказала мне: „Мальчик, у тебя поэтический дар!“ И, понимаешь, я начал писать стихи и нести ей. Она ставила мне пятёрки за сочинения, и я был как окрылённый на её уроках. А однажды, когда мы писали очередное сочинение, она подошла ко мне, наклонилась, я почувствовал запах её нежных духов, и шепнула мне на ухо:

„Мальчик, мои пятёрки краснеют рядом с двойками. Как быть?“ И я нашёл, как быть: начал зубрить физику, химию, математику, английский язык. Учителя были вынуждены ставить мне тройки, а то и четвёрки и пятёрки. Так я не дал пятёркам по литературе краснеть перед двойками». Каждый, кто знаком с творчеством Шалвы Амонашвили знает имя этой учительницы – Варвара Вардиашвили.

Но дело, конечно, не только в автобиографических сюжетах. Показателен сам дискурс Алексея Александровича. Человек, никогда не собиравшийся работать в школе, под влиянием ряда мистических событий, в результате овладения «Живой Этикой» и философией космического мышления, стал прекрасным учителем и остался в школе навсегда.

Решающим фактором в этом оказалась встреча героя с Ребенком, спустившимся с неба. Как сказано в повести: «...в его зарождающейся философии выросла идея, в которую он поверил всем сердцем: каждый ребёнок есть рука ведущая для какого-то взрослого». Этот Ребенок, уже изначально обладавший всеми рациональными и сверхъестественными знаниями и способностями, передал герою книги подлинную гуманную педагогику.

Подчеркнем, что в повесть органично включены стихи замечательного педагога-гуманиста, заслуженного учителя России Семёна Рувимовича Богуславского (1926–2005), который несколько десятилетий работал директором московской школы № 1274 им. В. В. Маяковского. Член Союза писателей и Союза журналистов, он стал автором семи сборников стихов о школе и педагогике.

Напряженный разговор о миссии учителя в современном обществе получает своё продолжение, развертывание и возвышение в следующей книге, составляющей том, – **«Учитель»**. Это новое произведение Ш. А. Амонашвили, которое было создано летом 2012 года. Книга стала последней, которую подготовила к изданию незабвенная Валерия Гивиевна Ниорадзе – жена и сподвижник Шалвы Александровича в отстаивании и развитии учения духовно-гуманной педагогики.

Внешне сюжет этой пронзительно обжигающей книги прост и благостен. Молодого педагога Василия Александровича назначают директором в школу, насквозь пораженную метастазами авторитаризма, и в результате проведения через несколько месяцев педагогического совета по теме «Прошлое, настоящее и будущее школы» переворачивает сознание учителей. Часть из них, неспособная работать на основе идей гуманной

педагогике, которую исповедовал директор, покидает школу. А те педагоги, которые признают это Учение и составляющие его принципы, в едином ансамбле адептов гуманной педагогики начинают исполнять свою новую педагогическую симфонию.

Но как же далека притчевая фабула книги «Учитель» от этой лапидарной и упрощенной трактовки. По сути, **новое произведение Шалвы Александровича – это открытый судебный процесс над авторитаризмом в целом и авторитарной педагогикой как его проявлением в частности.** Перед напряженным вниманием потрясенного читателя проходит не заседание педагогического совета школы, а разворачивается картина Нюрнбергского трибунала. Авторитарная педагогика, как фашизм на Нюрнбергском процессе, обсуждается целостно, во всех ее страшных проявлениях, и осуждается беспощадно и навсегда.

Но вернемся собственно к повествованию. Итак, молодой учитель Василий Александрович назначается директором школы, откуда после очень неприятной истории был уволен прежний руководитель. Случай действительно вопиющий: бывший ученик этой школы убил на автобусной остановке свою первую учительницу.

Обратим сразу внимание на имя-отчество нового директора школы, которое повторяет имя-отчество выдающегося педагога-гуманиста Василия Александровича Сухомлинский. Автор книги и не скрывает, что это совпадение не случайно, а глубоко символично. Начальник окружного департамента, благословив молодого коллегу на осуществление идей гуманной педагогики, даже дарит ему, издав приказ о назначении, пятитомное собрание сочинений В. А. Сухомлинского. Да и завершается книга очень символично. В письме юной учительницы школы гуманной педагогики своей маме звучит следующее: «...наш директор – настоящий воскресший Василий Александрович Сухомлинский».

Но путь к этой реинкарнации оказался очень тернист. Придя в школу, новый директор решает разобраться в том страшном преступлении, из-за которого был уволен его предшественник. Он поручает двум своим сподвижникам – молодым учителям – провести своеобразное расследование в двух плоскостях: что же там произошло, и каковы причины этого преступления. А затем доложить результаты своего педагогического расследования на педагогическом совете.

«Естественно, – пишет Шалва Александрович, – они должны были быть не просто рассказами о печальных происшествиях, в которых учителя выступали бы сторонними наблюдателями и судьями, а такими, которые задевали бы каждого и вовлекали

внутри событий, давали бы каждому возможность увидеть свою причастность к ним, подвели бы к преобразующим переживаниям, мыслям и решениям».

И дальше начинается магия художественного произведения, которое, в отличие от строгих научных трудов, позволяет соединять то, что в реальной жизни трудно совместить. На автобусной остановке одновременно встречаются пять, казалось бы, случайно там оказавшихся людей: мальчик, девушка, молодой человек, пожилая женщина и старик. Картина произошедшего внешне проста. Увидев молодого человека, женщина начинает ему что-то кричать – он в ответ бьет ее по лицу – она падает и умирает. Так решило и следствие.

Но как же далека такая внешняя картинка от всей глубины произошедшего на этой автобусной остановке. Дело в том, что волею автора все эти люди оказались там не случайно, все они связаны между собой: трое из них – бывшие ученики этой самой школы; женщина до рокового дня там учительствовала; а старик с окладистой белой бородой в ней раньше преподавал, но был уволен, так как отказался как член избирательной комиссии подписать сфальсифицированный протокол в пользу «одной правящей партии».

Но и это не так важно. Главное то, что все они – жертвы авторитарной педагогики, даже учительница, которая является ее проводником и исполнителем. Увидев своего бывшего ученика, пришедшего на остановку она «...насмешливо прищурила глаза и сказала злобно и брезгливо: „Это ты, Никчёмный? Повзрослел, Никчёмный? Небось, остался таким же жалким и тупым, каким был? Или жизнь наконец научила тебя быть хотя бы слугой?“ Молодой человек напрягся ещё больше, но не промолвил ни слова, обернулся и собрался было отстраниться от неё или уйти. Он, видно было, спешил куда-то и нервничал, что автобус запаздывает. Но её издевательство заставило его обернуться. Она раздражённым тоном грубила ему: „Как дар твой, Никчёмный, или Бог отнял его у тебя?“ Вот тогда всё и произошло».

А что, собственно, произошло? Произошло то, что молодой человек не убивал свою первую учительницу. В книге это объясняется так:

- *И что между вами произошло? – спросил следователь.*
- *Я ударил её по лицу, ударил со всей силой, и она упала...*
- *Зачем вы это сделали?*

Николай ответил:

- *Не я сделал это!*

Следователь удивился:

- *Как это? Вы же только что сказали, что со всей силой*

ударили её по лицу.

– Я, но не я...

– А кто же?

– Это моё детство расплатилось с ней. Я ей давно всё простил, но моё детство не простило...

Но вернемся от детективных событий к заседанию педсовета, получившего символичное внутреннее название «Стимуляция к самообновлению». Кстати на этом педсовете незримо присутствовал и сам Шалва Александрович. Он выступает в образе философа, который, не вмешиваясь в события, рефлексировал над происходящим. Вот как это описано в книге: «В обычном неприметном уголке он заметил своего друга, учителя истории, которого все в школе звали „философом“. Зная его привычку, у психолога промелькнула мысль: „Интересно, какие же он сделает комментарии к сегодняшнему педсовету?“

„Философ“ сидел за маленьким столиком и держал перед собой раскрытую тетрадь. Он никогда не выступал на педсоветах и совещаниях с речью и не смотрел на выступающего. Он обычно сидел, опустив голову, или глядел в окно, ему как будто было безразлично, что происходит вокруг. Но в действительности выслушивал все и время от времени комментировал мысли выступающих или отдавался размышлениям и все это быстро записывал. Вот такой был „философ“ в школе».

Приведем отрывок из размышлений этого «философа» – Ш. А. Амонашвили.

Сидит в кресле
в своей однокомнатной каморке
только что вернувшаяся домой с работы
пожилая сидящая женщина,
учительница младших школьников.
Она одна,
ибо одинока,
и ей не о ком заботиться,
кроме как о себе.

Она провела день
как обычно —
в борьбе с детьми-учениками,
с этими
малоразвитыми,
невоспитанными,
недоношенными,

дерзкими мерзавцами.

Провела день
в возмущениях,
требованиях,
приказах,
принуждениях,
наставлениях,
наказаниях,
криках и
устрашениях.

И она устала.
Нет сил, чтобы вскипятить воду,
сделать себе чай,
утолить голод,
хотя уже и не чувствует его.
Сидит она в кресле,
разбитая и грустная.
Держит усталую голову в уставших руках и
нехотя погружается в мысли и образы.

«Зачем я назвала его
Никчемным,
когда сама никчемная?»

К ней не придут гости.
Чтобы пришли, их надо иметь.
Не постучат бывшие ученики,
„случайно“ проходившие мимо её дома.
Чтобы они пришли,
нужна духовная нить,
а её она никогда не пряла.
Не придёт одинокая мама
к одинокой учительнице,
чтобы поплакаться о своём горе,
получить надежду,
а потом
преклониться перед ней и целовать руки её
в знак
материнской благодарности
за заботу о сыне.
Не было такой заботы,
потому не будет благодарности.

Таковы страшные и длительные последствия авторитарной педагогики. Она убивает и детей, и взрослых – и тех, кто ее осуществляет, и тех, к кому она обращена. Не пересказывая то, что происходило на этом удивительном по своей очищающей силе педагогическом совете, подведем его главные итоги. Авторитарная педагогика потерпела сокрушительное поражение. А гуманная педагогика восторжествовала.

Одни учителя ушли из школы, осознав что «властная педагогика, которая искалечила их, а через них учеников, ошибка».

А те, кто остались, создали комиссию из 25 членов, среди которых, кроме учителей, члены из попечительского совета, родительского комитета, ученического самоуправления, дирекции. И они на основе «Манифеста гуманной педагогики» подготовили коллективный авторский проект, который назвали «Мечта о Школе»!

По свидетельству юной учительницы, «...В „Мечте о Школе“ есть пункт о том, что в ближайшие два-три года педагогический коллектив будет возвышен до уровня педагогического ансамбля, который и сыграет симфонию гуманной педагогики. Учителя уже настраивают свои инструменты, приводят в гармонию...»

Завершим вступление, строками созданного Шалвой Александровичем фрагмента из этой симфонии – вдохновляющего гимна гуманному педагогу:

«Учитель!

Для чего рождаются дети?

Чтобы ты со своими „технологиями“ и „образовательными стандартами“ приковывал их как прометеев к Кавказским горам?

Дети – носители Нового Бытия, они принесли его с собой, и записано оно в них иероглифами Небес, а код их расшифровки заключен в тайниках сердца. Не дай им забыть об этом коде, ибо видишь, во что превращается жизнь: волки гонятся за овцами, овцы блеют от страха! Помоги каждому, учителем которого ты называешься, применить код, чтобы узнать свой истинный путь и приступить к служению строительству Нового Бытия.

Учитель!

Дай крылья своему воображению!

Вообрази, что именно тебя искали ученики и нашли, нашли в тебе своего учителя!

Если даже нет детей индиго, нет детей света, детей звездных, детей с космическим сознанием, вообрази, что они есть и вот они – твои ученики!

Вообрази и вдохновись, чтобы самому уподобляться Учителю Света, Учителю Индиго, Учителю с Космическим Сознанием!

С таким воображением поспеши к ученикам и твори свои таинства, и перед тобой откроется Новый Педагогический Мир, который станет источником одухотворенной и радостной жизни!

Забудь, Учитель!

Нет плохих детей, это от плохого зрения кажется так. Все дети – Божьи Творения, прекрасные, талантливые, нравственно чистые, духом устремленные и всемогущие!

Учитель, пойми!

Не в банкирах, не в богатых, не в президентах, не в полицейских, не в судьях, не в армиях, а в тебе вся надежда спасения мира!»

Замечательные и очень ответственные слова, вдумаясь в них, коллеги!

Михаил Богуславский,

Рыцарь Гуманной Педагогики,

Член-корреспондент Российской академии образования

I. Рука ведущая

Алексей Александрович поставил подпись в конце своих воспоминаний, написал дату и не преминул указать название большого города, где он проживал. Хотя вся эта обработка была излишней, ибо записи были вовсе не мемуарами и он писал их не для того, чтобы публиковать или показывать кому-либо или даже сохранить надолго.

Ему всего двадцать четыре года, и он студент четвёртого курса факультета языка и литературы. Какие там мемуары! И не до мемуаров ему. Весь месяц потратил он, заполняя двести страниц общей тетради, чтобы заглянуть в себя, разобраться с самим собой. Таким способом он хотел выяснить причины своих мучительных переживаний, которые то и дело доводили его до грани, когда он начинал серьёзно подумывать о том, стоит ли ему жить.

Бывает же такое: человек заблудился в лесу и, вместо того чтобы идти в сторону востока, идёт на запад. Идёт по ошибке, ибо принимает ошибку за правду. Идёт и идёт, и заблуждается всё больше. И когда видит, что может стать добычей хищников, лихорадочно начинает искать причины своего заблуждения: может, есть какой-нибудь шанс выбраться? Кого спросишь, как тебе быть? Была бы птичка добрая, которая пришла бы на помощь и указала путь... Птичек в лесу много; они, может быть, и добрые, но помочь человеку не могут.

Так он заблудился в жизни, и терзавшее душу чувство ненужности прочно прилипло к его сознанию. Откуда оно, это чувство? Можно ли от него избавиться? Имеет ли оно причины, и каковы они?

Ответы на эти вопросы по всей вероятности хранятся в нём самом. Он не обратился к психиатрам и психоаналитикам за помощью. Во-первых, нет денег, чтобы платить им за проведённые сеансы. Но это не так важно. Главное в том, что он не хочет, чтобы кто-то копался в его душе, кто-то другой стал хранителем его душевных тайн.

В тетради он записал всё, что только смог вспомнить, упустив лишь полосу последних трёх лет учительской жизни. В ней он не находил ничего полезного, кроме того, что работал и имел возможность прожить. Скоро этот учебный год закончится, и он бросит школу.

Он больше обращался к воспоминаниям из раннего детства и школьных лет. Но многие события оказались покрыты мраком, и в тетради получились непонятные для него рассуждения о чём-то.

Как будто он делал словесные зарисовки неприятных и бесформенных тёмных обликов; рассеять и посмотреть, что внутри скрывается, ему не удалось.

Алексей Александрович не спал всю ночь, завершал свои записи. Подписал и поставил дату не ради торжества, – мол, дело закончено, – а так просто, не думая об этом. Он закрыл тетрадь, отодвинул её от себя, взглянул на весёлую обложку, но тетрадь вызвала в нём раздражение. «Зря потрудились, – подумал он. – Надо сжечь её где-нибудь, может быть, в лесу».

Он встал. В спешке принял ванну. Сварил себе чашку кофе и тоже в спешке выпил, сунул тетради и конспекты уроков в портфель, вышел из квартиры, сбежал по ступенькам, пересёк двор. Надо было успеть на автобус, который вот-вот подъедет. На нём он добирался до работы, то есть до школы, где поневоле стал учителем. Он поднялся в почти пустой автобус, уселся у окна и постарался предугадать: что предложат сегодня дети. Минимум сорок минут надо ехать. За это время он обычно успевал просмотреть конспекты уроков, внося поправки. На сей раз ему не нужно было этим заниматься. Он завершил программу почти на месяц раньше. Потому пусть содержание дня подскажут дети.

Вдруг безо всякой причины вспомнил, как он, пробегая по лестнице, мимо второго этажа, опять взглянул на дверь чужой квартиры. В своей тетради он записал, что не может объяснить, почему каждый раз, когда поднимается или спускается по лестнице, нехотя замедляет шаг и с тревогой всматривается в эту дверь. Кто живёт за дверью, он не знает. Он всего год назад поселился в этом доме. Ему не нужны соседи. А дверь ничем не примечательна. Почему же тогда он останавливает свой взгляд именно на ней, а не на соседней двери, и почему в это мгновение в нём возникает нечто вроде неприязни или даже страха?

Он встряхнул головой и погрузился в прежние мысли.

Мечтал ли Алексей Александрович стать учителем?

Никогда!

Тем более учителем начальных классов.

Профессия учителя – это женская профессия. А профессия учителя начальных классов – вдвойне женская. Редко сыщешь в огромном городе мужчину, который так же, как он, работает учителем начальных классов.

Как он пришёл в школу?

Случайно, конечно.

Он студент-заочник. Весьма начитанный в русской классике, хорошо разбирается в литературе восточных и западных стран. «Поддающий надежды» – говорят о нём профессора.

Но, будучи на первом курсе, он был вынужден зарабатывать, чтобы поддерживать себя, покупать книги.

У него нет никого из близких, кто мог бы ему помочь. Родителей нет. Отец погиб на войне. В какой? Ну, конечно, не в Первой или Второй мировых войнах, тогда его просто не было. Но разве войны прекращались на земле когда-либо хотя бы на минуту? Он погиб в нелепой Афганской войне совсем молодым, когда маленькому Лёшеньке было лишь три года.

Потеря мужа потрясла маму – красивую молодую женщину, и с ней случился инфаркт. Потом она чуть-чуть оправилась, но произошла другая беда. Алексей Александрович переживает это событие и уход любимой мамы из жизни как свою вину. Так и записал он в тетради: «Мама умерла по моей вине». Причину он так и не выяснил. Помнит только, что маму увезли в больницу из школы, а оттуда – на кладбище. Маленький Лёша много плакал, но тогда ещё не мог осознать, какими осложнениями в жизни обернётся для него эта беда.

Его забрали в детдом, где он был лишён всякой материнской ласки и семейного уюта. Не раз подвергался там издевательствам со стороны старших ребят, а также воспитателей и учителей. Тем не менее окончил школу и поступил в университет, где увлечённо и усердно отдался изучению классической литературы и обнаружил склонность к научной деятельности.

Кто мог поддерживать детдомовца? Он должен был обеспечивать себя сам – детдомовские скудные сбережения кончились.

В поисках работы он зашёл в школу на окраине города, дальше от той, где он жил. Школа была большая. «Может, будет место охранника или какого-либо рабочего?» – подумал он. Его направили к директору. Им оказался добрый пожилой мужчина. Тот расспросил его и, узнав, что молодой человек любит и знает литературу, обрадовался, ибо сам увлекался литературой и писал стихи.

Побеседовав, он на некоторое время задумался, а потом вдруг сказал:

– Да, я беру вас, будете работать учителем начальных классов.

– Что?! – удивился Алексей Александрович. – Я не могу быть учителем, я ничего не знаю!

– Научим, – спокойно сказал директор. – Учить маленьких детей нетрудно...

– Я не люблю учительскую профессию.

– Полюбите, – опять спокойно произнёс директор, – это же божественная профессия!

Алексей Александрович не успел сказать, что эта работа совсем не для него, как директор вызвал завуча.

– У нас осталась вакансия учителя во втором классе? – спросил он.

– Да, – ответила завуч.

– Замену нашли?

– Нет, но ищем.

– Вот вам учитель! – сказал директор и указал на Алексея Александровича.

Завуч с удивлением воскликнула:

– Ой! Он же мужчина!

– Да, мужчина, как видите! Ну и что? – сказал директор. – Нам запрещено брать мужчину учителем начальных классов? Пишите приказ, пока молодой человек не передумал!

А молодой человек и не думал о должности учителя. Он попытался что-то сказать или просто взять и уйти. Но директор вышел из-за своего рабочего стола, взял его за локоть и мягко сказал:

– Вам понравятся наши дети.

Озадаченная завуч удалилась.

– Вы любите стихи? – спросил вдруг директор.

– Да, – ответил Алексей Александрович.

– Так и думал. Хотите, прочту вам свои стихи?

– С удовольствием послушаю, – сказал он.

– Отлично!

Он принял позу поэта и прочёл:

*Школа – не казарма,
Дети – не солдаты.
Не муштруй их, дядька
С головой кудлатой.*

*Не греби их тупо
Под одну гребёнку.
Не насилуй душу.
Дай вздохнуть ребёнку.*

*Не сгоняй их в кучу,
Не гони их строем.
И без строя можно
Вырасти героем.*

*И не замечаем,
Что не та эпоха,
И не понимаем,
Хорошо иль плохо*

(стихи здесь и далее принадлежат Семёну Рувимовичу Богуславскому. – Прим.).

– Ну как? – спросил он, кончив читать.

Стихи понравились Алексею Александровичу, и он похвалил их. Директор остался доволен.

– Это тебе первые мои наставления, – сказал он и дружески улыбнулся.

Вскоре секретарша занесла приказ о назначении Алексея Александровича учителем начальных классов. Директор приказ подписал и торжественно вручил копию новоиспечённому учителю.

Перед тем как попрощаться, директор подвёл его к углу, где на стуле стояла большая картина в золотистом обрамлении. Сама картина была закрыта газетой.

– Только что принёс в подарок школе бывший ученик, ныне перспективный молодой художник. Хочу услышать ваше мнение!

Он снял газету. С картины, написанной масляными красками, на них смотрел один-единственный цветок на высоком стебле – лилия. Она была на фоне неба с облачком.

– Восхитительно! – произнёс Алексей Александрович, зачарованный увиденным.

– Да? Я тоже так думаю... Дипломная работа... Вы бы не подсказали мне, где её лучше повесить?

Алексей Александрович оглянулся и показал на стену напротив окон. Но там уже висели другие картины.

– Правильно, – сказал директор, – я тоже так думал. Уберу все картины и повешу эту одну.

Они попрощались. Это был день двадцатого августа, три года тому назад.

Так студент второго курса стал учителем начальных классов.

Второй класс Алексей Александрович повёл в третий, а теперь завершает с детьми четвёртый класс, сам же оканчивает четвёртый курс университета.

За эти три года он полюбил детей, и дети полюбили его.

Но полюбил ли он профессию учителя?

Никак нет!

Вот закончится учебный год, и он скорее пойдёт работать грузчиком, чем останется в школе учителем.

Выйдя из автобуса, он добежал до школы.

Завуч встретила его в холле.

– Алексей Александрович, вас ищет директор. До звонка ещё есть время. Поспешите к нему!

– Спасибо, – сказал он и поднялся на второй этаж.

«Прочтёт новые стихи», – подумал он. Так происходило часто: директор звал его, чтобы услышать его мнение.

Директор, увидев его, порадовался.

– Хорошо, что пришли! – он закрыл за ним дверь на замок. Затем взял его за локоть, подвёл к окну, откуда был виден майский пейзаж окраины большого города, и достал из кармана листки.

– Мне нужно ваше мнение, понимаете, именно ваше мнение. У вас прекрасный вкус. Их я написал вчера ночью, послушайте, пожалуйста!

Он как обычно принял позу поэта. В левой руке держал листки со стихами, а правой рисовал в воздухе символы, выражающие настроение и придающие образам семантическую абстрактность.

Он читал красиво и увлечённо, а Алексей Александрович слушал внимательно, направив свой взор на картину с лилией.

Не надо воевать с ребятами,
Смешливыми и плутоватыми,
Самолюбивыми, лохматыми,
Застенчивыми, угловатыми,
Надменными акселератами,
Трусливыми и хамоватыми,
Пустыми, скрытными, пассивными,
Красивыми и некрасивыми,
Прямыми, вспыльчивыми, дерзкими —
Со всеми их словами детскими,
Которые запоминать
И после им припоминать
Не надо...
Как же, их простить???
Да так вот...
И не надо мстить.

Не надо воевать с ребятами.
Во всём, конечно, виноватыми.

Он закончил читать и сразу ушёл в творческую задумчивость. Видимо, забыл, что рядом стоял человек – его ценитель. Спустя пару минут он оторвал взгляд от окна и направился к своему рабочему столу. Сел за стол, взял авторучку, сгрыз её верхнюю часть и устремил взор в никуда. Потом опустил голову и стал быстро записывать.

Алексей Александрович был действительно очарован стихами: искренняя любовь к детям и владение образностью слова рождали педагогическую поэзию. Он хотел похвалить директора, но, увидев, что тот в плену вдохновения, бесшумно вышел из комнаты и шёпотом предупредил секретаршу:

– Не тревожьте его, пока сам не позовёт!

И поспешил в свой класс.

Учителя-коллеги охотно взялись сделать из него учителя. Приглашали на свои уроки, на методические объединения, давали наставления и объяснения. Даже делились своими конспектами уроков, разрешали списывать.

Но у него складывалось впечатление, что он всё это и так знает. Скажем, сидит он на уроке математики маститого, опытного учителя, записывает весь ход урока: все вопросы учителя, все ответы. И всё это кажется ему до боли знакомым. Иногда он забывал, что сам уже вроде учителя, и тогда ему казалось, что он ученик-второклассник и его вот-вот вызовет учительница, задаст вопрос, он запнётся, а она раздражённо скажет: «Что мне с тобой делать... Опять двойка!» В такие моменты ему хотелось заплакать, закричать, зарыдать, бунтовать.

Был случай, когда он выкрикнул на уроке: «Вы не имеете права!» Учительница посмотрела на него в недоумении. Дети оглянулись. И он сразу обнаружил, что давно уже не ученик и ему никто в жизни больше не осмелится задать вопрос: как пишется слово «ещё» или сколько будет от двадцати отнять девятнадцать. И не будет такого, чтобы на него набросился кто-нибудь из учителей и обозвал «тупым», как сделала эта учительница, которая давала ему показательный урок.

На уроках своих коллег, – а они часто специально для него готовили уроки, чтобы учить новичка, – он не учился, а

возмущался. Возмущался тем, что они только спрашивали у своих учеников, а те, бедные, только отвечали. Учителя разгуливали по всей классной комнате, а дети не могли шевельнуться без их разрешения. Учителя оценивали их знания и ставили отметки, а дети были лишены права оценивать уроки своих учителей и ставить отметки им. Они могли обругать ребёнка, накричать, высмеять его, а тот, напуганный учительским гневом, беспомощно опускал голову, краснел, плакал.

Может быть, этому мальчику или этой девочке, как ему самому, когда он был учеником и когда учительница унижала его, тоже хотелось умереть на месте или выброситься из окна, чтобы хотя бы так вызвать к себе чувство сострадания одноклассников и наказать учительницу? Он сам, будучи учеником, после очередной учительской грубости не раз подумывал, что, вот, придёт домой и найдёт способ, чтобы покончить с жизнью. А теперь на уроках своих коллег ему то и дело казалось, что у того мальчика, которого оскорбили, тоже появляется мысль о самоубийстве.

И ему становилось плохо, хотелось встать и демонстративно выйти из класса. Но детдомовское воспитание не позволяло ему так поступить. И когда в конце урока к нему подходила гордая учительница в надежде услышать похвалу от начинающего учителя, этот начинающий открывал рот как рыба, не в состоянии выпустить ни звука.

Какие же уроки проводил он сам? Делал всё наоборот, чему учили и что показывали коллеги и, конечно же, назло своей учительнице, которая однажды вызвала его маму и что-то грубо ей сказала.

Коллеги к нему на уроки не приходили. Им не нужно было ходить к нему, ибо они и мысли не допускали, что у него тоже можно чему-то научиться.

Завуч не спешила его проверять, у неё и так было много забот: готовить отчёты, собирать справки, составлять планы, а также разрешать конфликты. Ей не нужно было проверять новичка ещё и по той причине, что на него не было никаких жалоб от родителей. Ещё она боялась того, что обиженный проверкой учитель мог уволиться из школы. И где тогда найти замену? Никто не хочет работать учителем, тем более если школа находится на окраине города.

Из кабинета директора он поспешно направился в свой класс.

Дети встретили его радостными возгласами.

– Что мы будем делать? – спросил он у детей.

– Сегодня хорошая погода, давайте погуляем...

– Лучше в футбол поиграем...

– Нет, – сказал учитель, – так нельзя. Урок есть урок. Вот и спрашиваю, что нам делать на уроке?

У него получилось так, что всю программу по чтению и математике он закончил гораздо раньше, чем полагалось. Другие учителя жаловались, что у них не хватает времени, чтобы пройти программу. А у него хватило. И он растерялся: что дальше делать? Не станет же повторять и закреплять пройденное. Тогда он обратился к детям:

– Скажите, что нам делать, когда делать уже нечего?

Сначала предложили почитать что-нибудь интересное. Он сказал:

– Хотите, почитаю вам то, что сам читаю? Это не детская книга, а для взрослых.

Дети восхитились.

Он показал им толстую книгу. Это был роман Достоевского «Преступление и наказание».

– Ух ты! – порадовались дети.

И он начал им читать Достоевского.

Дети увлеклись.

Он не обсуждал с ними ничего, не задавал вопросов. «Слушайте и попытайтесь всё понять», – сказал он детям.

Они, может быть, поняли не всё. Но помогали им чувства: они то грустили, то возмущались, то восхищались. Иногда же лились слёзы – плакали даже мальчишки. Не скрывал слёз и учитель.

Так прошла первая свободная от программы неделя.

Когда учитель дочитал последнюю страницу и посмотрел на своих учеников, он их не узнал – они повзрослели, были озабочены.

Потом несколько дней они посвятили музеям, театрам. Остались ещё две свободные недели, после чего завершится учебный год и он расстанется со своим классом и школой.

– Так скажите, что же нам делать?

Голубоглазая девочка сказала:

– У меня есть предложение. Вы же студент филологического факультета, и скоро у вас будут экзамены?

– Это так.

– Нельзя ли узнать, какие вы будете сдавать экзамены?

– Почему же? Можно! Скажем, историю литературы, языкознание...

– Алексей Александрович, – прервала голубоглазая девочка, –

расскажите нам об истории русской литературы.

– Что?!

Но дети воодушевились.

Всех перекричал зеленоглазый мальчик.

– Алексей Александрович, вообразите, что вы профессор университета, а мы ваши студенты четвёртого курса. Прочитайте нам лекции по истории русской литературы, а потом мы сдадим вам зачёты...

Класс взорвался от восторга.

– Как?! – не сдавался учитель. – Вы же ученики четвёртого класса!

– А вы вообразите, что мы студенты.

– Но вам будет скучно, лекции ведь для взрослых!

– А вы сделайте так, чтобы нам было интересно.

– Вы же не поймёте.

– Но мы поняли Достоевского...

Все возражения учителя дети смело парировали.

Он отошёл к окну, посмотрел, какую нежную зелень распускают деревья.

Дети застыли в ожидании.

– Значит, вы хотите послушать курс лекций по истории русской литературы? – он не обернулся к детям. За его спиной прогремело «да». – Значит, вы как студенты, а я как профессор? – опять мощное «да». – Так и быть! – сказал он.

– Ура! – закричали дети.

Но Алексей Александрович преобразился.

Его глаза увидели перед собой за студенческой скамьёй тридцать шесть юношей и девушек, красивых и талантливых молодых людей. Студенты четвёртого курса стоя встретили своего любимого профессора.

– Садитесь, – мягко сказал профессор. – Итак, мы начинаем курс истории русской литературы. Сегодня у нас будут две пары вводных лекций...

После уроков... Нет-нет, после лекций со своими студентами Алексей Александрович направился в кабинет директора. Ему хотелось выказать своё восхищение по поводу утренних стихов, но в прихожей его остановила секретарша и шёпотом сказала:

– Он ещё не выходил, всех, кто рвался к нему, я отправила обратно!

– Правильно сделали! – похвалил девушку Алексей

Александрович и попрощался с ней.

Вышел на улицу. Теплый майский день ласкал его. Настроение было хорошее – профессор остался доволен своими студентами: они были внимательны и задавали умные вопросы.

Он решил идти домой пешком. Понадобится часа три с лишним, время есть, а день – чудесный.

Примерно час он шёл в сторону центра города. По пути надо было пройти через красиво убранный скверик, где в декоративном порядке было посажено огромное количество тюльпанов. Он решил отдохнуть и дать глазам возможность насладиться красотой.

Так он сидел долго, пока не заметил, что погода меняется и может пойти дождь. До этого он думал о своих завтрашних лекциях со студентами, и ему было легко. Но теперь, – была ли причиной тому перемена погоды? – на него нахлынуло обычное для него чувство ненужности. Да, он написал двести страниц, но облегчение не наступает.

«Человек есть Путь, говорит Конфуций, но если у человека нет Пути? Если он не знает о своём Пути? Как ему быть? – думал он. – Человек без Пути – кто он? Вот идёт молодая женщина, кто она – человек Пути? Или этот старичок, который еле передвигает ногами, опирается на палку – он идёт по своему Пути или так и постарел, ни разу не подумав о том, что надо открыть в себе свой Путь?»

О Пути он начал размышлять сейчас, ибо, читая лекции своим студентам, он заговорил о философии Конфуция. К слову пришлось, но он не был конфуцианцем. Его философские взгляды не были целостными. Он полагал, что мир есть хаос нескончаемый, жизнь есть проявление хаоса, и если что-то мы считаем красотой и законом, это есть не что иное, как случайное столкновение или совпадение обстоятельств, которые могли и не совпасть. Но если человек имеет Путь?

Эта идея противоречила его представлениям о хаосе. Однако, философствуя о разных вещах, он не замечал, что идея о Пути всё больше проникает в его сознание.

Вот и сейчас... Он встаёт со скамейки. Это явление закономерное или случайное? Он может пойти направо или налево. Что определяет выбор – случайность или закономерность? С этими нескладными мыслями он оказался перед огромным зданием – случайно это или закономерно?

Он оглянулся вокруг и только сейчас заметил, что дождь уже прошёл и он идёт по мокрому тротуару. Тут он вспомнил, что надо уничтожить записи, лучше сжечь их. Где это сделать? Да, в лесу, а он на другой окраине города. Решил поехать на автобусе,

чтобы закончить с этим делом до того, как стемнеет, а потом вернётся домой и займётся подготовкой к завтрашним лекциям.

От конечной остановки он шёл ещё минут двадцать. И, как только вошёл в лес, тут же забыл о всемирном хаосе. Спокойствие, пение птиц, воздух душистый, краски природы, стволы берёз очаровали его. Он уселся под деревом и закрыл глаза.

Так он сидел долго. Потом вспомнил, зачем сюда пришёл. Открыл портфель, достал тетрадь и спички. «Зачем я это писал, чтобы прийти сюда и сжечь? Может быть, не надо? Пусть пока хранятся записи. Брошу тетрадь в ящик. Чем она будет мне мешать? Но зачем она нужна мне? Каждый раз, открывая ящик и видя её, буду раздражаться. Записи ни о чём путном мне ни слова не сказали. Лучше сжечь, и дело с концом».

Тут он услышал голос:

– Тебе нравится здесь?

Перед ним стоял кудрявый мальчик лет пяти-шести со светлыми волосами, большими синими глазами, правильными чертами лица.

– Да, здесь хорошо, – ответил он.

– Ты умеешь понимать птичий язык? – спросил мальчик.

– Нет, к сожалению...

– Жаль, ибо они иногда несут вести. Если люди научатся птичьему языку, то они будут знать, что надо и чего нельзя делать.

– А ты понимаешь птиц?

– Я пока догадываюсь. Только что мне на плечо села птичка и зачирикала. Я понял, что мне надо идти в эту сторону, и увидел тебя.

– А это важно для тебя – увидеть меня?

– Не знаю. Может быть, важно для меня, а может быть, важно для тебя.

– Да? – засмеялся Алексей Александрович. Мальчик ему явно понравился. – Ты один в лесу?

– Вообще-то, лес меня не пугает, и могу ходить один. Но я здесь с мамой, она ягоды собирает. – Мальчик посмотрел на тетрадь. – Что это за книга с красивой обложкой?

– Это не книга.

– Тогда это тетрадь?

– Да, ты угадал.

– Хочешь, угадаю ещё? Раз ты пришёл в лес с этой тетрадью, значит, в ней записано что-то очень важное для тебя.

– К сожалению, я так не думаю.

Алексей Александрович встал.

– До свидания, – сказал он мальчику и ушёл от него.

– Зачем ты так быстро уходишь? – закричал ему вслед мальчик.

Но он не отозвался. И когда счёл, что достаточно от него отдалился, сел на срубленное дерево и приготовил спички.

«Что-то очень важное», – повторил он слова мальчика. Да, эти записи могли быть для него очень важными, но стали ненужными.

Он зажёл спичку и поднёс к обложке тетради.

Обложка загорелась.

За его спиной опять зазвенел голос мальчика, и он вздрогнул от неожиданности.

– Что ты делаешь?

– Ты же видишь, что я делаю.

– Ты сжигаешь важные записи?

– Они вовсе не важные!

– Нет, раз ты сжигаешь, значит, важные. Ты хочешь от них избавиться. Ведь так?

– Мальчик, зачем ты следишь за мной? – рассердился Алексей Александрович.

– Я не слежу за тобой. Это та же самая птичка направила меня. Ты недоволен, что я говорю правду по поводу тетради?

Тем временем огонь на обложке потух. Алексей Александрович опять зажёл спичку.

– Ты разве не знаешь, что в лесу нельзя разводить костёр? Так возникают пожары.

Кто кому даёт урок?

Алексей Александрович на этот раз не рассердился, а засмеялся.

– Ты прав, – сказал он и потушил спичку.

– Ты очень хороший и умный, – и мальчик похлопал его по плечу.

– Спасибо за похвалу.

– А эти записи сжигать не надо. Они пригодятся тебе.

– Откуда ты знаешь, что они пригодятся мне?

– Не знаю, но ты не сомневайся.

Алексей Александрович внимательно посмотрел на мальчика. Ему показалось, что находит в нём что-то магнетическое.

– Мальчик, скажи, ты не пропал у мамы, или она пропала у тебя?

– Какая разница, – улыбнулся мальчик, – мы разошлись и, когда нужно будет, найдёмся.

– А если ты у неё пропадёшь?

– Этого не случится.

– Откуда ты знаешь, что случится и что не случится? Возьму я, допустим, и заберу тебя.

– Ты этого не сделаешь.

– Почему?

– В этом нет необходимости.

Оба улыбнулись друг другу и остались довольны игривому разговору.

Подошла молодая красивая женщина.

– Здравствуйте! – сказала она незнакомцу и обратилась к мальчику. – Вот ты где. Пошли, нам пора!

– Мы скоро увидимся, а записи не сжигай, – сказал ему мальчик и пошёл за мамой.

«Какой самоуверенный», – подумал Алексей Александрович, провожая их взглядом.

Он положил тетрадь и спички обратно в портфель и медленным шагом направился к городу.

Автобусная остановка была недалеко. Он увидел, что мальчик с мамой ждут автобуса. На остановке кроме них никого не было. Он ускорил шаг – магнетическая сила мальчика притягивала его. Подъехал пустой автобус. Они подошли к дверям. Мама держала мальчика за руку, помогая ему подняться. В это время мальчик обернулся, тоже увидел его, споткнулся о ступеньку и упал на асфальт, ударившись коленом.

Видимо, ему стало больно, очень больно. Алексей Александрович понял это по тому, какую острую боль ощутил в колене в это же самое время.

Он подбежал к мальчику. Помог подняться и собрался было сказать что-то подбадривающее, но мальчик его опередил; он улыбнулся ему, сказал «спасибо», а перед мамой извинился.

Они поднялись в автобус.

Алексей Александрович тоже поехал бы этим автобусом. Но пока он нагнулся, чтобы поднять с асфальта портфель, двери захлопнулись, и автобус тронулся.

Он глядел вслед удалявшемуся автобусу, и странное, весьма странное чувство начало овладевать им: ему показалось, что мальчик – это он сам, Алексей Александрович, и мальчик этот – его детство! «Это же я?! Этот мальчик – я! Я узнаю себя в мальчике!» – подумал он с удивлением.

Сегодня понедельник, день приёма зачётов от студентов. Две недели чтения курса лекций по истории русской литературы шли

по восходящей линии. Каждый день студенты всё больше увлекались вопросами, которые разбирал с ними их профессор. Резко изменилось у них отношение к вчерашнему своему учителю. Неожиданно для себя они обнаружили, насколько он мыслящий человек и оратор.

– Профессор, можно ли привести на ваши лекции маму, она очень интересуется литературой! – спросил один студент.

– Можно, – добродушно ответил профессор.

– А я дедушку приведу, можно?

– Можно...

И последние три дня аудитория была переполнена мамами, дедушками, бабушками. Пришли даже несколько пап.

Восторг и удивление росли с каждым днём.

В конце недели профессор объявил:

– В понедельник будете сдавать зачёты.

Понедельник был тем днём, когда по плану завуча в классе Алексея Александровича должен был состояться прощальный праздник: учитель прощается со своим четвёртым классом, дети переходят в пятый, а учитель возвращается в первый. И начинается всё сначала.

Алексей Александрович пошёл к директору.

Тот обрадовался, увидев его.

– Хотел позвать вас сам... Пожалуйста, послушайте мои вчерашние стихи.

Он повлёк его к окну, достал из кармана лист, развернул его, отрешился от всего внешнего, погрузился в себя, и его правая рука начала обводить в воздухе поэтические абстракции. Он читал искусно и вдохновенно.

Я никогда детей не унижал.
Бесился и от ярости дрожал.
Как возмущался!
Как негодовал!
Но повода для мести не давал.

В порыве утверждения добра
Вершил я суд,
Как будто отобрал
Права на то у Бога
Самого,
И удивляя, и смеша Его.

Неважно,
Кто патриций,

Кто плебей,
Неважно,
Кто сильней,
А кто слабей,
И даже
Кто глупей,
А кто умней,
Прости,
Не так уж важно это мне.

Но зло, оно есть зло,
Хоть ты умри,
И подлость – подлость,
Что ни говори.
Не примириться с этим,
Не принять,
И не понять,
И боли не унять.

Вот только дети...
Лгут.
Но ты им верь,
Как верят Небу,
Солнцу
И Траве.
Спасибо,
Господи,
Что удержал
От злобы.
Я детей не унижал.

Он закончил чтение, но понадобилось минуты три, чтобы выйти из поэтического транса.

Алексей Александрович был зачарован стихами. Был восхищён самым директором, глаза которого излучали любовь.

– Вы истинный поэт... – сказал он со всей искренностью.

На лице директора засветилась улыбка благодарности.

– Я бы хотел издать сборник стихов, – сказал он с какой-то застенчивостью, даже чуть покраснел, – не согласились бы вы стать моим редактором?

Алексей Александрович смутился: не ожидал такого лестного предложения.

– Я же ещё студент... Вы прекрасный поэт. Хотите, я попрошу

в университете своего профессора, он известный человек в литературных кругах...

Директор прервал его:

– Вы для меня есть известный профессор. Пусть сегодня вы студент, но придёт время, и я буду гордиться тем, что именно вы стали редактором моего первого сборника. Ну как, не откажете?

– Нет, конечно, – сказал Алексей Александрович, а в душе подумал с грустью: «А что есть моё будущее? Нет его у меня».

Момент был подходящий, и Алексей Александрович рассказал директору о своих профессиональных занятиях со студентами четвёртого курса и попросил принять зачёты.

Директор посмотрел на него с изумлением.

– Значит, вы в течение двух недель читали своим ученикам...

– Студентам четвёртого курса, – вставил Алексей Александрович.

Директор принял поправку.

– ...студентам четвёртого курса спецкурс по истории литературы в объёме тридцати или сорока часов... Так?

– Именно так!

– Как вам это пришло в голову?!

– Они сами подсказали...

– Как они могли такое подсказать?!

– Почему же, они у меня развитые!

– Скажите, что вы делали с классом эти три года?

– Не знаю... Учил, воспитывал...

Изумление директора переходило не в возмущение, а в восхищение.

– Люблю таких учителей, как вы! – сказал он и похлопал его по плечу. – Хорошо, примем зачеты от ваших студентов. Только пригласим ещё одного литератора из старших классов...

Слух о зачётах в тот же день облетел все кабинеты, коридоры, переходы школы.

Учителя начальных классов сразу насторожились: что за инновация такая и почему новичок выпендривается?

Завуч заволновалась. Ни разу не проверяла она уроки студента, в классе он мог натворить все что угодно, он же не профессионал!

Учителя старших классов иронически улыбались: мол, глупость читать ученикам четвёртого класса университетский курс! Но то, чем сами занимались в это время, они не считали глупостью: сосредоточенно и тщательно складывали цифры от двух до пяти, делили сумму и выводили среднеарифметические баллы своим ученикам.

Завуч с двумя именитыми учителями начальных классов

пришли к директору предупредить, что такого допускать нельзя. Лучше проверить, как студент справился с классом – срочно провести контрольные. И вообще, от него, неспециалиста по начальным классам, лучше избавиться.

Но директор стоял на своём: его доверие к Алексею Александровичу было выше всяких проверок и сомнений.

Завуч с учителями вышли из кабинета директора недовольными.

А сегодня уже день принятия зачётов.

Студенты четвёртого курса столпились перед аудиторией и с волнением ждут вызова.

Учителя, проходящие мимо, одаривают студентов насмешливыми улыбками. Над ними издеваются старшекласники.

В аудитории же идёт серьёзная университетская работа.

После того как двое-трое студентов выдержали экзамены и ответили на коварные вопросы, члены комиссии переглянулись и произнесли короткое «м-да-а». С лица учителя-литератора стёрлось недоверие, а лицо директора засияло. Зачёты постепенно перешли в волнующий праздник знаний.

И когда из аудитории вышел последний студент, директор с некоей задумчивостью сказал двум своим коллегам – учителю литературы и Алексею Александровичу:

– Выше всяких знаний есть любовь к знаниям. Дети полюбили литературу, значит, они не пропадут в жизни!

Он пожал руку Алексею Александровичу и вышел из аудитории.

Учитель литературы доброжелательно улыбнулся коллеге.

– Вы новатор, я стал вашим сторонником!

Но учителя, которые проходили мимо аудитории, или те, которые бегали по этажам большой школы, вслух или про себя возмущались выходкой учителя начальных классов, а его эксперимент считали недоразумением.

Так стал Алексей Александрович белой вороной среди учителей и нажил себе стаю неприятелей.

Но Алексей Александрович этим не был озабочен.

Во-первых, он и не мог вообразить, какие именно трудности навлёк на себя. Во-вторых, впредь он не собирался оставаться в школе и таким образом эти возможные осложнения могли бесследно испариться.

Три года учительской жизни оставили в нём любовь к детям, но никакой, хоть малейшей привязанности к этой профессии. Скорее наоборот. То, чему учили коллеги и на что они его настраивали, вызывало в нём уныние и жалость к учителям. Рутинa – вот как он оценил школьную жизнь. Рутинa и насилие. Было ещё одно слово, которым он мог бы оценить самую основу школы, но он тогда не пользовался этим словом, ибо его сознание не выходило за грани его же теории о случайностях и хаосе. Слово это – «духовность», и словам «рутина» и «насилие» он мог бы предварить слово «бездуховность».

Своё ближайшее будущее он видел далеко от школы. Потому в тот же день после зачётов он написал заявление об освобождении от учительской должности.

Милый директор обиделся. «Почему и зачем, – спрашивал он, – вы уходите из школы?» Обещал, что будет поддерживать его педагогическое творчество. Сказал, что видит в нём талантливого учителя.

– Нет, – настаивал Алексей Александрович, – школа – не моё дело...

– Тогда вот что: я не наложу резолюцию на ваше заявление вплоть до начала будущего учебного года.

На том и порешили.

Но Алексей Александрович в своём воображении сжёг все мосты, которые могли привести его обратно в школу.

Воспользовавшись свободой, он начал обходить редакции разных изданий и издательств, предлагая им свои услуги: корректора, корреспондента, стилиста, редактора, разносчика. По вечерам садился у компьютера и через интернет запрашивал справки о работе.

Хотя эти хлопоты отнимали много времени и, казалось, у него не оставалось ни минуты, чтобы заняться чем-то другим, это было не так. Внешние заботы не перекрывали внутреннюю озабоченность.

Да, да, он был весьма и весьма озабочен.

В одном журнале он вычитал, что слово «забота» означает «за божественной тайной».

Перед ним возникла тайна.

Но может ли существовать какая-либо тайна, когда всё в мире строится на случайностях?

Случайное стечение обстоятельств может принести случайное счастье, так же, как и случайное горе. В это он верил.

Но вот и объясни с помощью случайностей рождение в нём мысли о том, что мальчик, с которым он встретился в лесу, есть он сам, есть его живое детство!

Такого ведь не может быть?! «Наверное, у меня сдвинулись мозги, вот и всё». Может быть, мальчик действительно похож на него внешне, когда он сам был таким же маленьким. Вот и совпадение. «А почему у тебя тоже заболело колено, когда он ушибся?» Задавал он этот вопрос самому себе и отвечал на него с лёгкостью и убедительно: «Это называется эмпатическим переживанием и известно всем психологам».

«Но сказал же тебе мальчик: „Мы скоро увидимся“? Опять наивный вопрос. Ребёнок всё может сказать, но не всё будет правдой. Надо же было ему что-то сказать на прощание? Вместо „до свидания“ он сказал: „Скоро увидимся“. Может быть, увидимся, может быть – нет, будет решать случайность».

Так, разговаривая с самим собой, он обходил редакции и издательства. Затем шёл туда, куда вели ноги. А на этот раз они привели его на ту же последнюю остановку автобуса, где начинался лес.

«Вроде я не собирался сегодня пойти в лес. Что мне тут надо?!» – удивился он.

Тем не менее он зашёл в лес и нашёл то место, где встретился с мальчиком и тот отговорил его сжечь записи, считая их важными для него.

«А ведь он был прав! Они были для меня важны, пока я надеялся, что разберусь в себе», – подумал Алексей Александрович. По совету мальчика он спрятал тетрадь в ящик своего компьютерного столика.

«Нет ли здесь мальчика случайно?» – подумал он и добавил: «Это была бы слишком высокая случайность».

Он вышел из леса и направился к остановке автобуса. И вдруг видит: подъезжает автобус, женщина помогает мальчику подняться. Он бежит, чтобы помочь мальчику не упасть, но падает сам и ударяется коленом об асфальт. Ему очень больно. Прохожие помогают ему встать.

– Вы сломали ногу? Может, вызвать скорую? – спрашивает прохожий и достаёт мобильник.

– Спасибо, не надо! – говорит он.

Преодолевает боль и идёт к остановке. Но останавливается на полпути. Решает поставить эксперимент. Возвращается обратно, входит в лес, потом выходит в город и идёт по тротуару. Приближается к тому же месту и твердит самому себе, что не упадёт. Но именно перед последним шагом он забывает об осторожности, ибо видит, как женщина помогает мальчику подняться в автобус. И он падает на асфальт.

Опять острая боль в колене. Теперь уже другие прохожие помогают ему встать, сочувствуют, предлагают вызвать такси. Но

он стоит с выражением глубокой озабоченности. Такое лицо может быть только у помешанного. Люди, которые окружили его, в спешке отходят. А к нему вновь возвращается мысль, которая видоизменяется в разных вариациях, чтобы выразиться точнее: «Я есть тот мальчик... В том мальчике нахожусь я сам... Я повторяю своё детство...» Он разводит руками и, к удивлению прохожих, произносит с недоумением:

– Я же не могу дважды родиться?!

Утром ему позвонили из одного издательства и сообщили, что могут взять его на испытательный срок на должность корректора.

Он явился в издательство немедленно. Ему сразу выдали приказ о назначении, оговорили зарплату. Потом молодая женщина отвела его к рабочему столу, где стоял компьютер, и сказала:

– Вот вам дискета с будущей книгой. Читайте прямо на компьютере и делайте правки. Работа срочная. Если будет что непонятно, обращайтесь ко мне.

Она уселась за своим столиком у компьютера недалеко от него, у окна. В комнате их было трое: один пожилой человек, видимо, заведующий отделом; молодая женщина, может быть, редактор; он сам.

Он вставил дискету в компьютер и приступил к работе. Ошибок в тексте обнаружил много, потому дело двигалось медленно. Но и книга увлекла его.

Правда, она была не в его вкусе, точнее, таких философских книг он ещё не читал. Потому ему было трудно понять, что есть Дальние Миры, что есть Космическая связь, что есть Веление Космической Жизни, что есть Тонкий Мир, как может быть сердце свыше действующим органом. Но мудрость, которая струилась буквально из каждой строки, поражала его. Ему приходилось два-три раза перечитывать страницу, чтобы править и не упускать мудрость.

Невольно запоминал фразы, которые в какой-то степени задевали его интересы. «Иди путём любви, иди путём труда, иди путём щита веры». Не о том ли Пути идёт речь, о котором говорил Конфуций? Нет, решил он, здесь, наверное, говорится о том пути, по которому можно найти свой Путь. «Иди сердцем, и чаша путь утвердит». И он опять задумался. Какая чаша? Какой путь она утвердит? Как идти Сердцем? Ему показалось, что во

фразе «Иди Сердцем» подразумевается идея о случайностях: «Иди, как захочет Сердце, не думай ни о чём; что будет, то и будет», – так он истолковал мысль из книги.

«Как это так?!» – удивился он, когда вычитал: «Приучайтесь ничему не поражаться и не удивляться». Как не поражаться и как не удивляться? Зачем же тогда человеку эти свойства? Но раз написано, значит, есть здесь какая-то мудрость. Действительно, заключил он, если всё строится на случайностях, то чему же тогда можно удивляться? Тому, что произошло счастливое стечение обстоятельств? Ни поражаться, ни удивляться такой случайной обстановке, конечно, не нужно.

Он старался по-своему толковать мысли, которые заставляли его отрываться от правки текста и задумываться. Но вовсе не предполагал, что философская основа книги этого не потерпит.

В одном месте он споткнулся об эти мысли. В книге было написано о следующей истории: «„Замок заблуждений“ – так называются развалины в Курдистане. Говорят, что замок был построен по ошибке: место было выбрано по ошибке; владелец женился по ошибке; играл в кости по ошибке; заболел по ошибке и погиб по ошибке. Можно допустить лишь известное количество ошибок!»

Ого, сказал он себе, а что есть тогда случайность? Если она есть проявление хаоса, то её тоже следует принимать за ошибку. И тогда что же получается? Владелец замка прожил всю свою жизнь случайно? Мудрость же в том, что можно допустить лишь известное количество случайностей, а дальше вступают в силу закон и порядок. Так ведь надо понимать?

Он закрыл глаза и ушёл в мысли. Двести страниц заполнил он, вспоминая события своей жизни, чтобы докопаться до причин отчуждённости, ненужности и одиночества. Зачем ему эти причины, если их можно тоже считать случайностями?

«Я работал с детьми, – думал он, – и я не был одинок. Но чувство одиночества всё же пожирало и пожирает меня. Дети любили меня, значит, я был им нужен. Но я не могу преодолеть в себе переживание ненужности. Я не отчуждён людьми. Ведь не хотел меня отпускать директор школы. Но чувство отчуждённости всё же не даёт мне покоя...» Мысли эти спотыкались о мысли, которые он вычитывал в книге.

– Вам плохо? – услышал он голос молодой женщины.

– Нет-нет, я просто задумался... – быстро возразил он.

– Выпейте кофе, – и она поставила на столик чашку.

Пожилой мужчина, видимо, ушёл. Алексей Александрович посмотрел на часы. Рабочее время кончилось. Но ему дали срочную работу. Как быть? Он вопросительно взглянул в сторону

молодой женщины. Она собиралась уходить.

– Вы можете остаться и ещё поработать, если хотите. Вахтёр сам закроет комнату. А мне пора. До свидания!

– Спасибо за кофе...

Женщина ушла. Он опять закрыл глаза.

Мысли начали беспорядочно крутиться в его голове. Но в мысленном хаосе возникли чистые линии, они создали экран, и на нём начал проявляться образ женщины. Он вздрогнул. Нет, невозможно не поражаться и не удивляться тому, что он сейчас созерцает! Он видит перед собой молодую красивую женщину, которая только что ушла, ту самую женщину, которая есть мама мальчика, и того самого мальчика, который есть он!

Ошибка ли это?

Случайность ли?

Или, может быть, всё это есть продукт больного воображения?

Он мигом выскочил на улицу.

Где она? В какую сторону ушла?

И он пошёл туда, куда шли ноги.

Он шёл и размышлял о том, что с ним происходит. Мысли, которые он извлёк из редактируемой им книги, начали исправлять его сознание. Он понял, что заблуждается в своих убеждениях по поводу случайностей, и бросился в крайность – всё закономерно, нет никаких случайностей. Приняв эту точку зрения, он попытался переосмыслить события, происходящие в его жизни, но это оказалось делом затруднительным – где эти закономерности? События происходят, а причин не видно. Почему сердце его разрывается при мысли, что он случайно рождённый и потому лишний среди людей? Он не находит смысла своей жизни, он не находит путь, чтобы найти свой Путь. Сказал же Конфуций: человек без Пути уже не человек. Мысли и жизнь его оказались в тупике.

А теперь эта навязчивая идея, что он есть тот мальчик. Не может избавиться от неё, но действительно ли хочет избавиться? Скорее он цепляется за неё, как за соломинку. Зачем он хочет догнать эту женщину? Что он ей скажет? Скажи ей эту несуряницу, что её сын есть он сам – корректор издательства, она, нет сомнений, посмотрит на него с чувством сожаления: молодой человек лишился рассудка. Как же по-другому она может отреагировать на такое? Ему лучше уйти из издательства; ещё

лучше будет, если он вообще уедет куда-нибудь далеко, уедет насовсем.

Придя домой, он достал тетрадь из ящика стола и сразу лёг в постель как больной. Но, не успев раскрыть её, заснул. Утром тетрадь валялась на полу. Он бросил её обратно в ящик, срочно привёл себя в порядок и поспешил на работу. Пришёл в издательство рано. Решил выполнить задание и тут же подать заявление об уходе. Но, конечно, хотел увидеть молодую красивую женщину, хотя уже уговорил и убедил себя, что нельзя сказать ей ни слова о своей навязчивой идее. Может быть, только намекнёт: не она ли та самая женщина с мальчиком, которую он видел в лесу?

До обеда он был один в издательстве. Потом пришёл пожилой мужчина.

– Как дела? – спросил он.

– Я закончил правку, – ответил Алексей Александрович.

– Так быстро?! – удивился тот.

– Работа же была срочная!

– Отлично! Такое отношение к делу перспективно для вас.

– Но я увольняюсь.

– Как?! Вы же только вчера... Мы вас обидели?

– Нет, меня здесь никто не обижал. Я просто не учёл некие личные обстоятельства. Я уезжаю...

– Ну что же, – произнёс с досадой пожилой мужчина, скорее, заведующий отделом, – берите расчёт у бухгалтера.

С ним рассчитались, и он вернулся к заведующему попрощаться. Но его волновало и другое.

– Обидно расставаться с вами, – сказал заведующий.

Алексей Александрович взглянул в сторону столика, где вчера сидела молодая и красивая женщина.

– Её сегодня не будет, – сказал заведующий, – она отпросилась на один день. Я передам ей ваш привет.

На улице было жарко. Тем не менее он решил походить по городу пешком. «Почему говорят, что в ногах правды нет? – подумал он. – Мои ноги знают больше, чем моя голова. „Иди Сердцем“ – значит, доверься ногам. Ведите, ноги мои, вы умнее, чем всё моё тело!»

И ноги повели, а сам он погрузился в мысли. Два часа спустя он обнаружил, что недалеко видна его школа, и поругал свои ноги. «Вам туда больше не надо!» – сказал он им властно, повернулся и опять отдался мыслям. А ноги вели.

Спустя час он очнулся. «Где я?» И очень удивился, что стоит недалеко от леса, в нескольких шагах от того места, где он упал. «Что могло произойти, если бы я прошёл незаметно для себя эту

часть тротуара?» – подумал он. На этот раз он не испытал судьбу. А ногам сказал: «Почему вы привели меня сюда? Чтобы ещё раз упасть? И здесь вас больше не будет!»

Тогда ноги, видимо, обиженные, что хозяин их не понимает и ругает, направились домой. Он это понял, когда вдруг почувствовал во всём теле, и в ногах прежде всего, жуткую усталость, а на другой стороне улицы увидел свой дом. Ему хватило сил подумать о том, что раньше, будучи ребёнком, они с мамой жили именно в таком же четырёхэтажном доме на четвёртом этаже в однокомнатной квартире. «Может быть, это случайность, может быть, нет», – пофилософствовал он.

Он перешёл улицу через подземку.

Ноги ныли.

У подъезда стоял грузовик, и рабочие выгружали из него мебель.

Алексей Александрович вошёл в подъезд вслед за двумя рабочими, которые несли по лестнице старинный буфет. Они остановились на втором этаже, где настежь была открыта дверь, только не от той квартиры, которая вызывала в нём смутные чувства, а от другой, которая находилась сбоку.

Рабочие перекрыли дорогу, и он не мог пройти, да и ноги потребовали передышки.

На площадку вышла женщина.

– Занесите в комнату, пожалуйста! – сказала она рабочим.

Увидев её, он оторопел. Это же не просто женщина, а та самая – молодая и красивая! Не пригодилась ему мудрость: не поражаться и не удивляться. Он и не смог бы воспользоваться ею, потому что уже был и поражён, и удивлён, и озадачен.

А она, видимо, давно овладела собой: улыбалась ему так, будто на этой площадке они встречались всю жизнь.

Выбежал мальчик и, увидев его, тоже не удивился. Он только восхитился, засмеялся и воскликнул:

– Я же сказал тебе, что скоро увидимся...

И в это время сознание Алексея Александровича вздрогнуло, может быть, перевернулось. В нём лихорадочно пронеслись слова, как рекламная электронная бегущая строка, которую не успеваешь прочесть и потому схватываешь обрывки: «Один случай... два случая... три случая... нет больше случаев...»

Строка оборвалась.

Произошло затмение.

– Мама, сейчас он откроет глаза! – слышался звонкий и радостный голос мальчика.

Он вышел из забвения и медленно открыл глаза.

На него смотрел улыбающийся мальчик. Подошла молодая красивая женщина.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она заботливо и положила ему руку на лоб, потом проверила пульс.

– Где я? – произнёс он слабым голосом.

– У нас дома.

– Почему? Что со мной случилось?

– Вы не помните? Видимо, от усталости и оттого, что весь день, наверное, ничего не ели, вы на нашей площадке потеряли сознание, упали в обморок... Как вы себя чувствуете? – повторила она свой вопрос.

– Думаю, могу встать...

Он вспомнил всё, что было до потери сознания; вспомнил, что сам живёт на четвёртом этаже этого дома.

– Я лучше поднимусь к себе... – сказал он и присел на диван. – Который час?

– Семь часов утра.

Этого он не ожидал.

– Значит, я был у вас всю ночь?!

– Да, и у вас был сильный жар. А сейчас температура спала, и пульс нормальный. Но я не советую вам сегодня выходить на улицу. Я скажу на работе, что вас сегодня не будет.

– Нет необходимости, я уволился...

– Зачем?! Нашли другую работу?

Он пожал плечами, другого ответа у него не было.

– Я поднимусь к себе... – и он собрался было направиться к выходу. У него квартира такая же – однокомнатная, и он знал всю её планировку.

Мальчик возразил:

– Мы не отпустим тебя...

– Говори на «вы», – предупредила мама.

– Нет, с ним можно говорить на «ты», он не обидится. Разве не так?

– Да, конечно... – и он слабо улыбнулся.

– Мы не отпустим тебя, – продолжил мальчик, – ты с нами позавтракаешь. Ты ещё должен познакомиться с нами!

Он покраснел. Действительно, женщина с ребёнком всю ночь ухаживали за ним. Где же они спали в этой комнате? А он убегает, не сказав «спасибо».

– Простите, – обратился он к молодой красивой женщине, – я причинил вам столько хлопот... Спасибо за заботу...

– Пустяки. Сын правильно сказал, я приготовлю завтрак, – и она пошла на кухню. А кухня, он знает, маленькая, они втроем с трудом уместятся.

– Встань, выглянем в окно, – сказал мальчик. Они подошли к окну. Мальчик забрался на узкий подоконник. – Я знаю, как тебя зовут, – продолжал он, – хочешь, скажу? Алексей Александрович, ведь так? А в детстве мама звала тебя Лёшенькой, правда?

Он кивнул головой – конечно, правда.

– У тебя глаза очень грустные и озабоченные. Почему?

Мальчик попал в точку. Он вздрогнул, не знал, что ответить. А мальчик оказался очень наблюдательным.

– Почему ты вздрогнул? – спросил он. – Хочешь, скажу, почему? Я сказал правду, так ведь?

От ответа на вопрос мальчика его спасла молодая красивая женщина: она звала их завтракать.

Мальчик слез с подоконника и потянул Алексея Александровича за рукав.

– Пошли.

На маленьком столике пока ещё не обустроенной кухни стояли три тарелочки, пахло гречихой и кофе.

Они уселись у столика.

– Скажите, почему вы уволились, вам не понравилась работа? – спросила женщина.

– Мама, ты не хочешь знать, как его зовут?

– Да я же оформляла вчера ваши документы! Вас зовут... – и она запнулась.

– Алексей Александрович! – сказал мальчик. – А ты ведь тоже хочешь знать, как зовут мою маму? У неё такое же красивое имя, как она сама, – Мария. Обращайся к маме просто по имени. Так мы быстро подружимся. Ты – Алексей, она – Мария, ты – Лёша, она – Маша... – мальчик явно веселился.

– Хватит тебе, не смущай гостя.

– Он не гость, он наш сосед и станет нам близким человеком, вот так! – мальчик не умолкал.

Алексей Александрович не знал, что сказать.

– Ответь на вопрос мамы: почему ты ушёл с работы?

– Сынок, дай нам поговорить!

– А мы что делаем? Разговариваем! Сейчас он скажет тебе, почему бросил работу в издательстве.

Алексей Александрович, наконец, овладел собой и улыбнулся.

– Видите ли, – сказал он, – я решил уехать из этого города.

– Ты решил это вчера? – спросил мальчик.

Он кивнул головой.

– А до вчерашнего дня ты об этом не думал? – опять спросил мальчик.

– Нет, – ответил Алексей Александрович, – эта мысль пришла мне в голову вчера.

– Тогда должна быть причина. Почему так решил?

– Сынок, – вмешалась мама, – это его дело. Нельзя так допытываться!

– Мама, что значит – его дело, когда оно задевает дела других? Он же наш человек. Он закрытый, разве не видишь? А надо, чтобы он был открытым.

– Откуда тебе знать, что ему надо? Не смущай Алексея Александровича!

– Мама, подожди! – и он обратился к Алексею Александровичу. – Помнишь, я сказал тебе в лесу, что мы ещё увидимся? Помнишь?

Алексей Александрович кивнул головой.

– А ты помнишь, мама, я сказал тебе, что мы познакомимся с молодым человеком? Помнишь?

– Ну и что? – сказала мама. Ей было неловко перед гостем.

– А теперь вот что скажу: он ведь уволился, чтобы уехать насовсем в другой город? Вот и никуда не уедет, а сам думает, что обязательно уедет.

Алексей Александрович был ошарашен. Он робко спросил:

– Ты откуда знаешь, что не уеду? Ты видишь будущее?

– Это не важно, но я сказал правду.

– Не знаю, когда он говорит правду, а когда – неправду! – мама попыталась снять напряжение с гостя.

– Я всегда говорю правду, – твёрдо сказал мальчик, – но моя правда иногда сбывается спустя месяц, а ты тем временем забываешь, что это была моя правда.

– Хорошо! – откликнулась мама с какой-то внутренней просьбой. – Пусть будет твоя правда, но дай человеку поесть!

– Я понял, – сказал мальчик и умолк.

Для поддержания разговора молодая красивая женщина спросила:

– У вас такая же однокомнатная квартира?

– Да, над вами, только через этаж.

– Квартира, конечно, маленькая, но нам хватает.

– Вы купили эту квартиру?

– Нет, не купили, мы обменяли. Сначала у нас была трёхкомнатная квартира, она осталась у меня от родителей! Нам стало трудно, и мы обменяли её на двухкомнатную. А теперь опять стало трудно, и мы двухкомнатную обменяли на эту однокомнатную. Конечно, нам доплатили... – она рассказывала

об этом с грустью и как будто нехотя.

Мальчик заговорил:

– Я знаю, ты это сделала из-за меня. Хочешь услышать мою правду?

– Ну, скажи, – согласилась мама.

– Ровно через год... Сейчас май, так? Ровно через год твоя жизнь изменится. Она и сейчас хорошая у тебя, но станет другая.

– Хватит мне твоих обещаний. Встань, готовься, тебе пора в детский сад, а мне – на работу! – и она обратилась к Алексею Александровичу. – Вы уж извините, пожалуйста, нас, но не люблю опаздывать на работу! – и добавила: – Зря вы ушли из издательства. Оно выпускает духовно-философскую литературу рериховского направления. Я не просто редактирую книги, а насыщаюсь удивительными и прекрасными идеями.

Алексей Александрович не успел что-либо ответить молодой красивой женщине, как заговорил мальчик.

– Мама, вот что я тебе скажу. Ты поезжай прямо на работу, а меня в детский сад отведёт Алексей Александрович.

Мама растерялась, она не находила слов, как одёрнуть сына и как извиниться за его дерзость перед гостем.

Но Алексей Александрович оживился, и все разговоры завершились так, как сказал мальчик.

Они втроём вышли на улицу. Мужчины посадили в автобус молодую красивую женщину Марию, а сами на другом автобусе и в другом направлении поехали в детский сад.

Они уселись поближе к водителю.

– Ты же не знаешь, как меня зовут? Почему не спрашиваешь? – заговорил мальчик.

Который раз сегодня мальчик загонял его в краску. Ведь надо было спросить, как его зовут?

– Извини, пожалуйста. У тебя, наверное, очень красивое имя!

– Тебе нравится твоё имя? – спросил мальчик.

– Почему бы и нет! Мама меня так назвала!

– Меня тоже назвала мама, и мне нравится моё имя. Я тоже, как ты, Алексей.

– Что?! Алексей?! Не может быть! – воскликнул Алексей Александрович.

– Чему ты удивляешься? Думаешь, другой, кроме тебя, не имеет права носить это имя?

– Нет, почему же... Но как это так, что ты тоже Алексей?

– Наверное, так нужно было, – спокойно пояснил мальчик.

На следующей остановке поднялись две молодые женщины, одна из которых была с девочкой, другая – с мальчиком. Детям было по три-четыре годика. Мамы усадили их вместе, сами уселись за ними и продолжили прерванный разговор.

– Я знаю их, они из нашего детского сада, – шепнул мальчик Алексею Александровичу.

– Ты знаешь всех ребят?

– Нет, не всех, но многих. Ты, наверное, тоже ходил в детский сад?

– Да, – ответил он неохотно.

– Тебе не хочется вспомнить кое-что из детства?

– Как сказать... Не очень. Да и затуманено в моей голове это прошлое.

– Ничего светлого не осталось от той жизни? – допытывался мальчик.

– Не знаю...

– Посмотри на этого мальчика и эту девочку, – сказал он вдруг, – видишь, они шушукаются и хихикают. Как ты думаешь, они влюблены?

– Какое им время влюбляться!

– Это почему? – возразил мальчик. – Кто может сказать, что именно сейчас не определяется их отдалённая судьба?

– Но это очень раннее детство... – стоял на своём Алексей Александрович.

– Я всё же думаю, что они шепчутся о своём будущем.

– Ни о каком будущем они не шушукаются. Говорят, наверное, о каких-то глупостях.

Мальчик сердито посмотрел на него.

– Дети не умеют говорить глупости, – сказал он строго, – они могут говорить о кошке, о мышке, о солнце, об облаке, могут говорить ни о чём. Это для вас – взрослых – глупости. Но так они обсуждают смысл жизни. Однако взрослые часто мешают им этим заниматься.

Автобус остановился, и мамы засуетились.

– А ну-ка, Машенька, быстро...

– А ну-ка, Лёшенька, вылезай...

Родители тоже сошли с автобуса вслед за детьми.

Машенька и Лёшенька взялись за руки и побежали вперёд. Мамы погнались за ними.

Во дворе детского сада было много детей и взрослых – мам, пап, бабушек и дедушек.

Мальчик потянул Алексея Александровича за руку и тихо сказал:

– Вот она – Антонина Георгиевна, моя воспитательница. Теперь ты можешь идти. Вечером за мной придёт мама, так что ты можешь заниматься переездом в другой город, – сказал мальчик.

– Хорошо...

Мальчик направился в сторону воспитательницы.

Алексей Александрович ушёл не сразу – он взглядом провожал мальчика, пока тот не присоединился к группе Антонины Георгиевны. Но стоило ему повернуться и сделать пару шагов к выходу, как услышал, что мальчик зовёт его. Он подбежал к нему, взял за руку и отвёл в сторонку.

– Можно, я доверю тебе секрет?

– Конечно!

– А ты не скажешь маме?

– Нет, раз ты этого не хочешь.

– Тогда наклонись, шепну тебе на ухо.

Алексей Александрович присел на корточки, и мальчик проговорил ему прямо в ухо:

– Понимаешь, случается так, что в тихий час я мочусь в постели. Из-за этого Антонина Георгиевна злится на меня и угрожает.

В это время раздался резкий мужеподобный голос Антонины Георгиевны:

– Алексей, вернись немедленно, хватит шушукаться!

– Я ненавижу её... – шепнул мальчик, и не спеша пошёл

обратно.

Алексей Александрович так и остался сидеть на корточках, как скульптура из камня. Детей завели в здание. Он прислонился к забору, закрыл глаза и вслушался в голос мальчика – хотел за звучанием и за словами увидеть то, что могло происходить в этом белоснежном здании. «Я ненавижу», – сказал мальчик. Видимо, это она ненавидит его, что и вызывает в нём ответную ненависть. Алексей Александрович не педагог, то есть не имеет диплома о так называемом высшем педагогическом образовании, но разве нужно им быть, чтобы понять: любовь воспитывается любовью!

Во дворе ещё оставались взрослые, которые привели детей; они стояли группами, о чём-то говорили, а потом медленно расходились. Сторож велел всем покинуть двор. Алексей Александрович оглянулся и нашёл уголок, где мог укрыться от сторожа. Тот, освободив двор, запер ворота на тяжёлый замок и вошёл в свою будку.

Алексей Александрович сел на траву, прислонился к стволу дерева и закрыл глаза. Тайна мальчика жгла всё его нутро. Он один со своей тайной, как и Алексей Александрович один перед своими мучительными переживаниями.

Со второго этажа то и дело он слышит резкий мужеподобный голос воспитательницы. Голос кажется ему до боли знакомым и вызывает злобу и страх.

Он старается вообразить, что сейчас происходит с мальчиком.

Смутные воспоминания начинают в нём разворачиваться, и потому в тетради из двухсот страниц об этой полосе жизни у него остались лишь неразборчивые каракули.

Но сейчас эти каракули раздвигаются как двери, и он вместе со всей группой детей входит в спальную комнату.

Воспитательница мужеподобным голосом властно произносит: «Ложитесь немедленно! Ни звука... У меня в руках ножницы. Могу кому-то отрезать что-то».

Она действительно держит устрашающего размера ножницы и крутит ими.

Дети прячут головы под одеяла.

А Алексей (его воспитательница никогда не звала ласково – «Лёша», «Лёшенька», а обзывала «дурак дураком» или что-то в этом роде) тоже уходит с головой под одеяло и закрывает глаза.

В спальном комнате воцаряется гробовая тишина; она превращается в кладбище живых детей.

На этом кладбище из-под какого-то одеяла вдруг раздаётся выстрел. Он не очень пугающий, не сотрясает пространство, но для кладбища звучный.

«Кто это?» – гремит мужеподобный голос.

Из-под одеяла вырывается рыдание обречённого: «Не я... не я... больше не буду-у-у...»

На этот раз воспитательница проявляет жалость и не режет ребёнку ничего. Она велит всем заснуть немедленно.

Алексей заснул бы, он усталый, напуганный, истерзанный. Но не осмеливается заснуть: а вдруг опять произойдёт с ним то же самое, что на днях.

Воспитательница тогда накричала на него и схватила ножницы. Он заорал и залез под кровать, чтобы укрыться от ее гнева.

Она строго и на полном серьёзе сказала ему: «Вылезай... На этот раз ничего не сделаю. Но повторись то же самое, отрежу писульку... Понял?»

И в руках её злоеце зацокали ножницы.

Алексей после того дня не осмеливается заснуть, покрывает одеялом голову, берёт в руки писульку и держит крепко, чтобы она не свалила вновь беду на его голову. Даже сам подумывал отрезать её себе и таким образом обрести спокойствие.

Сейчас он лежит под одеялом таким же образом и ждёт, когда кончится этот мёртвый час.

В мыслях он угрожает своей писулке: «Если пустишь, отрежу».

Но мысли устают, и он засыпает.

Рука, которая крепко держит виновницу, слабеет, и страшный грех свершается. Он просыпается и с ужасом осознаёт, что лежит в мокроте.

Его охватывает злоба.

«Убью, убью», – кричит он обречённо.

Хватает писульку обеими руками и старается вырвать с корнями.

Больно, очень больно!

Но его злоба не стихает.

Вдруг одеяло, которое покрывает его, взлетает вверх, и он видит только ножницы, большие, крупные, и слышит их злоеющий скрежет.

«Отрежьте... отрежьте...»

С рыданием умоляет он ту, которая стоит над ним, как зверь, и тянет руками свою плоть.

«Заткнись!» – гремит воспитательница.

Он сразу умолкает.

«Слезь с кровати!»

Он слезает с кровати.

«Раздевайся!»

Он снимает майку.

«Сними трусы!»

Он дрожащими руками снимает мокрые трусы.

«Подними руку с трусами!»

Он поднимает трусы над головой.

«А теперь шагай по комнате!»

Он делает робкие шаги.

«Быстрее!»

Он ускоряет шаг.

«Кричи, чтобы услышали все: „Я писуля!“ Кричи!»

Дети – девочки и мальчики высовываются из-под одеял и со страхом глядят, как голый мальчик, держа над головой мокрые трусы, ходит по комнате, подходит к каждому и тупо произносит:

«Я писуля... Я писуля...»

«Громче!» – кричит воспитательница.

И наступает святое мгновение. Это тогда, когда он подходит к кровати Машеньки.

И вдруг сознаёт весь ужас своего унижения.

Он осознаёт не детским, а взрослым умом, что эта женщина плюёт ему в лицо, плюёт на его честь и достоинство.

Но как пятилетний, он не выдерживает этот ужас и падает у кровати Машеньки, потеряв сознание.

Потом он приходит в себя в кабинете медсестры.

Оттуда его забирает грозная воспитательница, которая не расстаётся с ножницами. Отводит в угол и строго внушает: «Никому об этом ни слова, понял?» – скрежещут ножницы.

Он кивает головой, но не знает, о чём она, ибо всё произошедшее вспоминается смутно...

Алексей Александрович весь в поту. Тело его будто вот-вот взорвётся, как бомба. Со второго этажа белоснежного здания вдруг раздаётся гром мужеподобного голоса:

– Кому я сказала! Закрой глаза немедленно! Всем спать!

Алексей Александрович видит, как мальчик прячется под одеялом, но спать не может.

«Надо спасти его, пока не поздно!» – приказывает он самому себе.

Он выскакивает из своего укрытия, где спрятался от сторожа.

Бежит к белоснежному зданию.

Там совсем тихо.

Стих мужеподобный голос воспитательницы.

Там сейчас мёртвый час.

Он подбегает к открытому окошку и кричит во весь голос:

– Лёша! Лёшенька! Я здесь, прыгай из окна! Я здесь, не бойся!

Мёртвый час разбивается, как хрустальная ваза, в которую выстрелили из пушки.

– Лёша... Лёшенька... Прыгай...

Он зовёт мальчика, зовёт себя, зовёт отчаянно.

– Лёшенька...

Открытое окошко отозвалось зловещим шипением:

– Стой... стой, тебе говорю... куда ты... стой, мерзавец... я тебя... я тебя...

И слышен скрежет ножниц.

В окошке появляется мальчик.

Алексей Александрович чувствует, как сам прыгает из окна второго этажа и сам же ловит себя в воздухе.

Руки его прижимают мальчика к груди.

Он бежит к забору и вместе с мальчиком перелезает через него.

Мальчик больше не вернулся в детский сад. Он убедил маму, что для него там нет ничего интересного. Мужчины сохранили тайну, а молодая красивая женщина о произошедшем ничего не узнала.

Но мама тревожилась о другом.

– Тебе же надо подготовиться к школе! – сказала она.

– Верно, мне скоро будет шесть лет, – охотно согласился мальчик.

– Вот видишь... В детском саду тебя бы научили... – это была последняя попытка уговорить мальчика вернуться в детский сад.

– Постой, мама, я лучшее предложу. Давай пригласим Алексея Александровича и посоветуемся с ним. Как-никак, он бывший учитель.

Алексея Александровича они пригласили вечером на чай.

Устроились на кухне.

Сначала молодая красивая женщина рассказала ему о новой книге, которую она закончила редактировать.

– Знаете ли вы, что означает «расширенное сознание»? – спросила она.

Алексей Александрович задумался.

– По моему представлению, это такое сознание, которое интересуется всем, что его окружает. Я угадал?

– Не совсем, – сказала она мягко, – расширенное сознание вмещает в себя как в единое целое понимание мира земного и мира надземного, мира материального и мира духовного.

И молодая красивая женщина начала излагать принципы космической философии. Мальчик сначала внимательно слушал мамин рассказ, а потом прервал её:

– Мама, посмотри на Алексея Александровича – ему же трудно понять, о чём ты говоришь, он мучается.

– Нет-нет, я слушаю, я... – сконфузился Алексей Александрович, ибо мальчик говорил правду.

– Ой, простите, если так... – покраснела красивая молодая женщина.

– Мама, вот что я тебе скажу: расскажи Алексею Александровичу об этой философии тогда, когда она станет твоей.

– Это как? – не поняла мама.

– Так, как будто ты сама её выдумала. А сейчас ты пересказываешь её как забавную небылицу.

Молодой красивой женщине и Алексею Александровичу стало неловко.

– Но мне об этом надо знать, – попытался смягчить ситуацию Алексей Александрович. – Об этой философии мне ещё никто ничего не говорил, профессора философии в университете о ней ни единым словом не упоминали.

– Верно, и тебе надо знать об этом, и маме надо знать. Думаю, надо, чтобы всё человечество знало о ней.

– Вот Мария и объясняет мне...

Мальчик остановил Алексея Александровича:

– Хотите, посоветую, как вам лучше изучать космическую философию?

Оба вопросительно взглянули на мальчика.

– Вот что я вам посоветую. Берите саму книгу, прочитайте её внимательно, с карандашом в руке. Попытайтесь разобраться в ней, насколько сможете. А потом соберитесь вдвоём, и меня позовите как слушателя, и помогите друг другу понять книгу ещё глубже. Хорошо будет?

– Да, я согласен, – сказал Алексей Александрович.

– Я тоже, – сказала молодая красивая женщина.

Мальчик продолжил:

– Ещё лучше будет, если космическую философию вы объясните мне, шестилетнему мальчику.

– Тебе ещё нет шести, – уточнила мама.

– Ну хорошо, пятилетнему... Объяснили бы мне на доступном языке и с примерами космическую философию, которая есть, как я знаю, новое мышление.

– Откуда ты знаешь?! – с удивлением спросила мама.

– Я ничего не знаю, мама. Я просто говорю то, что на ум

приходит. И если я вас пойму, то считайте, что эта философия уже ваша, как бы вы сами её сочинили.

Мальчик говорил вовсе не как маленький и вовсе не как несмышлёный. Мама ещё не знала своего сына таким. Ещё больше был поражён Алексей Александрович. Перед мальчиком он то и дело чувствовал себя беспомощным.

Что они могли возразить ему?

– Действительно, почему бы нам не последовать этому совету? – сказал Алексей Александрович.

– Да, так будет лучше, – сказала молодая красивая женщина.

– Тогда медлить не надо. Мама, у тебя же есть несколько экземпляров книги, которую ты редактировала? Дай один Алексею Александровичу. Он прочитает её, а потом...

Мама послушно встала, принесла красиво изданную книгу в вишнёвом переплете и протянула её Алексею Александровичу.

– Берите, пусть она будет вашей.

– Отлично, – сказал мальчик. – А теперь поговорим о том, что меня надо готовить к школе.

– Да, Алексей Александрович, нам нужен ваш совет, – с какой-то оживлённостью начала мама. – Сын в этом году поступит в школу. У вас педагогический опыт. Может быть, посоветуете, как его подготовить?

– Какой у меня опыт, смешно даже! – засуетился Алексей Александрович.

– А у нас нет никого, кто бы мог нам что-то объяснить.

Алексей Александрович посмотрел на мальчика, будто ждал от него подсказки. Мальчик молчал.

– Может быть, сделаем так, – робко произнёс Алексей Александрович, – на днях я читаю несколько книг по подготовке детей к школе, проконсультируюсь со специалистами и, если позволите, сам займусь подготовкой мальчика.

– Ой, как здорово будет! – восхитился мальчик. – Ты лучше всех поможешь мне!

А мама забеспокоилась.

– Это же будет большая нагрузка для вас. Мы не можем позволить себе...

– Нет-нет, не беспокойтесь, я же не работаю, у меня есть время! – поспешил успокоить молодую красивую женщину Алексей Александрович.

– Может быть, я заплачу вам? – робко спросила она.

– Ни в коем случае, как можно! – заволновался Алексей Александрович.

– Хотите совет? – неожиданно произнёс мальчик.

Мама насторожилась.

– Ты даёшь нам дельные советы, помоги нам, – сказал Алексей Александрович.

– И сейчас дам вам хороший совет. Как я догадываюсь, ты уже не помышляешь о том, чтобы уехать куда-то далеко, ведь так?

Алексей Александрович широко раскрыл рот, чтобы глотнуть воздух.

– Что с вами? – забеспокоилась молодая красивая женщина.

– Ничего-ничего... – спешно успокоил он её и только сейчас понял, что подсознательно он действительно так и решил.

Мальчик дождался, пока тот отпил из чашки глоток чая, и успокоился. Потом сказал:

– Тебе и не надо никуда уезжать. Потому советую вернуться в издательство. И не только текст править, но и изучать космическую философию, как это делает мама, когда редактирует книги. А по вечерам по субботам и воскресеньям ты можешь заниматься со мной – готовить к школе. Ну как, хороший совет?

Совет был очень даже дельный и приемлемый.

Но Алексей Александрович сильно сомневался, что мальчик вообще нуждается в какой-либо подготовке к школе.

Работа в издательстве официально начиналась с одиннадцати часов. Молодая красивая женщина никогда не опаздывала. А Алексей Александрович сидел у своего компьютера уже с восьми часов. Было бы неправильным сказать, что он работал. Скорее он увлекся чтением книг, которые давал ему для правки, для набора, для редактирования пожилой мужчина – заведующий отделом. Он читал, перечитывал, делал выписки, размышлял. Философия космического мышления увлекла его.

Молодая красивая женщина приходила на работу с мальчиком. Мальчик не мешал никому – разглядывал книги, смотрел в окно. Иногда, если компьютер освобождался, любил им заниматься. Часто звал его к себе пожилой мужчина – заведующий отделом. Они шептались, чтобы не мешать в работе молодой красивой женщине и Алексею Александровичу. Шептались минут двадцать, тридцать, бывало, и целый час. После того как мальчик с мамой уходили в кафе, пожилой мужчина оставался за своим рабочим столом, до такой степени озабоченный, что забывал съесть свой бутерброд, который всегда приносил с собой.

Однажды он обратился к Алексею Александровичу с вопросом:

– Вы не знаете, что это за мальчик?

– Вам он нравится? – спросил со своей стороны Алексей Александрович.

– Не то слово...

– Хороший мальчик, умный, воспитанный.

– Н-е-е-т... – растянул заведующий отделом. – Он мальчик не-о-быч-ный, понимаете? Он при-ше-лец...

Это слово – «пришелец» – запомнилось Алексею Александровичу. Пришелец откуда? Может ли мальчик сам сказать, кто он?

Бывали дни, когда мама приходила на работу без мальчика.

Заведующий отделом сразу интересовался, где мальчик. Мама объясняла, что сегодня он захотел остаться дома.

– Мальчик серьёзный, найдёт, чем заняться... – говорил пожилой мужчина.

Но было ясно: он в этот день сидел расстроенный.

А на Алексея Александровича такие дни действовали как дни с магнитными бурями – он беспокоился, не зная, почему и зачем.

Был понедельник.

Молодая красивая женщина пришла на работу без мальчика. «Видимо, он опять захотел остаться дома», – подумал Алексей Александрович. Уже третий понедельник она приходит без него. «Почему именно по понедельникам мальчик остаётся дома?» – спросил он самого себя и тут же парировал: «Какая разница, понедельник, вторник, мальчик захотел остаться дома и остался, вот и всё. Впрочем, вечером у нас с ним занятие, тогда и узнаю, чем он сегодня был занят».

Он продолжил править текст и вникать в него. Книга была о сердце; она увлекла его. Он уже усвоил понятия «серебряная нить», «рука ведущая», «мир невидимый». Он уже знал, что если человек чист сердцем и душой, если его серебряная нить не заморена, то он сможет установить связь с космическим разумом. «Мир Невидимый, в сущности, очень зрим, когда глаз не засорён», – вычитал он в компьютере. «Наверное, мальчик видит Мир Невидимый», – подумал Алексей Александрович.

И мысли его переключились на мальчика.

«Что мальчик делает сейчас?» – почему-то с тревогой подумал он.

И продолжил читать, размышлять, но беспокойство не покидало его; он всё время ёрзал в кресле.

Молодая красивая женщина поставила ему на столик чашку кофе и сказала, что сама уходит на перерыв. Но он ничего не услышал и не заметил её ухода.

Его сознание перешло в иное состояние.

Оно начало двигаться к тёмным и заброшенным уголкам сердца.

Ищет то, что в тетради из двухсот страниц обозначено сплошной кляксой и каракулями.

Проходит оно как иголочка с белой ниткой и колет сердце то тут, то там.

Больно! Больно!

Глаза схватывают на экране компьютера мысль: «Но чем можно нагнать энергию, как не крайним положением?»

И сознание начинает напрягаться – иголочка с нитью упорно и настойчиво проходит через тёмные участки сердца.

Колет... опять колет...

«Стоит лишь считать такое положение не концом, но началом...» – мерцает на экране.

Сознание напрягается ещё сильнее, решительнее...

«Как объяснить, когда сердце молчит? Как ускорить, когда сердце тяжелее железа? Как двигать сердце, когда умерло в духе?» – считывают его губы с экрана.

Опять сильная боль в сердце.

Сознание останавливается перед пещерой, где тьма.

Бросает внутрь камень и будит подсознание.

И оно зажигает факел.

Из пещерной тьмы вырывается коричневое облако и по велению света начинает неохотно разворачиваться.

Вот оно – прошлое в кляксах и каракулях, которое сейчас, спустя двадцать лет, становится настоящим.

Маленький Лёшенька пристаёт к маме, которая занята стиркой: «Мам, пусти поиграть во дворе, пусти...»

«Может быть, не надо, Лёшенька? Хватит тебе играть», – говорит мама; она боится отпустить его одного.

«Ну мам, пожалуйста, я ненадолго», – умоляет Лёшенька.

«Ну хорошо, – говорит мама, – только ненадолго... Не ходи далеко, играй в песочнице».

Он открывает дверь и бежит по лестнице.

Пробежал третий этаж.

Он на площадке второго этажа...

Сегодня понедельник, и мальчик остался дома. Может быть, он тоже стоит сейчас на площадке второго этажа?

Неосознанная сила заставляет Алексея Александровича бросить компьютер, которого он уже и не видит, и выбежать из комнаты. В дверях сталкивается с заведующим отделом, но это остаётся вне поля его восприятия. В коридоре обходит молодую

красивую женщину, которая кричит ему вслед: «Алексей Александрович, что с вами?» Но он ничего не слышит и не видит. Выбегает на улицу и вскакивает в автобус, но не замечает, что находится в автобусе.

Его сознание видит, слышит и переживает другое.

Он пробежал третий этаж и сейчас пробежит второй.

Но в это время открывается дверь квартиры и выглядывает девочка, на три-четыре года старше его, шестилетнего.

Он останавливается.

Девочка смотрит на него и грустно улыбается.

«Мальчик, поиграй со мной».

Он не знает, как быть, а девочку видит впервые.

«Не бойся... Я одна дома, мне скучно... Поиграй со мной».

Девочка выходит на площадку, берёт его за руку и уводит с собой.

Двери закрываются.

Они в комнате.

«Во что будем играть?»

«Я сперва угощу тебя».

На столе стоит бутылка с лимонадом. Она открыта.

Девочка наполняет стакан.

«Выпей».

Он неохотно берёт стакан. Лимонад сладкий, ароматный. Выпивает до конца.

«Во что будем играть?»

«Ты садись, – девочка усаживает его в кресле, – и смотри на меня».

Она включает музыку и начинает совершать танцевальные движения.

Потом снимает туфельки и продолжает танцевать босиком.

Потом снимает кофточку и танцует...

Потом снимает юбочку...

Глаза его затуманиваются, тело жужжит, ему хорошо.

Теперь девочка танцует совсем голая.

Откуда-то слышен хриплый мужской голос: «Подойди ближе... ещё ближе... молодчина...»

Потом он приходит в себя.

Нарядно одетая девочка улыбается ему, угощает шоколадкой.

«Я тебя ещё позову, хочешь?»

Он не знает, хочет или нет поиграть ещё с девочкой.

Но знает другое: об этом говорить маме нельзя.

Ночью его лихорадит. Мама плачет. Утром здоров.

Опять понедельник.

«Мам, пойду, поиграю во дворе».

«Будь осторожен».

А на втором этаже двери уже открыты, и на площадке ждёт девочка.

Он останавливается – пробежать мимо неё или вернуться обратно домой?

Но девочка ловко берёт его за руку и заводит в комнату.

Там мужчина.

«Вы играйте, не стесняйтесь меня».

Девочка угощает лимонадом.

Ему хорошо...

А ночью опять лихорадит. Мама опять плачет: что за болезнь у сына?

И так по понедельникам.

Ему уже хочется пить лимонад и сидеть в кресле.

«Мам, пойду поиграть».

«Я с тобой, – говорит мама, – прогуляемся вместе».

На площадке второго этажа стоят три милиционера.

Двери квартиры открыты.

И оттуда выходят милиционеры: двое ведут мужчину в наручниках.

Третий ведёт за руку девочку, она плачет.

«Что случилось?» – робко спрашивает мама у одного милиционера.

Тот отвечает: «Он извращенец и наркоман. Вы не замечали чего-нибудь подозрительного?»

«Нет», – говорит мама дрожащим голосом, крепко берёт за руку мальчика и ведёт обратно на четвёртый этаж.

Автобус резко останавливается, и он приходит в себя: маленький Лёшенька возвращается в Алексея Александровича.

«Это же моя остановка! Зачем я возвращаюсь домой?! Ах да, нужно спасти мальчика... Надо успеть!»

Алексей Александрович спрыгивает с автобуса и бежит через улицу к четырёхэтажному дому.

Врывается в подъезд и мигом оказывается перед подозрительными дверями на втором этаже.

– Лёша... Лёшенька! – кричит он и кулаками барабанит в дверь.

Бьёт ногами.

– Откройте... Лёша... Лёшенька, я здесь...

Делает несколько шагов назад, насколько позволяет узкая площадка, и всем телом наваливается на дверь.

– Откройте...

Двери не выдерживают и ломаются.
Его встречает насмерть перепуганный мужчина.

– Что вам надо?!

Он отталкивает его.

Вбегает в комнату.

Испуганная девочка прячется под столом.

Мальчик стоит; у него стакан с лимонадом.

– Не смей пить! – кричит Алексей Александрович.

Стакан вдребезги разбивается.

Он хватается мальчика.

Взбегает вместе с ним на четвёртый этаж.

Запирает двери своей квартиры.

Ключ прячет в карман и... отключается.

Потом он приходит в себя.

У изголовья сидит мальчик, гладит его по голове, улыбается и шепчет:

– Спасибо тебе...

Воскресным утром Алексей Александрович встал раньше обычного. В десять часов придёт мальчик, а до этого ему нужно подготовиться к встрече с ним.

Алексей Александрович оказался в очень затруднительном положении. Не помогли ему ни чтение методических книг, ни консультации учёных – мальчик просто знает и умеет то, что считается подготовкой к школе. Он знает гораздо больше. Он свободно читает весьма серьёзные книги, размышляет и философствует о прочитанном. Сочиняет стихи, сказки, рассказы. А по математике проявляет изумительные способности: возводит в степень многозначные числа и извлекает из них корни, любит решать уравнения, выводит формулы.

– Откуда ты всё это знаешь?! – спрашивал поражённый Алексей Александрович.

А он отвечал просто и искренне:

– Не знаю.

Алексею Александровичу нужно готовиться для встречи с мальчиком не в том смысле, чтобы учить его чему-либо. А в том, как самому учиться у него.

Навязчивая идея о том, что он сам есть этот мальчик, не покидает его. Напротив, он всё больше и больше убеждается, что жизнь его связана с мальчиком. После того как он похитил его из детского сада и забрал из квартиры со второго этажа, ему как-то

легче стало. Правда, его философские мытарства и мучения в поиске Пути не прекратились, но чувство ненужности отступает. Книжки о космическом сознании, которые он корректировал и обсуждал с молодой красивой женщиной при участии мальчика, благотворно повлияли на него. Во всяком случае, он уже знает определённо: хотя свой Путь он не нашёл, но поиск Пути уже есть Путь. И это приносит ему успокоение.

Но перед ним возникает другая загадка. Время от времени он вдруг переходит в состояние «изменённого сознания» (это понятие он вычитал из разных психологических книг). Тогда в нём оживают такие события отдалённого детства, о которых он ничего не помнил или от которых остались в нём только смутные и тревожные ощущения. Когда он заполнял тетрадь из двухсот страниц, иногда у него начинала дрожать рука и память отказывалась служить ему. Потому на чистых страницах оставались сумбур слов, каракули и кляксы.

Но главное не в том, что ему вспоминаются ужасные события. Это не просто воспоминания, которые можно созерцать спокойно или без особой тревоги. Нет! В это время происходит то, что и является для него загадкой. Он заново переживает прошлый ужас как маленький, но уже с сознанием взрослого, и в то же самое время какая-то сила принуждает его спешить, чтобы спасти мальчика от тех же самых ужасов.

Что это такое?

Это уже нельзя объяснить случайным совпадением обстоятельств.

Тогда как объяснить?

Мысль о том, что он есть этот мальчик, вроде бы даёт ответы на некоторые вопросы, но не на главные.

Допустим, если он есть этот мальчик, в чём смысл такого явления? И почему он так привязан к мальчику? Не получается ли так, что скорее этот маленький мальчик является его наставником и путеводителем, нежели он – взрослый – является его воспитателем?

Рука ведущая!

Алексей Александрович берёт мальчика за руку и переводит на другую сторону улицы. А мальчик берёт его за руку и вытаскивает из тьмы прошлого, выравнивает его тропинку жизни.

Так ли это?

В общем, это странное обстоятельство требует ясности.

К кому он может обратиться за помощью?

Заговорить об этих вещах с мамой мальчика, молодой красивой женщиной, он не осмеливается, ибо слишком запутано всё, и, кроме того, всё это за гранью невероятного. Единственный,

кто может хотя бы выслушать его, есть сам мальчик. И Алексей Александрович решил поговорить с ним.

К этому разговору ему и нужно готовиться: какие вопросы задавать, в какой последовательности? Может быть, стоит перечитать свои записи?

Размышляя таким образом, он привёл в порядок свою холостяцкую комнату, побрился, выпил кофе, сел за рабочий столик, посмотрел на часы – было восемь, открыл ящик и собрался было достать тетрадь, как в дверь зазвонили.

Неожиданность и грубые звуки звонка заставили его вскочить. Левая рука сбросила со стола настольную лампу – она разбилась. А правая вывалила на пол груду методических книг.

Звонок зазвенел ещё, а за дверью послышался голос мальчика:

– Это я, открой!

Он стоял в дверях с красочным конвертом в руках и улыбался.

– Доброе утро! – сказал мальчик весело. – Я напугал тебя? Ты такой бледный!

– Я же не ждал тебя в это время, – попытался оправдаться Алексей Александрович.

– Вот тебе мой совет, – произнёс мальчик, – привыкни к тому, что всегда всё случается. Неожиданность – это зверь, который может напасть на тебя и растерзать. Отгоняй этого зверя от себя.

– Хорошо сказано. Где ты это вычитал?

Алексей Александрович был рад приходу мальчика.

– Обязательно надо вычитать такие мудрости у других? Ты же отредактировал книгу о сердце!

– В ней ничего такого я не помню.

– Опять! – возмутился мальчик. – Научись впитывать чужие мысли в себя, чтобы одна мудрость порождала в тебе другие мудрости. Так сам станешь мудрецом.

Алексей Александрович стоял перед мальчиком как ученик перед учителем. «Он с другой планеты, он пришелец», – подумал он.

– Ну входи, раз пришёл так рано. Что-то изменилось в нашем расписании?

– Да, – сказал мальчик, – мы должны поработать с тобой до одиннадцати часов. Потом мы с мамой пойдём по магазинам. А в три часа мы приглашаем тебя, – и он протянул ему красочный конверт.

Они уселись на диван.

Алексей Александрович достал из конверта приглашение, оно было обрисовано рукой мальчика. Там он писал, что приглашает

своего друга на свой день рождения: «Мне уже шесть лет».

– Ты родился двадцатого августа?!

– Значит, ты тоже. Только ты не удивляйся, всегда всё случается.

Зазвенел телефон, который обычно звонил раз в месяц, когда ему сообщали, что пора платить за телефон, за газ, за квартиру.

Он опять вскочил от неожиданности, и приглашение выпало из рук.

Мальчик засмеялся.

– Видишь, что творит с тобой неожиданность? Бери трубку и не удивляйся ничему.

Алексей Александрович тоже развеселился: действительно, смешно пугаться неожиданностей.

– Слушаю вас?

В трубке зазвучал голос поэта – директора школы.

– Алексей Александрович, я ещё не наложил резолюцию на ваше заявление об уходе.

– А вы наложите.

– Вы нашли хорошую работу?

– Работа мне нравится.

– А работа в школе не нравится?

– Она никогда не нравилась мне.

– А я увидел в вас талант педагога.

– Нет у меня никакого педагогического таланта.

– Вы недооцениваете себя... А мои стихи вам нравились?

– Вы прекрасный поэт.

– Мой сборник уже готов. Вы обещали быть редактором. Можно переслать вам рукопись?

– Завтра зайду к вам и заберу.

– Буду ждать вас... Может быть, всё-таки передумаете и останетесь в школе? Кстати, с понедельника, то есть завтра, учителя возвращаются из отпуска.

– Нет-нет, об этом не может быть и речи.

– Ну что же, до свидания.

– Всего вам хорошего.

Алексей Александрович положил трубку и вернулся к мальчику. Тот испытующе посмотрел ему в глаза.

– Зря ты читаешь мудрые книги, – сказал мальчик.

– Это почему?

– Это потому, что недавно, когда вы с мамой философствовали по поводу прочитанного, тебе нравилась мудрость: отрицающий беден, утверждающий богат. Помнишь?

– Мне и сейчас нравится эта мудрость.

– Тебе нравится сама мудрость – как красиво сказано, – или

дела, которым она требует следовать?

– А что? – спросил Алексей Александрович. – В чём ты меня упрекаешь?

– Как я понял, тебе звонил директор той школы, где ты раньше работал.

– Верно.

– Он не хочет тебя увольнять.

– Верно.

– Он видит в тебе педагогический талант.

– Откуда ты знаешь, что он обо мне думает?

– Ты же ответил ему: «Нет у меня никакого педагогического таланта».

– Нет у меня такого таланта.

– Значит, ты отрицающий, потому станешь бедным.

– Да нет у меня таланта педагогического, пойми! – воскликнул Алексей Александрович.

– Откуда тебе знать, что нет у тебя педагогического таланта? Ты же ищешь Путь? Мудрый видит в тебе талант, а ты отрицаешь.

– Ты о директоре – мудрый?

– Конечно. Это твои слова: «Вы прекрасный поэт». Какой он прекрасный поэт, если не мудрый?

Алексей Александрович покраснел и опустил голову, как провинившийся перед учителем ученик. Но всё же попытался оправдать себя:

– Что мне делать, если действительно нет у меня никакой тяги к учительской жизни?

– Когда научишься быть утверждающим, тогда и поймёшь, к чему у тебя тяга, – сказал мальчик наставнически. – А теперь скажи, твой день рождения тоже двадцатого августа?

– С чего ты взял?!

– Ты же удивился, узнав, что я родился в этот день?

Оба весело рассмеялись.

– Я не помнил о своём дне рождения, – сказал Алексей Александрович.

Мальчик встал, походил по комнате, выглянул из окна. Потом опять сел рядом с ним на диване и прервал его мысли:

– Давай поговорим.

– Давай, о чём?

– О чём хочешь. Думаю, ты всё время хочешь о чём-то спросить меня.

Алексей Александрович почесал затылок. Задумался. С чего начать? Он слегка разволновался, потерял смелость.

Мальчик успокоил его:

– Что ты мучаешь себя? Будь открытым. Начни с того, что

самое важное для тебя.

– Боюсь, что ты сочтёшь меня помешанным...

– Не бойся, не думай об этом.

Тем не менее Алексей Александрович ещё минут пять взвешивал возможные реакции мальчика на свои вопросы и наконец рискнул.

– Скажи мне, мальчик, не ты ли есть воплощение моего детства?

Мальчик улыбнулся.

– Я не знаю, – сказал он искренне, – может быть.

– А ты не чувствуешь этого?

– Я чувствую только одно: я тебе нужен.

– В чём ты мне нужен? Пока я только спасаю тебя.

– А себя не спасаешь? Спасая меня, ты спасаешь себя.

Алексей Александрович задумался.

Как он может спасти себя, если спасает мальчика от того, что с ним – Алексеем Александровичем – произошло когда-то давно. Об этом у него не осталось ясных воспоминаний, и он переживает их лишь тогда, когда с его сознанием что-то происходит. И сомневается, действительно ли он отгораживает мальчика от событий, которые могли бы его потрясти.

– Спасая ли я себя, не знаю, – ответил он на вопрос мальчика.

Повисла пауза.

Мальчик как будто давал ему возможность подумать, разобраться. Потом придвинулся к нему, посмотрел в глаза, улыбнулся и сказал:

– Ты же хочешь меня воспитывать? Если я – это ты, то будешь воспитывать во мне своё детство, будешь воспитывать самого себя.

И пока он осмысливал ответ, мальчик добавил:

– Мама просила тебя узнать, в какую школу меня лучше определить. Но я уже знаю, в какую.

– В какую? – спросил Алексей Александрович.

– Я и учителя себе выбрал.

– Кто он?

– Завтра возьми меня в школу, где директор – поэт, и скажи, чтобы он зачислил меня в первый класс, а тебя назначил моим учителем.

– Но я не учитель... у меня нет...

Мальчик своей ладонью прикрыл ему рот.

– Когда же ты научишься тому, что утверждающий богат? По-другому тебе скажу: утверждающий идёт по Пути, а отрицающий отходит от Пути.

Мальчик не давал ему говорить, смеялся и повторял:
– Ты понял? Ты понял? Моргни три раза, если понял.

Увидев Алексея Александровича, директор воскликнул:

– Как хорошо, что вы пришли, как хорошо!

Он крепко пожал ему руку и даже обнял.

– А этот прекрасный мальчуган ваш сын? А мы думали, что вы холостяк.

– Нет, он не мой сын... – смутился Алексей Александрович. – Он... он...

– Я ученик Алексея Александровича, – сказал мальчик.

– Всё понял. Присаживайтесь! – пригласил директор и сам занял своё место. Достал из ящика папку, раскрыл. – Вот сборник стихов, редактором которого вы согласились быть. Хотите, прочитаю вам (он обратился также и к мальчику) свои последние стихи? Кстати, если вы не против, я посвящаю их вам!

Он поднял правую руку для выведения эмоционально значимых нюансов и прочёл с листа:

Надо в жизни найти
Настоящее дело,
Да такое, чтоб тело
От дела гудело.

Надо в жизни найти
Любимое дело,
Да такое, чтоб сердце
К делу летело.

Надо в жизни найти
Долгое дело,
Да такое, чтоб не было
Делу предела.

Надо в жизни найти
Веселое дело,
Да такое, чтоб дело
Смеялось и пело.

Надо в жизни найти
Благородное дело...

– Что молчишь? Что тебя
Так внезапно задело?

Как только он произнёс последние слова, мальчик зааплодировал.

– Тебе понравились мои стихи? – спросил директор.

– Вы – необычный поэт, – ответил мальчик. В его голосе звучали детская искренность и понимание взрослого. – Вы – как Есенин.

– Что ты сказал?! Есенин – мой любимый поэт! Ты читал Есенина?!

– Читал, и он мне понравился.

Директор сел рядом с мальчиком.

– Сколько тебе лет?

– Вчера исполнилось шесть.

– И ты читаешь Есенина?!

– Я и других поэтов читаю.

– Ты умеешь так читать?!

Мальчик пожал плечами.

– А что здесь такого?

– Пятилетние дети Есенина не читают! – директор обернулся к Алексею Александровичу. – Это вы научили его читать?

– Нет, – ответил тот, – он сам научился.

– Книги Есенина дали вы?

– Тоже нет.

– Мальчик, что ты ещё читал?

– Пушкина, Тютчева, Льва Толстого...

– Почему вы его привели ко мне? – спросил директор у Алексея Александровича.

– Это я попросил Алексея Александровича, чтобы он взял меня с собой, – вмешался мальчик.

– Хотел прогуляться? – директор посмотрел мальчику в глаза. – У тебя небесные глаза, ты это знаешь?

– Спасибо, – сказал мальчик с улыбкой. – Хочу, чтобы вы приняли меня в школу. Мне пора поступить в школу.

– Такого, как ты, обязательно приму.

– Дело в том, – произнёс Алексей Александрович, – что мальчик знает всю программу первого класса.

– Да? Мы это сейчас проверим. Ты не боишься проверки? – спросил директор у мальчика.

– Нет, – ответил тот.

Директор вызвал секретаршу и велел позвать трёх учителей начальных классов, завуча и психолога. «А также словесника», –

добавил он.

Члены экспертной комиссии собрались быстро. Увидев Алексея Александровича, они (кроме словесника) не проявили особой радости, но улыбнулись ему и поздоровались. Словесник же пожал ему руку и сказал, что бывший четвёртый класс Алексея Александровича, ныне пятый, у него – он назначен классным руководителем.

Директор взял на себя роль председателя экспертной комиссии. Всех усадил за стол и объявил:

– Мы проверяем этого мальчика в объёме всех требований программы первого класса.

Спустя десять минут все члены комиссии единодушно заявили, что нет смысла дальше задавать вопросы и задания – мальчик всё знает и умеет.

Директор развеселился.

– Думаю, он и второй класс выдержит, – пошутил он.

– Я тоже так думаю, – сказал мальчик, – проверьте, пожалуйста.

Члены экспертной комиссии засмеялись.

– Это уж слишком... – произнёс кто-то.

– А что! Давайте проверим, раз мальчик сам просит! – предложил директор.

Срочно достали программы и учебники, раскрыли их и начали задавать мальчику вопросы и задания.

Члены комиссии стали посерьёзнее. Они опять пришли к выводу: мальчик знает всю программу второго класса.

Директор вошёл в азарт.

– Можно проверять тебя дальше? – спросил он у мальчика.

– Можно, – ответил тот спокойно.

– Проверяем! – дал распоряжение директор. – Перед нами феноменальный ребёнок!

На этот раз члены комиссии проявили большую придирчивость. Мальчик был невозмутим, он охотно, с лёгкостью и уверенно решал задания и отвечал на вопросы.

– Да, – признались члены комиссии, – мальчик знает всё в объёме третьего и четвёртого классов!

Словесник пошёл дальше проверять его по программам языка и литературы пятого, шестого, седьмого классов, а потом развёл руками:

– Он знает всё, но главное – мыслит необыкновенно! Такой анализ литературных произведений слышу впервые! Его хоть в восьмой, хоть в десятый класс сажай!

Члены комиссии были возбуждены.

– ...но такого!.. – говорили они.

Директор с изумлением смотрел на мальчика.

– Феномен современного детства! – произнёс он для членов экспертной комиссии и обратился к мальчику. – Как с математикой?

– Я люблю математику, – ответил мальчик.

– Может быть, вызвать математика, чтобы он проверил тебя?

Мальчик улыбнулся:

– Хорошо.

Вызвали математика старших классов.

Пожилой учитель выслушал директора и скептически посмотрел на мальчика. Он неохотно подсел к нему и спросил:

– Ну, математик, с чего начнём?

– Я не математик, – ответил мальчик.

– Ну хорошо. Давай начнём с этого простого уравнения, – и он написал на листке бумаги алгебраические символы.

– Это не слишком? – забеспокоился директор, чувствуя, что учитель недоброжелателен к мальчику.

– А тогда зачем вы меня звали? – отпарировал математик и обратился к мальчику. – Бери карандаш и решай!

– Я уже решил, – сказал мальчик.

– Решил устно?!

Мальчик выдал решение.

– Ну как, правильно он сказал? – поинтересовался директор.

Но математик медлил. Он сам взял карандаш и на том же листке сделал расчёты. Потом как бы нехотя произнёс:

– Да, правильно.

Он молча взял другой лист бумаги и записал на нём другое уравнение на извлечение корня и возведение в степень.

– Решай! – сказал он сухо.

Мальчик не взял карандаша. Он смотрел на лист бумаги и думал, но всего полминуты, после чего сказал решение.

Математик занервничал. Он сделал расчёты карандашом, на что ушло минут десять, и сказал, сам не веря сказанному:

– Правильно...

Он уже забыл, что имеет дело с шестилетним ребёнком и что он сам есть член экспертной комиссии. В мальчике он увидел соперника и начал с ним состязаться. Оба увлеклись и зашли очень далеко.

– Не хватит ли? – встревожился директор. Ему пришлось ещё раза три повторить, что пора кончать.

Математик очнулся. Некоторое время он сидел молча.

– Ну как? Скажите, наконец!

Математик развёл руками.

– Не понимаю! – сказал он.

– Чего вы не понимаете? – спросил директор.

– По математике его хоть в восьмой, хоть в десятый класс сажай... Всё видел в жизни, но такого!.. – и пожилой учитель с явным почтением посмотрел на мальчика. – Такой феномен встречаю впервые!

Директор велел составить протокол и всем подписать.

Озадаченные члены экспертной комиссии удалились.

Алексей Александрович за всё это время сидел в углу и следил за происходящим. Вначале он просто радовался и тоже удивлялся успехам мальчика. Потом он стал нервничать и напрягся, хотел прекратить этот спектакль и увести мальчика. Но всё усиливающееся чувство тревоги перекрыло его сознание, и он отключился от всего внешнего.

«Сынок, пойдём гулять», – слышит он мамин голос. Он в коротких штанишках и белой рубашке, в сандалиях, причёсан. «Пойдём гулять, а потом в школу на собеседование», – говорит мама.

Они выходят на улицу. Тёплый августовский день встречает их ласково.

Парк недалеко.

Мама садится на скамейку, где уже сидит худощавый мужчина в очках и читает книгу.

«Играй, – говорит мама, – у нас пока есть время.

Но не с кем играть и не во что.

Он стоит рядом с мамой и озирается – на клумбах цветут тюльпаны, на деревьях щебечут птички.

Он любит красоту.

Худощавый мужчина обращается к маме: «У вашего ребёнка умное лицо».

Мама застенчиво улыбается.

«Сколько ему лет?»

«Сам скажет».

«Сколько тебе лет?»

«Вчера исполнилось шесть», – говорит он.

«Значит, двадцатое августа твой день рождения?»

«Да».

«Ты уже взрослый, в школу пойдёшь. Сейчас шестилеток в школу принимают».

«Да, у нас сегодня собеседование», – говорит мама.

«А вы готовили его к школе?»

«Он сам себя готовил».

«Сам?! – удивился худощавый мужчина. – Сейчас проверим. Ну как, ты знаешь буквы?»

«Я люблю читать», – отвечает он.

«Ты уже читаешь? Садись рядом со мной», – говорит он ласково. Достает из портфеля букварь, раскрывает.

«Читай».

Он читает одну, затем вторую, затем другие страницы и говорит дяде: «Мне скучно это читать».

«А что ты любишь читать?»

«Стихи».

Худоцавый мужчина достает из портфеля книгу для детей.

«Почитаем стихи».

«Эту книгу я уже читал».

Тогда худоцавый мужчина протягивает книгу, которую сам читал.

«Можешь прочитать стихи?»

Он начинает читать стихи вслух, но не для дяди, а для себя. Потом продолжает читать молча.

«Ну как?» – спрашивает дядя.

«Хорошие стихи».

«Ещё бы, Есенин».

«Я сейчас Тютчева читаю».

Худоцавый мужчина долго и сосредоточенно смотрит на него.

«Он у вас очень способный», – говорит он маме.

Мама улыбается, она довольна.

«А как по математике?»

«Не знаю».

«Сейчас проверим. Ты умеешь считать до десяти?»

«Могу считать до бесконечности».

Худоцавый мужчина дает примеры. Мальчик их решает. Тот кивает головой.

«У вас необычный мальчик, просто феномен. С такими знаниями его можно и в четвёртый класс посадить».

Худоцавый мужчина делает на книге дарственную надпись.

«Это тебе в подарок на день рождения».

Представляется маме: автор букваря и других учебников, профессор. Целует ей ручку и уходит.

«Пойдём в школу, уже время», – говорит мама.

В приёмной директора много мам с детьми, все они ждут собеседования.

Одна мама плачет и возмущается: «Это не школа, а душегубка для детей».

Плачет и девочка, потому что мама плачет и потому что её не приняли в школу.

Его мама хочет что-то сказать маме девочки, но та сквозь слёзы всё видит туманно.

«Не плачь, Машенька, я найду тебе другую школу», – говорит мама девочке.

А он говорит Машеньке: «Здравствуй».

Но она не смотрит в его сторону.

Мама с Машенькой уходят.

Из кабинета директора выходит тихо плачущая бабушка и ведёт за собой надутого мальчика.

Потом выходит гордый отец со своим сыном. Сын тоже гордо оглядывается вокруг.

Вызывают его с мамой.

За длинным столом сидят те, кто тестирует; идет собеседование.

Один сразу зовёт его к себе. Складывает на столе фишки.

«Где больше? Где меньше?»

Качает головой и направляет его ко второму.

Другой спрашивает, как отчество папы, как отчество мамы.

Качает головой и направляет к третьему.

Тот тоже качает головой и направляет к четвёртому...

Наконец, директор собирает оценки от всех членов приёмной комиссии, на калькуляторе выводит средний арифметический балл и объявляет маме: «Ваш ребёнок не готов для нашей школы, не потянет программу».

У мамы сдают нервы, она плачет, говорит директору о муже, об афганской войне.

Директор неумолим.

Говорит мама о профессоре, который только что похвалил мальчика.

Директор не признаёт профессора.

Сын смотрит, как плачет мама. У него сжимается сердце. Он тоже начинает плакать.

Какие у всех этих людей звериные лица. Они показывают ему свои клыки.

Он пугается и уже орёт.

Мама берёт его за руку и ведёт к дверям.

Там он оборачивается, набирается храбрости и кричит: «Волки, хищники, хищники...»

Все члены приёмной комиссии раскрывают пасти, чтобы проглотить его. Кто-то из них рычит: «Вам нужно всерьёз заняться воспитанием ребёнка...»

– Алексей Александрович, миленький, что с вами? Почему вы плачете? Очнитесь... Всё прошло прекрасно... Алексей Александрович, не плачьте. Пожалуйста, выпейте воды...

Он открыл глаза и первое, что увидел, – картину на стене:

с картины ему улыбалась одинокая лилия; он успокоился. Вытер глаза.

Директор протягивает ему стакан с водой.

Мальчик стоит рядом и ласково гладит его по голове.

Он сконфузился, покраснел, застенчиво улыбнулся.

– Вот теперь лучше... Поздравьте мальчика с победой!

Алексей Александрович обнимает мальчика.

– А теперь разберёмся, как нам быть. Я в весьма затруднительном положении, не знаю, в какой класс его сажать. Шестилетнего ребёнка, если он развит и знает программу, я как директор имею право определить во второй класс. Но в третий и четвёртый не имею права, это решает департамент или министерство. А мальчик заслуживает находиться в восьмом или девятом классе. Вы вообразите себе – шестилетний ребёнок поступает в школу не в первый, а прямо в девятый класс! История образования не знает подобного случая... Ей Богу, не знаю, как быть...

Директор крайне озадачен.

– А вы не беспокойтесь, – сказал мальчик, – посадите меня в первый класс.

– Как?! – воскликнул директор, – на это я не имею морального права!

– Почему? Мне это будет очень полезно, я не спешу взрослеть. Только у меня к вам большая просьба.

– Какая просьба? – отозвался директор.

– Определите меня в класс Алексея Александровича.

Лицо директора засияло.

– Значит, вы всё-таки решили вернуться в школу? У вас же педагогический талант! Вы же феномен, как этот мальчик! Значит, вы согласны?

– Утверждающий богат, – проговорил мальчик как бы про себя.

– Да... – нехотя произнёс Алексей Александрович и укоризненно посмотрел на мальчика.

Тот улыбался и шептал:

– Утверждающий богат... Утверждающий уже на Пути...

Директор вызвал завуча.

– Алексей Александрович не уходит из школы. Дайте ему первый «А» класс и зачислите этого мальчика тоже в первый «А»!

Завучу это распоряжение директора не понравилось, на лице появилась кислая мина, и она сухо произнесла:

– Хо-ро-шо...

Стоило ей скрыться за дверью, директор преобразился в поэта и, уже не предупредив своих слушателей, начал читать стихи с

многозначительными движениями правой руки. Рука напоминала мальчику плавное движение хвоста персидского кота, когда тот, чем-то очень довольный, разгуливает по комнатам.

Стихи были прекрасны. Мальчик и Алексей Александрович наградили поэта заслуженными аплодисментами.

Они попрощались с директором и собирались уходить, но он остановил их у дверей.

– Алексей Александрович, вы не ответили мне... Стихи, которые я хочу посвятить вам, вы принимаете?

Алексей Александрович смутился, чуть покраснел. Сразу не нашел, что сказать. И пока он соображал, мальчик произнес вместо него:

– Эти стихи ему очень нужны. Как вы прекрасно в них говорите:

Надо в жизни найти
Долгое дело,
Да такое, чтоб не было
Делу предела...

– Ты даже запомнил мои стихи? – порадовался директор. А Алексей Александрович застенчиво произнес: «Спасибо вам».

Прошло три дня, как начались занятия в школе. Вечером, когда Алексей Александрович собрался готовить конспекты завтрашних уроков, к нему нагрянул мальчик.

Он был чем-то недоволен, стоял у порога, подбоченившись и насупившись.

– Что ты с нами творишь? – сказал он строго.

– В чём дело?! – не понял причину упрёка Алексей Александрович. – Входи...

Мальчик остановился посередине комнаты.

– Разве не понимаешь, что ты отупляешь детей своими уроками?

– Как?

– Как-как! – передразнил мальчик. – Садись! – и он указал Алексею Александровичу на кресло.

Тот повиновался.

– А теперь делай, что я тебе скажу. Произнеси слово «мама»... Ну, делай... Сколько раз открыл рот? Отвечай! Значит, сколько в слове «мама» слогов? Скажи!

– Зачем ты заставляешь меня это делать?
– А ты зачем заставляешь всех нас это делать.
– Я же должен научить вас читать?
– Чтобы потом мы возненавидели чтение? Ты знаешь, какой сейчас век? Скажи!

– Двадцать первый... Сам не знаешь, что ли?
– Но так, как ты нас учишь, учили двести, триста, пятьсот, тысячу лет тому назад. Тебе это понятно?

Мальчик достал из кармана палочки.

– Держи! – и протянул Алексею Александровичу три палочки. – Сосчитай, сколько у тебя палочек?

– Три...

– Дай мне полный ответ: «У меня в руке три палочки». Повтори!

– Слушай, не надо со мной играть...

– Отними одну палочку... Сколько осталось?

– Что тебе от меня нужно?

– Чтобы ты понял: нельзя дурачить детей.

– Видишь, сколько методических пособий я накупил! Я делаю всё, как надо, как в них написано, от них не отхожу!

– Потому и вредишь нам. Что значит, надо? Кому надо – тебе или детям, или твоему завучу?

– В этих книгах же опыт...

– В них опыт учителей, а не детей. Взрослые, которые пишут эти шпаргалки, больше заботятся о самих себе, чем о жизни детей! А ты другой, тебе надо делать всё наоборот, всё по-другому. Твои бывшие ученики до сих пор восхищаются тобой!

– Я же не могу каждый раз ломать программу? Я обязан нести детям то, что положено...

– Разве ты сам не лучшая, живая, творческая программа? Неси детям самого себя, чтобы они безмерно полюбили тебя; тогда полюбят они и знания. Это есть мудрость, но написано ли о ней в твоих пособиях?

Алексей Александрович впал в отчаяние.

– Пойми, я не учитель, а литератор, да ещё студент...

– Ты остаёшься отрицающим, так ты никогда не станешь учителем.

– Я и не хочу им быть!

– Но ведь ты уже назначен учителем! Тебе доверили первый «А», двадцать восемь детей! Можешь ли ты их обмануть, оправдывая себя тем, что ты не учитель?

Мальчик прошёлся взад-вперёд по комнате, остановился перед ним и произнёс, казалось бы, про себя:

– Как мне сделать тебя утверждающим... Как сделать тебя

утверждающим...

– Я не хочу быть учителем. Разве это отрицание?

Мальчик успокоился, даже улыбнулся ему как маленькому.

– Тогда вот что, – тихо сказал он, – бросай завтра же школу и меня тоже забирай из школы. Зачем мне учитель, который не верит в себя?

– Тебе и не нужна школа. И какой я учитель для тебя! – грустно прошептал Алексей Александрович.

Мальчик подошёл ближе и погладил его по голове.

– Милый, хороший мой, учитель нужен всем.

Говорил он это ласково, как маленькому.

– Хочешь, расскажу тебе сказку? Закрой глаза, вот так... И слушай.

Мальчик продолжал гладить его по голове, а Алексей Александрович почувствовал, что тает.

– Сказка о тебе. Жил-был маленький мальчик, это ты... – Алексей Александрович сразу превратился в маленького Лёшеньку. – И у него, то есть у тебя, в сердце хранилась жемчужина света. Он иногда доставал её из себя, клал на ладонь, любовался её сиянием и возвращал обратно. Кто вложил в него жемчужину, он не знал. Но зато чувствовал, что жемчужина тянула его к людям. Ему хотелось нести всем дары от своего дара. Мама иногда спрашивала его: «Сынок, кем ты будешь, когда повзрослеешь?» Он отвечал: «Дарителем света». Мама улыбалась. «Умница ты мой», – говорила она. Но он пока был маленьким, и ему нужна была помощь взрослых, чтобы повзрослеть. А учителя и воспитатели помогали ему – каждый по-своему. Кто ногой наступал ему на сердце, кто бранил его, кто унижал, кто вселял страх, кто – «червячка» недоверия, кто сыпал соль злобы на открытые раны сердца. И жемчужина его покрылась копотью, мраком и забвением. Шли годы, он вырослел и всё больше забывал о своём даре – о жемчужине, излучающей свет. Мама могла бы напомнить ему о ней, но она ушла в Небеса. Постаралась выявить в нём жемчужину только одна учительница, которую он полюбил, но она не успела этого сделать, ибо тоже ушла в Небеса. Так стал он взрослым, а покрытая сажей и мраком светящаяся жемчужина осталась в нём как камень непонятной грусти. Не видя в себе дара для людей, он счёл себя ненужным, человеком без Пути. Но в один прекрасный день прилетела к нему птичка. Села ему на плечо и запела. Она принесла ему весть о сокровище, которое хранится у него в сердце... Но захочет ли он понять птичий язык и обретёт ли веру в себя? Тогда копоть и тьма рассеются, и свет его жемчужины достанется многим, особенно детям...

Алексей Александрович вместе с маленьким Лёшей стоит под каштановым деревом.

На плече Алексея Александровича сидит птичка и чирикает.

К ним по очереди подходят образы их воспитателей и учителей, каждый кается и приносит свои извинения. Алексей Александрович и маленький Лёша в знак прощения улыбаются им.

Последней приближается пожилая учительница и склоняет перед ними голову: «Каюсь... о прощении молю...» – шепчет она.

Алексей Александрович и Лёшенька улыбаются ей тоже, прощают, хотя не знают, за что она молит прощения. По щекам учительницы скатываются крупные слезы, они падают на землю и превращаются в зеркало. Алексей Александрович с Алёшей вглядываются в него: школьный коридор, на дверях классной комнаты табличка «2 „А“ класс». Лёшенька с мамой стоят перед этой учительницей в коридоре. Она злобно смотрит на маму и бросает ей в лицо: «Ваш ребенок – тупица!»

Мама краснеет.

«Из него человека не получится», – повышает голос учительница. Мама бледнеет.

«На вашем месте я сдала бы его в детдом», – злорадствует учительница.

Стук сердца мамы слышен по всему коридору, по всей школе.

«Ой...» – тихо произносит мама и падает на пол.

«Мама, мама», – кричит Лёшенька.

Бегут учителя из других классов: «Что случилось?»

Учительница невинным голосом объясняет всем: «Я рассказывала ей, какой у неё чудный мальчик, и вдруг она...»

Маму из школы увозят в больницу, а оттуда – на кладбище.

Маленького Алексея (его больше никто не будет звать «Лёшенька») отправляют в детдом...

Зеркало разбивается.

Алексей Александрович и маленький Алексей улыбаются учительнице, а мама видит всё с Небес и сияет от счастья...

Алексей Александрович открывает глаза.

На улице темно. Темно в комнате.

Ничего не видно.

Мальчик, видимо, ушёл.

О чем он рассказывал?

Да, о жемчужине!

Неужели это правда?

Его рука осторожно проникает в сердце.

Она мягко входит внутрь и извлекает маленькую – с

горчичное зёрнышко – жемчужину, которая светится.

Комната освещается.

Он зачарованно смотрит на неё.

«Моя жемчужина, она сияет... Теперь я могу работать дарителем света – особенно для детей! Вот оно – мое дело!»

Он встаёт и идёт со светом жемчужины к полке, протягивает руку и достаёт книгу.

Затем садится за кухонный столик.

Под светом жемчужины читает, читает, читает...

Прошли месяцы, и наступил май.

Учебный год был на исходе.

С того дня, как он открыл свою жемчужину, жизнь Алексея Александровича резко изменилась. Он стал другим человеком. Его трудно было узнать даже внешне: черты лица выровнялись, волосы посветлели, глаза приобрели небесную окраску. Он стал ходить более уверенно, одаривал всех пленительной улыбкой. Он весь был сиянием своей жемчужины.

Он рано приходил в школу вместе с мальчиком.

Подходил к доске, записывал и зарисовывал на ней символы, слова, мудрости, числа, тайнства.

Дети тоже начали приходиться пораньше. Каждый день стал для них праздником.

– Мой ребёнок такое говорит о вас... такое говорит... – сказала однажды мама одного мальчика и спросила у учителя разрешения посидеть на уроке.

– Пожалуйста, – ответил Алексей Александрович.

И с тех пор родители детей были частыми гостями на уроках.

Но по школе распространился слух, что в 1 «А» классе молодой учитель самовольничает.

Завуч всё рвалась проверить, как работает новичок, чему научились его ученики. Но директор, просматривая месячные планы работы завуча, вычёркивал вопрос о проверке работы Алексея Александровича.

– Поймите, – каждый раз возмущалась завуч, – он не специалист, у него нет опыта. На методических объединениях сидит молча. А вдруг дети отстали от программы?

Но директор стоял на своём.

– Он талантливый начинающий учитель... – «Талантливый» – это слово бесило завуча, а директор продолжал: – Наши проверки могут вспугнуть его, и он уйдёт из школы!

– А вы откуда знаете, что он талантлив? – не сдавалась завуч.

Эти стычки происходили в начале каждого месяца.

Завуч всё ждала, что пожалуются родители. Год заканчивался, но ни одной жалобы на учителя от них не поступило. Она допытывалась у некоторых мам, что происходит в классе и как их дети успевают. Но они или скрывали, что именно происходило в классе, или же просто не могли объяснить. Но, скорее всего, было и то и другое.

Бомба разорвалась после того, как сам Алексей Александрович пришёл к директору и сказал:

– Теперь вы можете проверить мой класс.

У директора было особое отношение к молодому учителю: не зная почему, он просто верил в него. Эта вера отчасти была закреплена прошлогодним опытом с четвёртым классом.

Увидев Алексея Александровича, он обрадовался, прочёл ему пару новых стихов и обещал, что создаст комиссию. Он вызвал завуча.

– Вы хотели проверить первый «А»? Проверяйте!

Завуч иронически усмехнулась:

– Кто будет нести ответственность, если класс провалится? Я снимаю с себя такую ответственность!

– А вы сначала проверьте. Создавайте комиссию.

Комиссия была создана.

Были проведены первые контрольные.

Члены комиссии сочли, что тут какая-то ошибка, такого результата в первом классе не должно быть.

Провели повторные контрольные работы, срезы, собеседования с детьми. Члены комиссии сочли, что они опять что-то напутали. Только один из них – учитель литературы – задал всем остальным вопрос:

– А какой класс мы проверяем?

– 1 «А», какой ещё! – усмехнулась завуч.

– Вы меня простите, – сказал литератор, – но это не первый класс, может быть, и не второй...

И хотя завуч была против, по настоянию учителя литературы комиссия решила провести проверку на уровне второго класса.

Результаты ошарашили всех. Комиссия была вынуждена признать, что всем детям 1 «А» класса нечего будет делать во втором классе, их можно сажать прямо в третий.

Тогда завуч поставила вопрос ребром: имел ли учитель право так самовольно поступить с утверждёнными программами и учебниками? И она нашла себе сторонников: как ни странно, их было большинство в школе.

Учителя ехидничали:

– Ишь ты, нашёлся новатор...
– Ишь ты, выскочка какой...
– Ишь ты, захотел переплюнуть всех...
– Его следует строго наказать, как можно так опережать программы?

– Зачем ему это нужно было?

И так далее и тому подобное.

Но директор смотрел на происходящее иначе.

– Нам лучше узнать, как Алексей Александрович, начинающий учитель, да ещё не специалист, добился таких успехов. Вы эту сторону дела тоже исследовали? – спросил он у членов комиссии.

Кто-то поспешно сказал:

– Наверное, он (т. е. Алексей Александрович) отобрал для своего класса самых талантливых детей!

– Нет, – сказал директор, – он никого не отбирал, привёл только одного мальчика, о котором вы знаете.

– Тогда, – предложил другой член комиссии, – он добился этого за счёт перегрузки детей, за счёт утроенных домашних заданий... Надо полагать, у детей подорванное здоровье...

Директор поручил комиссии перепроверить это сомнение. Перепроверили, провели медицинское обследование детей, расспросили родителей и самих детей.

Сомнение не подтвердилось.

Комиссия решила пригласить учителя, чтобы тот подробно рассказал о своей методике.

Накануне вечером Алексей Александрович попытался написать доклад для комиссии. Он долго мучился, но доклад у него не получился – он просто не мог вспомнить, как, с помощью каких приёмов и методов учил своих учеников. В нём было только одно радостное переживание: он одаривал детей светом своей жемчужины.

Философия его изменилась давно. Бесследно пропали рассуждения о случайностях, о ненужности и отрешённости. Все его мысли шлифовали сейчас идею о предназначении и о служении. Он понял весь смысл человека-Пути, ибо сам стал Путём. Он понял ещё, что сияющая жемчужина заключена в сердце каждого, она и есть Путь для человека. У каждого свой Путь. А жемчужина, которая в Алексее Александровиче, тянет, зовёт его к детям – это его Путь.

Беда в том, что многие не знают о своей жемчужине, не верят в неё, не ищут её в себе. А ещё большая беда заключается в том, что учителя и воспитатели, сами не веря в свои жемчужины, не помогают детям уберечь их в себе.

Ещё он убедился, что каждый, оказавшись в беде, получает руку помощи. Но рука эта ненавязчивая, невидимая. Надо прилагать усилия и научиться «птичьему» языку, чтобы принять весть.

В его зарождающейся философии выросла идея, в которую он поверил всем сердцем: каждый ребёнок есть рука ведущая для какого-то взрослого.

Было уже поздно, когда вдруг зазвенел звонок.

Пришёл мальчик.

– Ну как, готов к завтрашнему дню? Комиссия тебя не пугает? – спросил он.

Алексей Александрович объяснил ему, что не может написать доклад.

– А зачем тебе доклад? – подбодрил мальчик. – Дай говорить своему сердцу.

– Я так и сделаю, но там много недоброжелателей...

– Что значит «недоброжелатели»? Они ведь точилки для твоей смелости и убеждённости! Напомню тебе: «Привет трудностям, ими мы растём». Слушай, ты лучше Расскажи мне о твоём любимом учителе. Был же у тебя один такой?

– Да, был. Но зачем тебе рассказ о нём в такое позднее время? Не пора ли тебе спать?

– Не знаю, зачем. Но я пришёл к тебе попросить именно об этом. Потом я пойду спать.

– Что тебе рассказать, даже не знаю...

– Расскажи о самых ярких воспоминаниях.

– Ну хорошо, раз ты так хочешь. Это была она. Пришла к нам в седьмом классе. Я был тогда круглым двоечником. Учителя говорили мне, что не переведут в следующий класс. После первого сочинения она сказала мне: «Мальчик, у тебя поэтический дар!» И, понимаешь, я начал писать стихи и нести ей. Она ставила мне пятёрки за сочинения, и я был как окрылённый на её уроках. А однажды, когда мы писали очередное сочинение, она подошла ко мне, наклонилась, я почувствовал запах её нежных духов, и шепнула мне на ухо: «Мальчик, мои пятёрки краснеют рядом с двойками. Как быть?» И я нашёл, как быть: начал зубрить физику, химию, математику, английский язык. Учителя были вынуждены ставить мне тройки, а то и четвёрки и пятёрки. Так я не дал пятёркам по литературе краснеть перед двойками.

– Здорово, – сказал мальчик, – Расскажи ещё.

– Однажды я понёс ей домой кипу тетрадей для контрольных работ. Хотел сразу уйти, но она не отпустила меня. «Сынок, пообедаем вместе», – сказала она. Обратилась именно так:

«сынок». В детдоме так ко мне никто не обращался. Я почувствовал материнскую теплоту и заплакал. Она успокоила меня и сказала, что я ей как родной сын. У неё не было детей. Ты понимаешь сейчас, зачем я поступил на литературный факультет?

– Здорово! – опять сказал мальчик. – А как она выглядела?

– Сейчас представлю... Она была невысокого роста, с округлым красивым лицом, с седыми волосами; она носила элегантные платья со старинной брошью. Улыбка у неё была обаятельная... Она светила добротой и мудростью.

– Здорово. Светилась добротой и мудростью! – повторил мальчик слова Алексея Александровича. – Она жива?

– Нет, к сожалению, – грустно произнёс Алексей Александрович.

– Обидно... Но она порадует тебя.

Мальчик пошёл к двери.

– Спокойной ночи, – сказал он на прощанье.

Комиссия собралась в кабинете директора.

Минут десять члены комиссии при закрытых дверях обсуждают процедуру и регламент заседания. Затем вызывают Алексея Александровича.

Он входит. Оглядывает своих коллег. Никто не улыбается ему и не подаёт никакой намёк на поддержку и сочувствие, кроме учителя литературы – тот кивает головой в знак приветствия. «Ну что же, – подумал он, – у меня своя жемчужина, и отходить от Пути не собираюсь».

Завуч опережает всех.

– Расскажите, как вы умудрились пойти на такое! – говорит она тоном обвинителя.

Но директор поправляет её.

– Алексей Александрович, ваш 1 «А» показал уровень и подготовку второго класса, и стоит вопрос, чтобы детей перевести прямо в третий, минуя второй. Такой опыт нам ещё неизвестен. Не могли бы вы сообщить нам, как вы достигли такого успеха?

Все ждали, что Алексей Александрович выступит перед комиссией с длинным докладом. Но он не оправдал их ожиданий.

Он молчит минуты две-три, и это напрягает обстановку.

– Начинайте, мы вас ждём! – с нетерпением бросает завуч.

Но Алексей Александрович, видимо, не слышит её.

Он направляет взор на картину, которая висит на стене, и получается, что отводит взгляд от членов комиссии: они сидят с

обеих сторон длинного стола, а картина висит над ними. На ней изображён только один цветок – лилия. Цветок на высоком стебле с распустившимися лепестками. Директор гордится этой картиной, её подарил ему сам художник, бывший ученик школы. Алексей Александрович об этом сейчас, конечно, не вспоминает. Картина привлекает его взор по совершенно другой причине, о которой никто не сможет догадаться.

Члены комиссии переглядываются: почему новатор смотрит куда-то, а не на них, и тоже обращают свой взор на картину.

Лилия на картине преобразовывается, но только для Алексея Александровича: с картины на него смотрит пожилая женщина с седыми волосами, со старинной брошью на элегантном платье, – образ сплошной доброты и мудрости. Она улыбается своему ученику.

«Сынок, – слышит он её ласковый голос, – я верила в твой талант».

«Но я не хотел быть учителем».

«А сейчас?»

«Сейчас моя светящаяся жемчужина притянула меня к детям».

– Сколько можно вас ждать, начинайте! – нервничает завуч.

«Сынок, расскажи мне, как ты добился успеха со своим первым классом?»

– Я сделал все, о чём сказано в методических пособиях и чему учили меня мои коллеги, с точностью до наоборот.

– Как?! – возмущаются учителя начальных классов, члены комиссии.

– Вопросы потом! – предупреждает директор.

А сплошная доброта и мудрость улыбается с картины и шепчет:

«И я так начинала свою педагогическую жизнь».

– Я убедил детей, что в сердце каждого из них хранится сияющая жемчужина, которая несёт им Путь. Научил их извлекать свою жемчужину из сердца, любоваться её красотой и возвращать обратно. Сделал это, чтобы они никогда не забывали о ней.

«Вера в свою жемчужину есть всемогущая сила», – шепчет учительница с картины.

А члены комиссии переглядываются: о чём он говорит, о какой жемчужине?!

– Внушал каждому ребёнку, что он всё может, и призывал детей быть как умные взрослые.

Образ с картины посылает ему улыбку одобрения.

Но один из членов комиссии недоумевает:

– Это как?!

– Помогал каждому превзойти самого себя...

Кто-то тут же прокомментировал:

– Значит, перегружал детей заданиями...

Директор призывает к порядку.

Алексей Александрович смотрит на картину: любимая учительница держит в руках тетрадь и пишет.

– Что вы делаете? Вы записываете мои слова?

– Мы ничего не записываем.

– Почему он не смотрит на нас?

Директор опять восстанавливает порядок.

«Я учусь у тебя», – слышит Алексей Александрович любимый голос.

– Вы учитесь у меня?! – удивляется он.

– Откуда вы взяли, что мы учимся у вас? – возмущается завуч.

«Я была твоим учителем, а теперь ты есть мой учитель. Продолжай».

– Из жизни детей изгнал я слова отрицания. Учил их быть утверждающими...

– Не понял! – говорит кто-то.

«Ой, как хорошо», – и он награждается улыбкой, которая слетает с картины и одухотворяет его.

– Учил детей мыслить, строить свои города, летать высоко...

«Прекрасно, прекрасно... Ты пошёл дальше, я рада за тебя».

– Как дети могут строить города?!

– А как они могут летать?!

– Вопросы потом! – строго предупреждает директор.

– Оберегал детей от всего ложного и порочного...

«Великолепно!»

– Что он имеет в виду?

– Развивал в каждом дар терпения. Показывал преобразующую силу красоты, мощь устремления...

«Великолепно, великолепно!»

– Воспитывал суровость долга, чувства служения и дарил каждому нежную любовь...

«Восхищаюсь тобой!»

– Как это понять – суровость долга?

– Что это за нежная любовь?

– Вопросы после...

– Всё это пропитывал я духовностью...

«Это самое главное!»

– То есть вы занимались поповщиной?

– Воспитывая – воспитывался сам, уча – учился сам,

образовывая – образовывался сам... Вот и всё...

Любимая учительница восхищается.

Завуч возмущена.

– А конкретно? Что вы делали в классе с детьми конкретно?

Алексей Александрович отвечает не завучу, а картине, и улыбается ей:

– Не помню.

– Как это – не помню?! – злится завуч. – Как конкретно учили чтению, письму, счёту ваших учеников, не помните?!

Алексей Александрович не спускает глаз с картины.

– Когда я в классе перед детьми, – говорит он спокойно, – забываю обо всём остальном и живу только ими...

– И вы не помните эту жизнь?! – спрашивает завуч.

– Она прекрасна! – произносит Алексей Александрович.

Ему аплодировали трое – директор, учитель литературы и лилия с картины.

А во дворе школы его встречали аплодисментами дети и их родители. Они уже знали: хотя комиссия была против перевода детей из первого в третий класс, директор взял на себя ответственность и своим приказом подтвердил факт новаторского творчества...

Они с мальчиком шли из школы пешком.

Алексей Александрович предупредил:

– Устанешь, это далеко, лучше поедem на автобусе!

Но мальчик заверил, что не устанет.

По дороге зашли в парк с аттракционами, мальчик поиграл немножко, а потом, увидев кафе, попросил угостить его мороженым.

Они нашли столик на двоих в тихом углу.

Мороженое принесли быстро.

Некоторое время мальчик лакомился и смотрел на улицу. Он о чём-то думал. На лице его отразилась чуть заметная грусть.

– Хочешь, скажу, что будет с тобой в ближайшие годы? – тихо произнес мальчик.

– Ты ясновидящий? – спросил Алексей Александрович.

– Ты же знаешь, что никакой я не ясновидящий. Скажу то, что придёт на ум.

– Говори, это мне интересно.

– Так слушай. Вокруг тебя будут и хвала, и клевета; тебе будут и помогать, и мешать, и возвышать, и унижать, будут

критиковать, высмеивать. Ты иногда будешь на грани срыва. Тебе надо будет выдержать всё это. Пройдёт лет десять, всё уладится, и твой талант расцветёт.

Мальчик умолк.

– Это всё? – спросил Алексей Александрович.

– А что ещё? Остальное сам увидишь.

После краткой паузы мальчик опять заговорил:

– Хочешь, дам совет?

– Твои советы мне всегда помогали. Хочу, конечно!

– В тебе талант, но никогда не думай о том, что ты талантливый, скорее, забудь об этом.

– Принимаю, – сказал Алексей Александрович.

– Но зато никогда не забывай мудрость, о которой ты знаешь из книг, что сам редактировал: «Каждый для тебя учитель».

– Тоже принимаю.

Мальчик долго молчал и как будто прислушивался к чему-то. Потом опять взглянул на него и улыбнулся.

– Ты мне всё сказал? – спросил Алексей Александрович.

– Нет, не всё, скажу ещё, – и мальчик опять задумался.

Алексей Александрович подождал, пока он не заговорил сам.

– Вот что, – произнес, наконец, мальчик, – к тебе будут ходить ученики, десятки, сотни, может быть, и тысячи. Среди этих учеников будет один, ради которого тебе дана сияющая жемчужина. Но кто он, ты не будешь знать. Может быть, он уже среди этих детей, которых ты перевёл из первого в третий. Может быть, он придёт к тебе спустя десять, двадцать, тридцать лет. Ты должен отдать ему весь свет своей жемчужины.

– Как я это сделаю, если не буду знать, кто он?

– В том-то и дело. Отдавай весь свет жемчужины каждому из тысяч детей, чтобы не упустить этого одного. Принимай каждого как этого одного. Иначе твоя земная жизнь не будет оправдана.

Мальчик дал Алексею Александровичу осмыслить сказанное и добавил:

– Надеюсь, ты понимаешь, что такое служение и суровость долга?

Алексей Александрович кивнул головой.

Такую озабоченность он переживал впервые в жизни.

Мальчик следил за происходящим на улице.

За время, что они сидели в кафе, пошёл и перестал майский дождь.

За стеклянной оградой мальчик увидел, как папа, сутулясь, держал за руку двухлетнего ребёнка и помогал ему делать шаги, избегая луж на асфальте.

– Смотри, как забавно, – сказал мальчик и засмеялся.

– Да, забавно смотреть на них...
– Если папа отпустит руку...
– ...он угодит в лужу, потому и держит крепко.
– Можешь сказать, какая важная проблема решается именно сейчас в его жизни?

– Ещё бы, спустя год бегать будет без помощи взрослых...

Мальчик встал.

– Нам пора домой, – сказал он.

Они вышли на улицу и быстрым шагом направились в сторону своей окраины.

Алексей Александрович был под сильным впечатлением от разговора с мальчиком. Он привык к тому, что мальчик часто говорил с ним о необычных вещах, помогал понять жизнь, проявлял мудрость. Но сегодня он получил от него особые наставления.

Они шли молча, и он осмысливал каждое слово мальчика, хотел понять и то, почему он обратил его внимание на ребёнка с отцом. Его мысли перешли на самого мальчика, который в это время остановился у витрины и рассматривал детские игрушки. «Кто он?» – который раз задавал он себе этот вопрос. «Рука ведущая», – пронеслось в мыслях Алексея Александровича.

Мальчик вдруг обернулся к нему.

– Слушай, – сказал он, – думаю, ты всё собираешься расспросить маму обо мне?

– Да, хочу знать о тебе как можно больше.

– Почему тогда не сделать это сегодня? Самое время. Пригласи её вечером в кафе.

– Хороший совет, – сказал Алексей Александрович.

Вечером он сидел в кафе «Космос» за столиком напротив молодой красивой женщины и искал слова, как начать разговор о том, ради чего пригласил её сюда.

Они обменялись впечатлениями последних дней, и молодая красивая женщина упомянула о сыне. Алексей Александрович воспользовался случаем и сказал:

– Вы бы не могли рассказать мне о своём мальчике?

Она насторожилась.

– Что вас интересует?

– Расскажите мне то, что считаете нужным, чтобы знал учитель.

Она задумалась. По её лицу было видно: задумалась не о том,

что именно рассказать о сыне, а о том, сказать или не сказать. После минутной внутренней борьбы она решилась.

Допила кофе и посмотрела ему в глаза.

– Не знаю, как вы примете то, что я расскажу.

– А как бы вы хотели, чтобы я принял ваш рассказ? – спросил Алексей Александрович.

– С пониманием, доверием, – сказала она.

– Я так и приму, – пообещал Алексей Александрович.

– Это потому, что мой рассказ покажется вам весьма странным.

– Я пойму, – успокоил он её.

Молодая красивая женщина опять выдержала паузу.

– Даже не знаю, с чего начать... В общем, я стала свидетелем чуда, верить в которое мне самой трудно. Вы уверены, что он мой сын, то есть что его я родила.

– А что, не так?! – удивился Алексей Александрович.

– Не так. Я ему не настоящая мама.

Она задумалась.

– Можно, сначала расскажу вам о себе? Может быть, так история станет понятнее.

Алексей Александрович обрадовался – он ведь не знает её.

– Да-да, расскажите о себе!

Она прищурила глаза и задумчиво сказала:

– А может быть, получится наоборот, и я больше запутаю вас...

– Нет-нет, разберёмся! Расскажите о себе, чувствую, так будет лучше!

– Ну хорошо... – согласилась она. – Мне самой, кстати говоря, нужно разобраться в себе. Родители мои умерли более десяти лет тому назад. У меня нет близких и родных людей в этом городе, я одна. Закончила университет. Замуж не выходила, хотя были поклонники. Почему не вышла замуж? Попробуйте понять: потому что, начиная с дошкольного детства, я до сих пор безнадежно влюблена. В кого, спросите? В мальчика, которому было три или четыре года. Тогда мне было столько же, и мы ходили в одну группу в детском саду... Вы удивлены?

На её красивое лицо легла тень грусти.

– Нет, почему... – прошептал Алексей Александрович.

– Мы ходили в детский сад вместе всего два года. Потом его увели, не знаю куда. Я всё ждала, что он вернётся и мы поиграем вместе. Но он больше не вернулся...

На глазах молодой красивой женщины засверкали слёзы.

– А я растила в себе любовь и до сих пор надеюсь, что встречу его. Может быть, он тоже ищет меня, хотела бы в это верить...

Смешно всё это, правда?

– Совсем не смешно, очень трогательно, – прошептал Алексей Александрович.

– Но я ничего не могу поделать с собой. Я ищу его повсюду: и в детях, и во взрослых. Если я вижу маленьких детей, я ищу среди них своего любимого...

Она лёгким движением руки смахнула слёзы и иронически усмехнулась над собой.

– Вы можете это понять? Объяснить?

Алексей Александрович был потрясён.

Сердце его переполнилось состраданием, ему стало больно за неё.

– Конечно, трудно понять, а объяснить – тем более! – произнёс он дрожащим голосом.

– Вот и вся моя история... – грустно сказала она и, подумав немножко, продолжила. – Вы уже знаете, что есть чувствознание, мы о нём говорили с вами. Хотя не знаю, как это объяснить, но моё чувствознание склоняет меня к тому, чтобы связать свою историю с мальчиком.

Она некоторое время сидела с закрытыми глазами.

– Расскажу теперь о чуде, – сказала она потом. – Но вы обещали, что отнесётесь к моему рассказу с доверием.

– Да-да, конечно! – прошептал расчувствовавшийся Алексей Александрович.

– Тогда слушайте. Три года тому назад, в день двадцатого августа, я встала на рассвете, надела спортивный костюм и пошла в лес. Почему я это сделала, не знаю, ибо никогда до этого таким ранним утром в лес не ходила. Тем более в тот день у меня не было намерения пойти в лес. Я подошла к огромному старому каштановому дереву. Птицы ждали восхода солнца и настраивали голоса. Я снизу взглянула на дерево. Оно было могучее, и его полуголые ветви с пожелтевшими листьями тянулись ввысь. На них чирикали птички. Я уселась под деревом и прислушалась к их воркованию. Мне было хорошо, я не думала о том, что именно привело меня сюда в такую рань, – молодая красивая женщина остановилась. – Вам не наскучило это моё литературное занятие?

– Нет-нет, продолжайте, пожалуйста! – Алексей Александрович был захвачен рассказом.

– Понимаете, я хочу, чтобы вы прочувствовали моё состояние души перед происшедшим чудом... – и она продолжала: – Вдруг птичьи голоса усилились, они оживились, и я ещё раз взглянула наверх. «Птичий хор вот-вот зазвучит», – подумала я. Спустя минуту первые лучи солнца, пронзившие ветви, ослепили мне глаза. Птичий хор запел великолепный гимн солнцу. И сквозь

пение я слышала певучий голос, который, как соло, выделялся в хоре. Голос этот нараспев произнёс: «Помоги мне спуститься с дерева». Я подумала, что в птичьем пении всякое услышишь. Но голос повторялся всё настойчивее и явно был обращён ко мне. Я опять взглянула вверх. В ветвях уже играли лучи солнца. И что я увидела? С самой верхней ветви медленно и осторожно спускался ребёнок... Вот вам испытание: вы доверяете мне, что я говорю правду?

– Конечно-конечно! – с жаром произнёс Алексей Александрович. – Верю каждому вашему слову!

Молодая красивая женщина стала ещё красивее, она светилась.

– Сначала мне показалось, что это видение. Тем не менее внимательно следила, как ребёнок, сознавая опасность, выбирал ветки, на которые можно было опереться ногами, и так спускался вниз. «Ну как, ты поможешь мне?» Я спросила: «Как мне тебе помочь?» Он ответил: «Я сейчас прыгну, а ты поддержи меня, чтобы я не ушибся». Он спустился до самой нижней ветки, примерно в трёх метрах от земли, закричал: «Держи», – и прыгнул. Я обеими руками поймала его в воздухе и осторожно поставила на землю... Разве это не чудо? С самой верхушки дерева спускается маленький ребёнок, которого там не было!

– Чудо, настоящее чудо! – прошептал Алексей Александрович.

– Но слушайте дальше. Передо мной стоял трёхлетний мальчик – тот, в кого я с трёхлетнего возраста влюбилась и искала всю жизнь, но искала не ребёнка, а повзрослевшего молодого человека...

Молодая красивая женщина сияла.

– На мальчике были те же короткие штанишки, красная рубашка и туфли, что были тогда на моём возлюбленном. Я обняла его, расцеловала, заплакала от радости... Вопросы, которые у вас возникают, конечно, я задавала ему. Вот каким был наш диалог. Я спросила: «Тебя же не было там, на верхушке дерева, как ты там оказался?» Он ответил: «Я родился на верхушке дерева». «Когда?!» – спрашиваю. «Только что, с восходом солнца двадцатого августа», – говорит он мне. «Тебе же три года, как ты мог сегодня родиться?!» А он говорит: «Я родился трёхлетним». «Откуда ты?! С другой планеты?!» – спрашиваю. А он отвечает: «Не знаю». Спрашиваю: «Зачем ты родился?» Говорит: «Ты же искала меня?» «Я тебя всю жизнь ждала, – говорю, – ты мне нужен взрослым, а не маленьким!» Я разрыдалась...

Молодая красивая женщина разрыдалась и на этот раз.

– И знаете... и знаете, что он мне ответил? Он приласкал меня и сказал: «Не плачь, я к тебе и взрослым приду».

Она успокоилась. Её лицо опять посветлело.

– Я вам всё сказала...

Она улыбнулась Алексею Александровичу улыбкою доверия и встала.

Они вышли из кафе «Космос».

Шли молча.

Расстались на площадке второго этажа, пожелав друг другу спокойной ночи.

Но ночь не стала для Алексея Александровича спокойной.

Он был возбуждён.

Сначала он ходил по комнате взад-вперёд и старался разобраться во всём, что услышал.

Любовь с трёхлетнего возраста! Надо же такому быть!

Он вспомнил детей в автобусе, которые шептались о любви – Машеньку и Лёшеньку.

Потом он лихорадочно бросается к ящику и достаёт тетрадь с записями. «Она была Машенькой... Да, да, Машенькой... Должна быть в тетради какая-нибудь запись о ней».

Раскрывает тетрадь и видит, что страницы пусты.

Было двести страниц с записями. Где записи?

Листает и перелистывает – нет ничего!

Только в середине тетради, только на одной странице обнаруживает свои каракули, но разобрать их не может.

Эти каракули сгущаются в серое облачко, оно поднимается и входит в него, растворяется в его сознании.

Тетрадь остаётся совсем чистой.

Сознание же будит подсознание и принуждает его быть откровенным.

Мама приводит его в детский сад.

Помогает переодеться в детский халатик и переобуться в мягкие тапочки.

«Здравствуйте», – говорит маме другая мама.

«Здравствуйте», – отвечает мама.

Девочка, которую привела другая мама, шепчет: «Мама, мама, вот мальчик, которого я люблю, я выйду за него замуж».

Мама отвечает: «Машенька, пока рано тебе замуж выходить».

И она обращается к его маме: «Почему-то нынешние дети

очень рано заговорили о любви».

Мама смеются, целуют своих детей, говорят, чтобы вели себя хорошо, и прощаются.

Дети входят в комнату, где группа трёхлеток.

Воспитательнице пока некогда ими заниматься, она стоит у зеркала.

Машенька приближается к нему, обнимает, целует в щёчку и шепчет ему на ухо: «Мальчик, я тебя люблю».

Другая девочка, которая стоит рядом, видит и слышит всё.

Она бежит к воспитательнице.

«Антоннагоргевна, они целуются и говорят, что любят», – и показывает пальцем в их сторону.

«Антоннагоргевна» мигом отрывается от зеркала.

«Что?» – гремит она и направляется к влюблённым.

Тянет их за уши.

«Малолетние извращенцы... Больно вам, больно? Повторятся любовные сцены – будет хуже! Чтобы я больше не видела вас вместе!»

В её голосе звучит злоба...

Потом он стоит голый у кровати Машеньки, над головой держит мокрые трусы.

В глазах Машеньки – ужас и сострадание, в его глазах – отчаяние и обречённость.

Машенька прячется под одеялом, плачет и шепчет: «Всё равно я люблю тебя и буду любить...»

Алексей Александрович открывает глаза.

Вскакивает с дивана.

Сознание его уже не прежнее, а просветлённое.

Он срывается с цепи – мигом выбегает из комнаты и также мигом оказывается на площадке второго этажа.

Кулаками бьёт в дверь.

– Мария-Машенька, – кричит он, – повзрослел твой любимый. Открой двери, Мария-Машенька, это я – Лёшенька... Открой...

В дверях в ночной рубашке стоит молодая красивая женщина, за ней стоит тоже он сам – шестилетний мальчик.

Лёшенька берёт Машеньку на руки и целует, целует.

Радостно рыдает и целует.

Машенька шепчет ему что-то на ухо. Тоже радостно плачет и шепчет.

А мальчик в восторге, прыгает, дёргает их за руки и кричит:

– Пойдём в лес... Встретим восход солнца у каштанового дерева!

– Пойдём! – отзывается Алексей Александрович.

Он несёт Машеньку на руках.

Добрый человек сажает их в машину и мчится по безлюдным улицам, выезжает на шоссе и жмёт на газ – надо успеть до восхода солнца.

– Здесь? – спрашивает и резко тормозит машину.

– Да-да...

Они бегут к каштановому дереву.

Оно ждёт их, соскучилось по ним. Видит, что жизнь светлеет для них, и радуется.

– Помоги мне залезть на дерево, – говорит мальчик Алексею Александровичу.

Тот поднимает его над головой. Мальчик цепляется за нижнюю ветку и лезет выше.

– Осторожно! – предупреждает Алексей Александрович.

– Не лезь высоко! – волнуется Мария.

Но он поднимается всё выше и выше, ползёт уверенно и быстро.

– Осторожно!

– Дальше не лезь!

Птички не видят в нём чужака. Они настраивают свои голоса.

И вдруг с ветвей каштанового дерева, с ветвей всех деревьев леса звучит мощный хор – птицы восхваляют солнце. В общем пении выделяется соло – певучим голосом мальчик возвещает:

– Восходит Солнце!

Первый луч солнца пробивается сквозь ветви и ослепляет глаза стоящим под деревом. Но они смотрят, не моргая, тянут руки к солнцу и впитывают всю щедрость дарительницы жизни.

Потом поднимают головы и смотрят в ветви.

– Лёшенька! Мальчик, где ты?

Но мальчика там уже нет...

Видят, как с кроны старого каштанового дерева взлетает птица и устремляется ввысь.

Но вот и её тоже не стало видно.

II. Учитель

Пролог.

Василия Александровича назначают директором школы

Василия Александровича, прекрасного молодого учителя, победителя разных конкурсов, вызвали в управление образования, и начальник предложил ему стать директором школы. Тот обрадовался, но не потому, что перед ним открывался путь карьерного восхождения – ему было чуждо такое чувство. Обрадовался потому, что в этой должности он увидел возможность способствовать утверждению идей гуманной педагогики, последователем которых он стал с первого же года своей учительской жизни. Потому он не постеснялся сразу сказать начальнику:

– Только с одним условием...

Начальники вообще не приемлют никаких условий от подчинённых, но здесь он почувствовал, что этот молодой человек не рвётся к должностям, а ему срочно нужна была кандидатура директора одной школы, в которой старый был только что уволен.

– И какое же это условие? – спросил он даже с интересом.

– Вы, надеюсь, знаете, что я сторонник гуманной педагогики. Если я и приду в школу директором, то только с намерением повернуть весь педагогический коллектив к идеям гуманной педагогики. Могу я заручиться вашей поддержкой?

Начальник сморщился.

– Вы понимаете, школа эта загнана в тупик – низкая успеваемость, запущенные финансовые дела, тридцать лет школу не ремонтировали, материальная база допотопная... Вам надо будет вытянуть ее из болота, у вас просто не будет времени заниматься вопросами гуманной педагогики... Какая гуманность, в руки надо взять школу...

Эти объяснения не впечатлили Василия Александровича, и он опять повторил своё условие:

– Иначе я не согласен... Мне лучше остаться простым учителем...

– Нельзя ли отложить ваши намерения хотя бы на два-три года, пока школа нормализуется?

– Нет, – ответил Василий Александрович решительно, – нельзя. Нельзя потому, что и распределение финансов, и ремонт школы, и обновление материальной базы, и всё остальное подлежат законам гуманной педагогики... Я рассматриваю школу

как целостный организм...

При этих словах начальник нахмурился.

– Послушайте, – сказал он, – вы можете мне коротко объяснить, о каком гуманизме идёт речь? И вообще, может ли быть школа негуманной, если она школа?

– Если школа действительно Школа, то она, разумеется, будет следовать только идеям гуманности. Но если она потеряла ориентиры, тогда в ней начинает властвовать авторитаризм. Это есть болезнь нашего образования.

– И что вы собираетесь предложить несчастному коллективу школы, куда мы хотим вас направить? – спросил начальник.

– Как я понял, надо ответить очень коротко. Так вот, этому несчастному коллективу, как вы выразились, я предложу счастье.

– Предложите, и всё?

– Нет, разумеется, – улыбнулся Василий Александрович, – своё счастье они должны сотворить сами через жизнь по законам гуманной педагогики.

– Вы бы не могли назвать мне эти законы? – поинтересовался начальник.

– Да, могу: закон духовности, закон любви, закон терпения, закон сотрудничества, закон вдохновения и творчества, закон свободного выбора. Жизнь по этим законам рождает между учителями и учениками состояние духовной общности, что и есть истинное учительское счастье.

Начальник иронически улыбнулся.

– И вы думаете, что это возможно сделать вашими приказами?

– Боже упаси! – воскликнул Василий Александрович, – Приказами гуманную педагогику не сотворишь. Буду действовать своими же законами.

– Видно, вы мало знаете жизнь, мой молодой друг... – чуть с грустью произнёс начальник. – Ваши законы превратятся в песок, как только натолкнутся они на бастион учительского консерватизма. Сложившиеся образовательные традиции куда мощнее, чем ваша гуманная педагогика!

– Может быть, но она набирает силы, и я хочу помочь ей. – Василий Александрович окинул взглядом кабинет, и его взгляд задержался на полочке с книгами, среди которых он увидел знакомые тома. – Ой, – воскликнул он, – у вас пятитомник Сухомлинского, редкое издание... Ведь смог он создать школу гуманной педагогики, Павлышскую школу! Хочу тоже попробовать!

Начальник тоже взглянул на книги. Да, кто-то три или четыре года назад подарил ему тома Сухомлинского, но он ни разу не

смог хотя бы полистать их, не было времени, может быть, и нужды. Зато знал имя и отчество автора, знал, что он классик педагогики.

– Но вы же не Сухомлинский, вы только Василий Александрович... – пошутил начальник.

– Мне большего и не надо... – тоже пошутил Василий Александрович, – Он поможет мне...

– Кто поможет?

– Василий Александрович.

– Это как?

– Буду следовать его заветам, буду с ним советоваться, – весело ответил Василий Александрович.

«Действительно, почему не поддержать этого задорного и талантливого молодого человека? – подумал начальник. – Пусть строит свою школу, как он говорит, по законам гуманной педагогики... Пусть попробует, а я, пока буду находиться в этом кресле, своей властью буду помогать ему, защищать. От этого школе плохо не станет. Только вот каково будет ему самому в борьбе с нашим формализмом и бездушными законами? Ну что же, я буду его покровителем».

– Хорошо, Василий Александрович, – произнёс начальник уже дружественным тоном, – принимаю ваше условие! – и вызвал секретаршу, – Принесите приказ!

Он встал, подошёл к полочке, снял пятитомник Василия Александровича Сухомлинского и положил его перед молодым человеком.

– Думаю, эти тома вам нужнее.

– Вы их дарите мне? – просиял Василий Александрович.

– Пусть это будет моим первым вложением в ваше дело, – улыбнулся начальник.

Тем временем секретарша занесла папку с бумагами. Начальник подписал приказ о назначении Василия Александровича директором школы и вручил ему копию. Потом встал, пожал руку, поздравил, пожелал успеха, обещал поддержку и под конец сказал:

– А теперь поедem в школу, я представлю вас коллективу. Вы же не хотите медлить в реализации гуманной педагогики...

Так Василий Александрович пришёл в школу директором.

Его встретили с каким-то равнодушием, даже настороженно. Но он ко всем проявлял внимание и дружелюбие.

Он посещал уроки, общался с учителями и учениками, с родителями.

Спустя месяц работы у него сложился весьма печальный образ авторитарной и скучной жизни в школе. Скорее, это была

не жизнь, а «отбывание» школы, как выразился один великий психолог. Разумеется, были и яркие учителя или такие, которые могли бы стать яркими, но их было совсем немного. Думать, что через них можно повернуть весь коллектив к гуманной педагогике, было бы ошибкой, ибо никто из них не являлся лидером. Лидерами были другие, но повлиять на них, казалось, практически невозможно.

Как быть, думал Василий Александрович. Уволить учителей, чтобы заменить их другими, он не хотел. Не хотел и навязывать им свои идеи, пользуясь властью директора. Но и ждать, когда учителя постепенно поймут, как важно обновить своё сознание и опыт, или когда они естественными путями покинут школу, а он пригласит других, ему тоже не хотелось, на это ушли бы немалые годы.

С кем из школы можно советоваться?

Наибольшее доверие в нём вызвали психолог Сергей Артурович, уже 15 лет работавший в школе, и молодой учитель физики Георгий Леонович, пришедший в школу всего два года тому назад. Василий Александрович решил пригласить их.

Был уже конец рабочего дня.

Они вошли в его кабинет. Держались скромно и самостоятельно. Но искренность Василия Александровича вскоре пленила их.

Василий Александрович решил довериться им и со всей откровенностью рассказал о своих намерениях и причинах, в силу которых согласился стать директором.

– Если вы разделяете мои устремления, тогда помогите мне. Подскажите, как в таких обстоятельствах, в которых находится школа, можно склонить учителей в пользу обновления, причём достичь этого за самый короткий срок?

Те задумались.

Психолог встал и из книжного шкафа достал учебник по коррекционной педагогике.

– Эта книга лежала в шкафу и до вас, – начал он, – в ней лежит моя закладка, и вообще, книгу принёс директору я. Положение, которое бытует в нашей школе, здесь описано с крайней точностью. Послушайте: «Как потребовать от учеников соблюдения нравственных норм, если хотя бы один учитель в школе от них отстает?» – Далее психолог продолжал читать подчёркнуто. – **«Школа становится опасным», понимаете, «опасным местом для ребёнка, потому что...», – а теперь послушайте, – «потому что в ней работает», – послушайте, – «много нервных, тревожных, напряжённых, конфликтных учителей. Они не могут обеспечить ребёнку необходимого**

тепла и уюта, не могут полноценно заниматься проблемами воспитания и коррекционной работы...»

Сергей Артурович положил перед директором раскрытую книгу.

– Лев Николаевич Толстой говорил о духе школы, – продолжил он. – Вот этот дух нашей школы заражён нетерпимостью, раздражительностью, недоверием, злобой, недолголюбиванием и тому подобными болезнями. А их носителями и распространителями являются наши же учителя. Нам нужен способ вылечить учителей от этих болезней, сделать их здоровыми...

– Именно, и чтобы лечение не длилось долго, и чтобы учителя сами взялись за своё выздоровление... – поддержал психолога Василий Александрович.

– Да, я вас понимаю. Но вот способ...

– Можно, я кое-что предложу? – робко произнёс Георгий Леонович, – Я, конечно, не специалист, и потому извините, если не то скажу...

– Говорите смелее, – поощрил Василий Александрович.

– Так вот, я наслышан о так называемой «шоковой терапии»...

– Да-да-да... – радостно воскликнул психолог. – Какой вы молодец! Шоковая терапия применяется не только для оздоровления экономики, но и в психологии и педагогике для оздоровления и детей, и взрослых. С помощью шоковой терапии успешно снимаются страхи, раздражение, предвзятости, сомнения и тому подобные негативы...

Идея была принята.

Далее они начали обсуждать, как строить коллективную шокотерапию, точнее, как сделать, чтобы учителя поняли и приняли необходимость обновления или, в крайнем случае, задумались бы над этим. А ближе к полуночи нашли выход. Решили так: на открытом педагогическом совете, на который будут приглашены все учителя и вспомогательный персонал, сделать два обстоятельных сообщения в связи с анализом происшествий, которые потрясли всех работников школы.

Первое происшествие – недавнее, нашумевшее, оно стало причиной увольнения предыдущего директора, а прокуратура пока ещё расследует трагическую гибель учительницы начальных классов; этому происшествию была посвящена специальная телевизионная передача программы «Пусть говорят».

Второе же происшествие случилось четыре года тому назад, и хотя о нём вне школы мало кто знает, но в самой школе оно задело всех; учителя не любят вспоминать о нём, ибо это позорит их. Дело было связано с увольнением прекрасного, просто

замечательного учителя, который хотел внести в жизнь школы идеи гуманной педагогики.

– Он был вашим предшественником, – сказал психолог, – вы его должны знать, ему присвоено звание Рыцаря Гуманной Педагогики, это – Михаил Михайлович...

Василий Александрович вскочил со стула.

– Михаил Михайлович работал в этой школе?!

– Да... И его просто выгнали...

– Как?! Где он сейчас работает? Его надо вернуть!

И план шоковой терапии был разработан.

Но психолог в ходе обсуждения высказал мысль, что применить понятие «шоковой терапии» к учителям, может быть, будет неэтично, надо это понятие обозначить по-другому. Им пришлось ещё раз уточнить цель своих действий, и молодой физик вдруг предложил: «Стимуляция к самообновлению».

– Точно, – сказал Василий Александрович, – «стимуляция к самообновлению»...

И он поручил Сергею Артуровичу и Георгию Леоновичу в течение двух месяцев подготовить сообщения. Естественно, они должны были быть не просто рассказами о печальных происшествиях, в которых учителя выступали бы сторонними наблюдателями и судьями, а такими, которые задевали бы каждого и вовлекали внутрь событий, давали бы каждому возможность увидеть свою причастность к ним, подводили бы к преобразующим переживаниям, мыслям и решениям.

На другой день в школе появилось объявление, сообщающее о том, что в такой-то день и час в овальном зале состоится открытый педагогический совет; была названа тема: «Прошное, настоящее и будущее школы».

Учителя насторожились.

В течение долгого времени они группами собирались в том или ином кабинете, чтобы поговорить и прогнозировать своё будущее с новым директором.

Кто-то возмущался, зачем возвращаться к прошлому; но были и такие, которые оправдывали директора: ему нужно разобраться в жизни школы.

В общем, в день совета овальный зал наполнился двумястами учителями и другими работниками.

Василий Александрович объявил:

– Уважаемые коллеги, для определения перспектив развития школы нам нужно оценить настоящее. С этой целью мы заслушаем сегодня два сообщения, связанные с реалиями школьной жизни. Сперва предлагаем заслушать сообщение о трагическом событии, произошедшем совсем недавно. Его

подготовил наш психолог Сергей Артурович. Предоставляю ему слово.

Сергей Артурович подошёл к трибуне, открыл папку и взором окинул зал – ни одного свободного места.

В обычном неприметном уголке он заметил своего друга, учителя истории, которого все в школе звали «философом». Зная его привычку, у психолога промелькнула мысль: «Интересно, какие же он сделает комментарии к сегодняшнему педсовету?»

«Философ» сидел за маленьким столиком и держал перед собой раскрытую тетрадь. Он никогда не выступал на педсоветах и совещаниях с речью и не смотрел на выступающего. Он обычно сидел, опустив голову, или глядел в окно, ему как будто было безразлично, что происходит вокруг. Но в действительности выслушивал все и время от времени комментировал мысли выступающих или отдавался размышлениям и все это быстро записывал. Вот такой был «философ» в школе.

Сергей Артурович спокойно и уверенно приступил к своему сообщению, не забывая о том, что ему в действительности нужно было порождать «стимулы к самообновлению».

Часть первая.

«Родился, чтобы умереть»

– Уважаемые коллеги!

Передо мной стоит задача: найти ответ на вопрос – как могло произойти, что бывший ученик нашей школы, ставший уже молодым человеком, убивает своего первого учителя?

Вначале же нам надо разобраться, что мы имеем в виду, ставя такой вопрос, ибо он имеет три аспекта.

Первый аспект – риторический, безапелляционный. То есть нас не интересует причина происшедшего, мы требуем, чтобы немедленно и по заслугам был наказан тот, кого мы, независимо от обстоятельств, считаем виновным. Один из вас, узнав о происшедшем, так и воскликнул:

– Вот подонок! Как он посмел поднять руку на своего первого учителя!

Слова «как посмел», произнесённые гневно, а не с интонацией вопроса, имеют в виду не тот смысл, как и почему это произошло, а смысл безапелляционного осуждения того, кого мы считаем виновным. «Как посмел!» отменяет всякие оправдательные доводы и, стало быть, возможную справедливость.

Второй аспект вопроса – это фактическая сторона дела. Наше любопытство здесь может быть направлено на выяснение и восстановление самого процесса, в котором свершился факт. Нас могут не волновать глубинные и отдалённые причины, а интересовать конкретные обстоятельства: когда и где это случилось, кто участники происшедшего, кто свидетели, каким именно образом молодой человек совершил своё злодеяние и т. д. и т. п. Всё это то же самое, чем занимаются следственные органы: выискивание неопровержимых улик, на основе чего совершается правосудие. Однако если бы выявлялись более глубокие причины, эта справедливость могла бы превратиться в несправедливость.

Третий же аспект вопроса – содержательная сторона дела. Здесь мы действуем согласно всеобщему закону: причина порождает следствие. Речь идёт о глубинных причинах, которые в более или менее отдалённом будущем рожают следствия. В наших интересах докопаться, насколько будет возможным, до первопричин данного явления. Что же довело молодого человека до отчаянного шага?

Этот третий аспект наиболее важен для нас, учителей, ибо, исследуя его, мы бы увидели самих себя такими, какие мы есть на

самом деле.

Готовы ли вы взглянуть правде в глаза, когда правда может оказаться нашей суровой судьёй? Говоря точнее, если мы примем правду, которая обвиняет нас самих, нам, людям совести, захочется каяться и выбирать иной путь, который, как образно говорят, приведёт нас к Храму.

Свои аналитические суждения я больше буду посвящать третьему аспекту произошедшей трагедии, хотя для полноты картины буду касаться и первых двух. А за основу своих суждений беру всеобщий закон причин и следствий.

Уважаемые коллеги!

Произошло то, чего могло не произойти.

Но следует ли нам во всём винить этого молодого человека?

– ***Кого же ещё?! На что вы намекаете?***

– А нашу причастность к тому, что произошло, вы не видите?

– ***А мы тут при чем?!***

– Что значит «при чём»?

Каждый из нас, в большей или меньшей степени, соучастник трагедии.

Первая учительница в течение четырёх лет сама заряжала своего ученика как охотничье ружьё, потом ей в этом помогли учителя в последующих классах. А совсем недавно, на остановке автобуса, она сама нацелила на себя это «ружьё» и вынудила своего бывшего ученика «нажать на курок».

Он не должен был этого делать, потому его и будут судить.

Но тех же, кто в течение длительного времени заряжал ружьё, к делу пришивать не будут.

Почти каждый из нас способствовал свершению этой трагедии, но для успокоения совести скажу: мы этого не хотели.

Трагедия случилась в нашей среде, она потрясла нас всех, мы возмущаемся. Но надо ведь, чтобы из этой истории мы извлекли истинные, а не ложные уроки.

Простите, ослышался, что вы сказали?

– ***Это единичный случай, дело одного мгновения, и не надо раздувать до бесконечности...***

– Извините, коллега! Что значит раздувать? Это мгновение имеет свой генезис, и если я предлагаю вам разобраться в том, почему же с нами такое случилось, это раздувание?

– ***Случилось это не с нами со всеми, а с одной нашей коллегой...***

Извините ещё раз!

Эта одна коллега, как вы выразились, начала свою педагогическую жизнь в данном коллективе и набрала более чем двадцатипятилетний стаж. Она переняла ваш стиль жизни, вашу

речь, ваши взгляды. И как можно утверждать, что вы не причастны к причинам трагедии?

Да, всё случилось в одно мгновение. Но мгновение было не пустое, а заряжённое прошлым. Я не раздуваю мгновение, а предлагаю разобраться в нём.

Нам нужна Истина, и, только поняв и приняв её, мы сможем задуматься, что нам впредь сеять и какие зарождать причины.

Истина сурова, потому мы боимся её...

– ***А зачем нам бояться истины?***

– Затем, что она может обличить нас, возмутить наше сознание, потребовать от нас перестраиваться.

Вот вам притча.

«Обращается к людям мудрец и говорит:

„Скажу вам все слова Истины!“

Но люди испугались и закричали:

„Скажи лучше половину Истины, иначе не устоит твёрдая земля!“»

Но половины Истины не бывает. Половина Истины – уже ложь.

– ***Раздувать мгновение тоже ложь!***

– Вы, коллега, опять о своём!

Вы считаете, что дело закрыто?

Вот что я вам скажу: то, что случилось в то роковое мгновение, не закроется до тех пор, пока каждый из нас в отдельности и все мы вместе не закроем его, не закроет его наша совесть.

Вы хотите свалить всё на мгновение, на случайное стечение обстоятельств в это мгновение. Выходит, не было бы этого мгновения – не случилась бы беда. Но мгновение ведь было, и его, как слово из песни, не выкинешь из нашей жизни!

Мы не только наблюдатели этих и бесчисленного количества других мгновений со счастливыми или трагическими исходами, но и сеятели причин, их порождающих.

Размышления «философа»:

«Мгновение – микрочастица времени жизни человека. Вся жизнь состоит из сотни миллионов или нескольких миллиардов мгновений, но есть среди них такие, которым суждено воздать нам по заслугам. Такие мгновения рожаем мы сами – нашими мыслями, делами, отношениями, чувствами и переживаниями. Но потом они, выискивая подходящие моменты, врываются в нашу жизнь, доставляя нам радость и успех или горе и огорчения. Мы бы могли научиться творить мгновения

успеха и радости, но пока чаще получается так, что от многих из них мы получаем „удары судьбы“.

Было мгновение, в котором произошло крушение „Титаника“ и уже не могло не произойти, но до этого было мгновение, которое могло отвести трагедию.

Были мгновения, когда взорвались атомные бомбы над Хиросимой и Нагасаки, но до этого было мгновение, в котором могло быть принято другое решение.

Было мгновение, когда наёмник нажал на курок и оборвал жизнь президента, но раньше было мгновение, в котором мировая история могла бы найти другое развитие.

Было мгновение, когда катастрофа на Чернобыльской атомной электростанции стала необратимой, но было мгновение, когда разум человеческий мог бы отвести возможную катастрофу».

За мгновеньем мгновенье – и жизнь
промелькнет,
Пусть весельем мгновение это блеснет!
Берегись, ибо жизнь – это сущность тварная,
Как её проведешь – так она и пройдет.

Омар Хайям

Гениально!

– Да, трагедия произошла мгновенно, но любое происшествие есть следствие многих предыдущих мгновений, и оно есть одна из многих причин последующей цепи происшествий, которым суждено проявиться сразу или в будущем. И нам не должно быть всё равно, каким явится будущее, пусть даже без нашего участия.

Нас покинет мудрость, если мы не будем уяснять истинные причины счастливых или трагических происшествий, в которых наша судьба поворачивается к свету или тьме.

Происшествие – как капля воды.

Капля может выдать все качества воды, только нужно проводить над ней сложные лабораторные исследования.

Происшествие, свершившееся мгновенно, может обнаружить все качества жизни, но его также необходимо исследовать и философски, и психологически, и исторически, и календарно, в общем, многосторонне.

Каждое событие имеет своё место в строгом течении времени. Происшествие же, которое нас заботит, произошло в 18 часов 33

минуты 18 секунд. Именно в это время кассирша продовольственного магазина, увидевшая через витрину, как молодой человек схватился за голову, закричала «ах!» и уронила часы. Часы остановились и на них застыло время – 18:33:18.

Вы, конечно, понимаете, что мгновения, как и время в целом, абстрактно не существуют. В них всегда что-то происходит. Каждое мгновение – одно для всех семи миллиардов жителей Земли, но для каждого из них оно наполнено своим смыслом и событием. Для кого-то событие этого мгновения – просто очередной раз моргнуть глазом. Но кое-кто в то же самое мгновение может родиться и сделать первый вздох, другой же испустит последний вздох, кто найдёт счастье своё, кто его потеряет, кто наполнит его злобой или завистью и тем самым уготовит себе в более или менее отдалённом будущем несчастный «случай»... Так одно и то же мгновение будет иметь миллиард проявлений.

Каждое событие, происходящее с человеком, имеет живую историю. Это значит, что прошлое не остаётся в прошлом, а вплетается в будущее и стремится вместе с ним к своей цели. Оно, это прошлое, прячется в скрытых сундуках нашего сознания. Было бы развито в нас чувствознание, а также сознательная воля, и была бы в нас вера в неумолимость закона причин и следствий, мы смогли бы сотворить причины, способные отводить от нас роковые мгновения или же, что ещё лучше, творить причины, следствием которых были бы счастье и вдохновение.

– Вы меня удивляете. Для вас случайностей не существует? Зачем заниматься какой-то мистикой, утверждая сомнительный закон причин и следствий? Есть ведь случайности без всяких причин.

– Нет случайностей без причин. Слово «случайность» говорит о нашей ограниченности. Случайностями мы называем явления и события, причин которых мы не видим и разгадать не можем. Перед нами загадка: как происходит, что бочка с порохом прошлого, которую возит один человек, сталкивается в одной точке с искрой, с которой носится другой? Земля не так уж мала, и они могли бы разойтись в разные стороны, могли бы пересечь одну и ту же точку в разные мгновения. Но нет! Происходит именно их столкновение!

Мы не научимся строить нашу жизнь, если не поймём, что в наших руках не только собственная судьба, но, порождая причины и следствия, мы влияем на судьбы многих других, среди которых могут быть и те, которых никогда не увидим и знать не будем. Говоря «мы», я имею в виду в первую очередь учителей, воспитателей, нас с вами.

Я заговорил о загадке.

Осмелюсь предложить вашему вниманию мою гипотезу по этому поводу.

Если мы сами начинили человека порохом, то искра, способная взорвать его, как правило (хотя могут быть редкие отклонения), находится в наших руках. Проходит время, мы вроде бы разошлись с человеком, которого начинили порохом, даже забыли о нём, но порох в нём и искра в нас сами тянутся друг к другу, чтобы произвести взрыв.

Если в нас есть понимание закона причин и следствий, мы бы сделали одно из двух: или вместо пороха, то есть злобы, наполнили бы человека, то есть ученика, добротой, великодушием, благородством, и тогда искра в наших руках, то есть любовь, вызвала бы в нём вдохновение, восторг, духовную общность; или же, если всё же допустили оплошность и наполнили человека (ученика) злобой, то существует улыбка покаяния, доброжелательности, дружелюбия, и тогда в человеке со злобой и взрывчаткой мы бы вызвали всепрощение, милосердие, согласие; и получится, что это мгновение, которому суждено было принести горе, родило бы то, что нами называется чудом.

Знала бы об этом наша коллега, мгновение с бедой пролетело бы мимо, не коснувшись её и не взорвавшись. Она даже и не смогла бы представить, какой удар судьбы, какой рок отвела бы от себя. Ей нужно было подойти к молодому человеку, проявить радость встречи с ним и сказать от всего сердца, с искренним чувством покаяния:

– Мальчик мой, давно хочу просить у тебя прощения за те обиды, которые я причинила тебе в школе. К сожалению, я поздно поняла, что значит истинный учитель. Вину перед тобой я пытаюсь искупить в общении с нынешними своими учениками. Как бы я хотела, чтобы ты увидел свою обновлённую первую учительницу.

Сказала бы она подобные слова, трагедия миновала бы обоих. Молодой человек бросился бы ей в ноги, она обняла бы его, и восторжествовала бы человеческая Истина...

– Нет, я не хочу такое слушать. Обращаюсь ко всем. Коллеги, вы разве не видите, что наш уважаемый психолог обвиняет нас во всех грехах, которые существуют в мире? Может быть, нам прекратить эти слушания и разойтись по домам? У нас и так много дел и забот.

– И мне тоже непонятны ваши рассуждения. У меня двадцатилетний стаж. Значит, за всё это время я занимался злом? Может, порекомендуете, чтобы мы ходили по домам к

своим нынешним и бывшим ученикам, калялись перед ними и просили прощения, стоя на коленях?

– Я тоже предлагаю прекратить заседание.

– Мягко сказано – заседание. Мы все здесь вроде как на скамье подсудимых.

– Нет, нет, я с вами не согласна. Сергей Артурович не зря предупреждал, что правда может напугать нас. Вот вы и испугались, потому что увидели, как правда обличает вас... и испугались. Меня тоже задевает правда, но я решила выдержать. Пусть Сергей Артурович продолжит свой психологический анализ произошедшего.

– Какой там психологический анализ. Он читает нам обвинительный приговор!

– Простите, пожалуйста, я всего год работаю в школе. Не хочу сеять причины будущих скорбных, досадных, а то и трагичных последствий. Сообщение вызывает во мне большой интерес...

– Всем нам нужно разобраться в случившемся. Пусть продолжает.

– Коллеги, уgomонитесь, пожалуйста... Давайте проявим терпение и выслушаем.

– Пусть говорит ближе к делу.

– Пусть говорит, как знает. Он интересно рассуждает о причинах и следствиях.

– Сергей Артурович, продолжайте!

– Спасибо!

Конечно, буду говорить конкретнее, но позвольте мне высказать предположения, чтобы конкретное стало более понятным.

Наше прошлое творит настоящее и определяет будущее. В народной мудрости это звучит так: «Что посеешь, то и пожнёшь». Другая мудрость ещё строже нас предупреждает: «Посеешь ветер, пожнёшь бурю».

Представьте, перед нами сотворённое нами же цветущее поле: мы сами в нужное время посеяли семена, а теперь они взошли и радуют нас. Но перед нами может оказаться заминированное поле: мы сами заминировали, а теперь нужно пройти через него. Была бы добрая воля, мы могли бы приумножить благоухание цветов. Была бы добрая воля, мы бы разминировали поле, и тогда пройти его будет безопасно и нам, и другим. И в первом, и во втором случае будущее изменилось бы к лучшему.

– Это как, нам стать сапёрами? Самим взорваться на минах?

– Зачем так грубо?

Всё очень просто и человечно.

Вот послушайте:

«Итак, если ты принесёшь дар свой жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой перед жертвенником, и пойдя, прежде помирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты ещё по пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу...»

– *Это вы из библии читаете?*

– Да, от Матфея...

– *И кто же, по-вашему, должен был каяться?*

– А вы не могли бы сами ответить на свой вопрос?

– *Коллеги, для чего мы собрались? Нам нужно защитить честь учителя и школы и потребовать строго наказать человека, который убил своего учителя. Но занимаемся чем? Всё идёт к тому, что мы обвиним нашу коллегу, обвиним самих себя и возбудим ходатайство о нашем наказании и оправдании убийцы.*

К сожалению, никто нас наказывать не станет, нет для этого юридических норм. И я вовсе не веду вас к самобичеванию, но хочу, чтобы мы задумались об обновлении нашего педагогического сознания, я этого действительно хочу. Потому стараюсь превратить эту прискорбную историю в урок для всех нас. Наша беда не в самих бедах, а в том, что отмахиваемся от своей доброй воли, в которой наше всемогущество. Педагогический мир могут изменить не программы и стандарты, хорошие учебники и компьютеры, методики и технологии, а наша добрая воля.

– *Значит, мы плохие учителя?*

– Мы можем стать прекрасными учителями, если смягчим наши сердца ради учеников наших, если станем для них образцами великодушия и благородства, если полюбим их искренне.

– *Это уж слишком!*

– *Послушайте, у меня пока нет опыта педагогической жизни, и считаю для себя полезной теорию, которая не позволит мне заминировать будущее.*

– *Думаю, нам не надо обижаться, когда говорят правду. Психолог говорит очень корректно, и не надо извращать его слова.*

– Спасибо вам, коллеги!

А сейчас я перехожу к самому факту.

Я детально изучил все обстоятельства произошедшей трагедии и пришёл к выводу, что её нельзя назвать случайностью, она не есть также какое-то фатальное явление, а есть следствие не столько локальных, сколько глубинных причин. Потому предлагаю вашему вниманию анализ генезиса этого рокового мгновения. Я собрал огромное количество фактических материалов, по которым всплывает правда.

– **Ваша правда.**

– Да, пока моя, но надеюсь, что она станет и вашей.

Итак, как это случилось.

– **Наконец-то...**

– Трагедия произошла у автобусной остановки, недалеко от нашей школы, перед маленьким продовольственным магазином.

Продавщице и кассирше магазина делать было нечего – не было покупателей. Они лениво обменивались переживаниями, связанными с их мужьями и детьми, и глядели на улицу через витринное стекло. Оно служило им живым телевизором: глазели на прохожих и ждущих автобуса на остановке. Иногда кто-то останавливался у витрины и после коротких раздумий проходил мимо.

На этот раз происходило следующее.

К остановке автобуса подошла пожилая женщина и присела на скамеечке.

У витрины остановились 9–10-летний мальчик и старичок с белоснежной бородой; он держал в руках палку и портфель.

Подошла девушка лет двадцати, она была занята своим мобильником.

Мимо витрины медленно прошёл пожилой человек с собакой. Продавщице и кассирше он был знаком: он часто заходил в магазин и покупал две бутылки пива. «Одна мне, другая – моей собаке», – говорил он, но в шутку или всерьёз, женщины не понимали.

Старичок с портфелем и мальчик о чём-то говорили, но в магазине не было слышно, только с помощью жестов мальчика можно было догадаться, что они люди не чужие друг другу – мальчик смотрел на старика и улыбался ему.

«Милый старичок, я и раньше видела его, проходившего мимо. Шикарная у него борода!» – сказала кассирша.

С правой стороны появилась женщина лет пятидесяти. Она была одета в тёмное платье, что не подходило жаркому майскому дню. На ней была широкая шляпа, в руках она держала сумку и прозрачный полиэтиленовый пакет с тетрадями и книгами. Она тоже остановилась у витрины, а так как витрина была узкая, отодвинула в сторону старика и мальчика, даже не взглянув на

них. Мальчик, увидев женщину, забеспокоился и собрался бежать, но старичок, взяв его за руку, закрыл собой.

«Который час?» – спросила продавщица кассиршу. Та посмотрела на свои ручные часы, которые она держала в руках, чтобы завести, и ответила: «Шесть часов тридцать одна минута, нам работать ещё два с половиной часа».

Продавщица, глядя сквозь витрину на ту сторону улицы, увидела молодого человека, спешившего перейти через улицу на красный свет светофора. Он лавировал между машинами, которые сигналили ему и с устрашающей скоростью мчались в шести рядах.

Через минуту молодой человек возник прямо перед витриной. Продавщица заметила: у него было озабоченное лицо, по всему было видно, что спешил, но автобуса не было.

В это время старичок, пряча мальчика от женщины, стоявшей у витрины, уронил палку. Молодой человек сразу поднял её и протянул старику. Тот, видимо, поблагодарил его, пристально посмотрел в лицо и что-то сказал. В ответ молодой человек грустно улыбнулся и кивнул головой. Старичок, видимо, хотел продолжить разговор, но на шум упавшей палки обернулась женщина в шляпе. Думаю, вы догадались: она наша коллега – Мария Васильевна, учительница начальных классов. Теперь она стояла к витрине спиной, и кассирша с продавщицей заметили, как задрожали её плечи.

Вот и наступает теперь это роковое мгновение.

Увидев её, молодой человек оторопел. Разговор со стариком прервался. Женщина в шляпе, то есть Мария Васильевна, что-то сказала молодому человеку, после чего тот схватился за голову, закрыл лицо и так стоял несколько секунд, пока она продолжала говорить.

До рокового мгновения остаётся совсем немного. Марии Васильевне теперь нужна естественная и спасительная сдержанность. Но она этого не делает. Молодой человек открывает лицо и смотрит на женщину, как говорят наблюдательницы из магазина, сперва с негодованием, а потом с жалостью.

Он отворачивается и собирается удалиться от неё прочь, но не успевает сделать два-три шага, как женщина в шляпе, – теперь продавщица и кассирша уже наблюдали её в профиль, – открыла рот и, надо полагать, сказала что-то хуже прежнего. Выражение её лица было брезгливым и насмешливым.

Вот и происходит то, что могло не произойти: молодой человек оборачивается, наблюдатели на его лице читают обречённость и отчаяние, а женщина в шляпе так молниеносно

падает на тротуар, что продавщица и кассирша, которые с них глаз не сводили, не поняли, как это произошло и что с ней случилось.

Кассирша вскрикнула и выронила часы; время на них остановилось. Она уставилась на молодого человека, лицо которого сейчас выражало ужас, жалость, страдание. Он упал на колени, поднял голову женщины и прижал к груди. Слёзы его обмывали её лицо. Он что-то бормотал.

Продавщица поняла: с женщиной случилась беда; она бросилась к телефону, вызвала скорую и полицию. Кассирша выбежала на улицу.

Женщина в шляпе – это Мария Васильевна.

Молодой человек, который прижал к груди её голову, это наш бывший ученик, которого одноклассники и учителя прозвали Никчемным. Назвала его так первая учительница в первом классе. Так и осталась за ним эта кличка в течение всей школьной жизни, так вспоминают до сих пор его одноклассники.

Пусть скажут учителя, у кого он учился: кто из вас помнит его настоящее имя?

Вот видите, никто.

Его имя для вас – Никчёмный...

– Он таким и был – никчёмным, ни к чему не был пригоден, никому не был нужен...

– У меня он тоже был негодным ни к чему...

– А вы уверены, что он никому не был нужен?

Одинокой матери тоже не был нужен ее единственный ребёнок?

У него сейчас жена и двое маленьких детей. Им он тоже не нужен?

– Скажите, а что было дальше?

– Что дальше? Дальше нам нужно с вами вместе выяснить причины, породившие следствие.

Лежавшую на асфальте женщину и молодого человека окружили все, кто поневоле стал свидетелем: десятилетний мальчик, старичок с палкой и портфелем, пожилая женщина и молодая девушка. Собрались и другие, останавливались прохожие, скопилась толпа.

Автобус прибыл и отъехал без пассажиров.

Там же стояли продавщица и кассирша, чуть позже присоединился к ним пожилой мужчина с собакой.

Первым к женщине подбежал маленький мальчик, опустился на корточки и хотел было помочь встать. Но увидел, как молодой человек бросился на колени, осторожно, дрожащими руками приподнял её голову и прижал к груди.

Думаю, вы должны знать об этом мальчике.

– *Зачем нам судьба чужих детей, нам и наших хватает, не теряйте на это время...*

– *Да, действительно, не надо отвлекаться, нам долго ещё тут заседать...*

– Вы думаете, что мальчик этот чужой?

Что значит чужой ребёнок?

Так что, пожалуйста, послушайте дальше. Это не будет отступлением от нашей проблемы.

Мальчик этот бомж уже второй год. Он в розыске.

Знаете, почему он убежал из дома?

Отчим пытался его изнасиловать.

Он написал записочку своей учительнице, в которой просил её выслушать его и помочь. Сложил бумажку и положил в карман пальто учительницы. Та увидела, что он лезет в её карман, набросилась на него, поймала, так сказать, с поличным и обозвала воришкой. Велела привести родителей.

Письмецо осталось в кармане учительницы, она прочла его и, не понимая, о чём мальчик просит, решила передать его родителям и рассказать им ещё о воровских наклонностях их ребёнка.

На другой день мальчик в школу не пришёл.

Учительница не обеспокоилась его отсутствием. Но спустя несколько дней в школу пришли из следственного отдела полиции, и только тогда она узнала, что мальчик с того самого дня, когда он положил письмо ей в карман, исчез.

– *Это связано с нашей школой? Она – учитель нашей школы?*

– Да, так и есть.

Учительница не показала полицейским записку мальчика, понимая, конечно, что тем самым сильно себя компрометирует. О нём же самом отозвалась как об отстающем и воришке. Хотя ребёнок проучился у неё три года и не было ни одного случая, чтобы он крал чужие вещи. А учился он посредственно, на тройки. Был неугомонным, доставлял учительнице хлопоты, родители не очень-то заботились о сыне. В общем, мальчик был для учительницы «плохим» учеником, от которого лучше было бы избавиться. Так и говорила она ему: «Ты самый плохой ученик в моей жизни».

Я встретился с мальчиком...

– *Наталья Георгиевна, что с вами?! Вам плохо?*

– *Стакан воды, пожалуйста!*

– *Может быть, валидол?*

– *У неё это от давления...*

– Поднялось давление?
– Она утомилась наверно... От такого педсовета с человеком всё может случиться.
– Вызовем скорую...
– Наталья Георгиевна, вы слышите?
– Уложите её на диван...
– Всё, всё... Она пришла в себя. Вам сейчас лучше?
– Вам уже хорошо? Слава Богу, а то мы перепугались очень.

– О чём вы шепчете, Наталья Георгиевна? Вам что-то надо?.. Ах да, вот ваш портфель. Открыть? Открываю... Из этого кармашка?.. Достаяю... Кому передать? Психологу? Хорошо... Передайте, пожалуйста, эту бумажку психологу.

– Наталья Георгиевна просит вас прочитать записку вслух!

– Вы действительно этого хотите?

Хорошо.

Итак, читаю:

«Учительница, я хочу вам открыть тайну. Отчим со мной очень плохо поступает. Маме сказать об этом не могу. Думаю, вы любите меня больше, чем отчим. Обещаю, не буду вашим самым плохим учеником».

– Не понял?!

– Наталья Георгиевна, это тот самый мальчик?

– Да?!

– Оставьте её, видите, ей плохо.

– Как этого мальчика зовут? Славик или Владик?

– Какой ужас...

– Где сейчас этот мальчик? Разыскивается?

– Полиция его не нашла и не найдёт, если сам мальчик этого не захочет. А он этого захочет только в том случае, если почувствует, что он всем нам нужен и мы верим в него. Но он этого от нас пока не чувствует. А в том окружении, где он сейчас находится, ему хорошо, он там не Славик или Владик, а Ума Палата. А настоящее его имя Богдан.

– Видимо, вам известно, где он находится, вам надо сообщить в полицию. Как-никак, могут отправить его в исправительную колонию или в детский дом... Так будет лучше для него!

– Нет, я не сообщу в полицию о местонахождении мальчика. Но сообщил бы тому из вас, кто решился бы взять его на воспитание. Так мы избежали бы осложнений в его жизни.

Возвращаюсь теперь к событиям у автобусной остановки.

Мальчик сидел на корточках, очень близко к женщине и

молодому человеку, который гладил по седым волосам женщину, свою первую учительницу, и рыдал. Мальчик был в шоке. Ему было до слёз жаль молодого человека. Он думал, что тот оплакивает свою родную мать. Он протянул руку и приласкал его, хотел успокоить, посочувствовать. Потом взглянул на женщину и произнёс: «Я знаю её, она Злюка, так звали её дети в школе».

– Как вы смеете так отзываться о коллеге!

– Простите, это же не я так отзываюсь о ней, а описываю вам факт, чтобы потом разобраться в нём!

Послышался рёв полицейских сирен.

Мальчик быстро исчез.

Думаю, вам хочется узнать, как потом я его нашёл.

Я его не искал, он сам меня нашёл...

– Наталья Георгиевна, вам снова плохо?

– Нам всем скоро будет плохо...

– Хватит вам злословить... Часто ли вы на таких предсоветах бывали?

– Разрешите сказать. Мне представляется весьма странной логика ваших рассуждений. Получается, что если в один прекрасный или чёрный день наши ученики перережут всех нас, вы их будете оправдывать? Разве не так, коллеги?

– Не в том дело, кого я буду оправдывать, а в том, чтобы вы поняли: так образовывать наших детей впредь нельзя, мы должны изменить наше отношение к ним. И пусть каждый заглянет в своё сердце, какой он учитель для своих учеников.

– Наталья Георгиевна, вы что-то хотите? Внимание! Наталья Георгиевна хочет что-то сказать. Давайте слушаем.

– Не надо вам вставать, Наталья Георгиевна, сидите и говорите так. Вы хотите говорить стоя?.. Как знаете.

– Тише, тише...

– Я хочу сказать о том... Как вы сказали о пороховой бочке и искре... они сами стремятся друг к другу, если даже мы этого не желаем. Вы так сказали, да? Вы ещё сказали, что можно разминировать будущее, верно? Я не знаю... я не знаю... о-о-о...

– Наталья Георгиевна, не надо плакать, не принимайте всё так близко к сердцу.

– Вот, дайте валидол...

– У меня есть валериановые капсулы, пусть проглотит...

– Давайте отпустим Наталью Георгиевну... Женщина в летах, чувствительная натура, не для неё такие собрания...

– Наталья Георгиевна, я могу отвезти вас домой!

– Хитрый, нашёл способ улизнуть.

– Вы не хотите поехать домой? Вы ещё хотите что-то сказать? Внимание! Наталья Георгиевна не досказала свою мысль! Послушайте её! Говорите, Наталья Георгиевна!

– Спасибо! Я успокоилась! Сергей Артурович, я правильно поняла: если причина добрая, и следствие будет добрым, так? Пожалуйста, прошу вас, умоляю, найдите мальчика... Я виновата перед ним. Может быть, простит... Может быть, согласится быть моим сыном... о-о-о... Спасибо вам, Сергей Артурович, за очищение души. Я уже другая. Я другая... о-о-о...

– Это она серьёзно?!

– Не видишь разве, серьёзнее не бывает!

– Обещаю вам, Наталья Георгиевна, найти мальчика. Спасибо вам за ваши откровения.

А теперь о девушке, которая стояла на остановке автобуса.

Услышав шум, она сразу обернулась и, увидев, что у магазина что-то творится и народ собирается, немедленно включила в своём мобильнике видеозапись и подбежала к толпе. Первым, к кому она обратилась, был пожилой мужчина с собакой. «Что случилось?» – спросила она, направив на него объектив. Но тот пожал плечами, ибо подошёл только что.

Девушка пробралась к месту происшествия и ужаснулась. Она направила «глазок» мобильного на рыдающего молодого человека, прижимавшего к себе голову женщины.

«Скажите, что случилось? Кто вы? Кто она? Почему она лежит на асфальте?» – спрашивала она, студентка факультета журналистики.

Молодой человек был глух и слеп для неё. Он что-то отрешённо бормотал про себя. Она записывала всё на видео. После я обратился к ней с просьбой дать мне запись. Узнав, зачем она мне нужна, согласилась. Я покажу вам эту запись. Смотрите. Думаю, вы разберётесь в речи молодого человека.

«Господи, заberi меня... Заberi меня вместо неё. Прости меня, Господи... Не нужен мне больше твой дар. Не нужен дар... Одарил бы любящим меня и любимым мною учителем, а не ненавидящим... Учительница моя первая, что я тебе такого сделал, почему не влюбила меня с первого же дня... Я умел любить, а ты вынудила меня ненавидеть... Почему ты наполнила меня ненавистью к тебе...»

Мысль «философа»:

«Небеса Востока озаряют наш разум колоколами:

Где солнечное слово,

Которым встречу Светило?

Что достойно?

*Я кричу, Я утверждаю —
ЛЮБОВЬ.*

Но вот слово и чувство, которое следует безжалостно вырвать со всеми корнями из всех речей человеческих и из сердца каждого человека и сжечь в неугасимом огне — ненависти.

В ненависти гнездятся злоба и зависть, вражда и коварство, ложь и предательство.

Учитель со словами и чувствами ненависти — это человек с чумой среди детей.

Люди!

Спасайте детей от таких „учителей“!»

— И чтобы понять весь смысл этих слов, обратите внимание на то, как он рыдает. В нем прорывается горе прошлого. Лицо его, рыдания, слова, страдания — это все глубокая искренность и правда.

Вы просите повторить запись?

Хорошо, смотрите...

— Минуточку... Так не пойдёт... Вы хотите, чтобы мы проявили сострадание к человеку, который, видите ли, убил свою первую... вы это понимаете, первую учительницу, и не хотите, чтобы мы проявили сострадание к самой учительнице, которая была нашей коллегой? Шутка ли, она в нашем коллективе проработала двадцать пять лет, двадцать пять! Я вас просто не понимаю...

— Хочу добавить: вы говорите о факте, но пока ни слова не промолвили о нашей милой коллеге, которая лежит на асфальте. Почему о ней ничего не хотите сказать?

— То, что вы назвали бормотанием... простите меня, это не бормотание, а бред сумасшедшего. И тот, кто первым назвал его Никчемным, был провидцем.

— Я не поняла, он бормотал о каком-то своём даре. Он действительно был чем-то одарён? Кто-нибудь знал об этом? Наталья Георгиевна, может быть, вы помните? Вы же ходячая история нашей школы!

— Оставьте историю нашей школы, ей сейчас нехорошо.

— Может быть, вы знаете, о каком даре идёт речь? Скажите!

— Да, знаю, я это выяснял специально.

Его глаза, его руки видят сквозь плотные предметы, видят внутренние органы человека, и он может ставить точные диагнозы, он читает закрытый текст, читает мысли человека,

может влиять своей мыслью на предметы, перемещать их, он видит мельчайшие частицы в увеличенном виде и описывает их. Такой дар проявлялся и проявляется у многих, но у него эти способности развиты наиболее сильно. Последние четыре года его способности исследовались в космическом центре, там же он работал консультантом в медицинской поликлинике. Я знакомился с отзывами о нём: в этих кругах он известен как добрейший молодой человек, готовый служить во благо. Там его любят и уважают.

– ***Он проявлял эти способности с детства?***

– Видимо, да.

Он читал наши мысли и знал нас, но никому об этом не говорил, но доверял нам. Кстати, у него есть записи школьных лет, нечто вроде дневников, в которых он размышляет о своих учителях, об их мыслях и чувствах. Многие из тех, кто его учил, могут найти себя в них. Таким он был, а мы называли его Никчемным.

– ***А вы знаете, я лишь год работаю в школе, и у меня есть ученик, он недавно доверил мне свою тайну: оказывается, он может...***

– Подождите, юная коллега, если он доверил вам тайну, зачем её разглашать? Пусть сердце подскажет вам, как его любить с его даром и беречь.

– ***Спасибо!***

– Я вам говорил о студентке-журналистке.

Она положила мобильник прямо на асфальт, достала фотоаппарат и начала снимать то лицо лежавшей на асфальте женщины, то лицо молодого человека и окружающих их людей. Она всё внимательнее приглядывалась к молодому человеку, и вдруг воскликнула:

– Ник, это ты?! Это ты, Ник?! Да, да, ты – Ник!

И, переведя взгляд на лицо женщины, опять воскликнула, но уже с ужасом:

– Господи, это ведь наша учительница!

Крики девушки потрясли людей, стоявших вокруг, ибо сама девушка была потрясена до глубины своего существа. Она бросила на асфальт фотоаппарат, схватила ладонями лицо молодого человека и повернула его к себе.

– Ник, что с тобой? Посмотри на меня, ты меня не вспоминаешь? Что тут произошло, Ник? Ник, хороший мой, что с этой учительницей?

Она гладила его по голове, успокаивала, наконец заплакала вместе с ним. Потом посмотрела на женщину, голову которой держал в руках молодой человек, и с грустью и негодованием

произнесла:

– Случилось то, что должно было случиться...

Трудно объяснить, что двигало действиями продавщицы продовольственного магазина, но она взяла с асфальта фотоаппарат и начала фотографировать. Сделала несколько общих снимков, потом направила объектив на мальчика, который пока ещё был там и сидел на корточках рядом с телом женщины. Мальчику не понравилось, что его снимают, и как только послышался вой сирены полицейской машины, он выхватил из рук продавщицы фотоаппарат и скрылся. Но люди, озабоченные зрелищем, даже не заметили эту мелочь, а продавщица только и сделала, что ахнула. Она взяла с асфальта мобильник, положила девушке в руки и шепнула, что фотоаппарат похитил какой-то мальчик.

– Вот видите, мальчик всё-таки имеет склонность к похищению чужих вещей.

– Вы хотите сказать, что эта девушка из нашей школы? Она бывшая наша ученица?

– Да, это так, но не совсем.

Она была принята вместе с Ник... то есть Николаем, – это настоящее имя молодого человека, – в первый класс Марии Васильевны. Учительница её тоже возненавидела – у девочки была дисграфия, и она не могла выводить нормальные буквы. «Я её придушу двойками», – сказала она матери девочки. Мама же, умная женщина, спустя три месяца перевела дочку в другую школу. Через несколько лет она вновь вернулась в нашу школу, в восьмой класс. Но учитель литературы восстал против свободно мыслящей девушки, которая, будучи начитанной, находила иные анализы литературных произведений. А учитель требовал подчиняться штампам. Возник конфликт, и девушка вскоре вновь перешла в другую школу. Она недавно написала большую статью о своих учителях в студенческой газете. В ней она упоминала нескольких учителей из нашей школы тоже.

– Как её фамилия, как её зовут?

– Она весь год училась у нас. Вы не помните её?

Она провела своё расследование случившегося, а на днях в одной газете будет опубликована большая статья с фотографиями.

– Это как, фотоаппарат же похитил мальчик!

– Фотоаппарат вернулся в тот же день: мальчик нашёл журналистку на улице, сказал: «Это ваш, берите!» – и исчез. Так что надо снять с мальчика обвинение в похищении.

– Господи, что за наваждение?! Значит, девочка, имя которой не помню, была моей ученицей? Она из-за меня ушла

из школы?! Что же другое мне надо было делать, я же занимаюсь образовательными стандартами, будь они прокляты, а не подготовкой талантливых журналистов...

– Позволю поправить вас, уважаемый коллега, все мы должны заниматься воспитанием человека, а стандарты – потом.

Позвольте мне завершить описание факта.

На остановке находилась ещё одна пожилая женщина. Она тоже подошла к месту происшествия, но без спешки. Увидела лежавшую на асфальте женщину. Деловито нагнулась и пощупала пульс, заглянула в зрачки.

– Я знаю её, – сказала она с грустью, и заключила, – она мертва.

Женщина эта оказалась врачом. Позже я встретился с ней, и она объяснила мне следующее. Четыре года тому назад она привела в нашу школу своего первого внука. Заранее навела справки, расспросила родителей: в класс какой учительницы лучше определить внука.

– Только не в класс Марии Васильевны! – сказали они.

– Вы довольны учительницей вашего внука? – спросил я.

– Во всяком случае, – сказала она, – так было лучше.

А в прошлом году она привела уже второго внука и, как она сказала, рискнула посадить его в классе начинающей учительницы, которая пришла к нам прямо со студенческой скамьи.

– Лишь бы не в класс опять-таки Марии Васильевны, – сказала она.

– А теперь как? – спросил я.

– Прекрасный, талантливый учитель. Она любит детей, мой внук тоже обожает её. У неё с детьми какой-то другой подход...

– *Не гуманная ли педагогика? Опять...*

– *А нас авторитетами называют...*

– *Кому не нравится моя авторитарная педагогика, пусть уходит из моего класса...*

– *Это о вас сказали, вы же начинающий учитель с особым подходом к детям?*

– *Оставьте меня... Я просто люблю детей...*

– *По-вашему, я просто не люблю детей? Детей просто любят все. Причём любовь к детям и гуманная педагогика!.. Вот придут к вам никчемные, тупые, глупые, недоразвитые, увижу тогда, как вы их будете любить.*

– *Я не знаю, что вам ответить, мне жалко вас...*

– Там был ещё один пожилой человек с собакой. Я уже упомянул его. Он выгуливал собаку и возвращался обратно. Когда девушка-журналистка спросила его: «Что вы скажете?» – он ещё

не знал о происшедшем. Но, увидев женщину на асфальте, испугался.

«Не может быть! – воскликнул он. Нагнулся, внимательно рассмотрел лицо. – Маша, что с тобой? Ты жива, Маша?» – прошептал он дрожащим голосом... и зарыдал.

Девушка-журналистка опять пристала к нему. «Вы ее знали? Что вы о ней скажете?» – и включила видеозапись.

Но он рыдал и сам задавал вопрос той, кто на асфальте:

«Родилась, чтобы умереть, да? Что от тебя осталось, Маша? Пятно темное... Мне жаль тебя, Маша. Родиться, чтобы умереть... Какую ты прожила никчемную жизнь, Маша».

Он осторожно закрыл веки женщине, отошёл в сторону, стал лицом к стене и продолжил тихо плакать. Но потом на вопрос следователей «Кто знает эту женщину?» он не отозвался, и в свидетели его не записали. Он и не был свидетелем самого факта произошедшего.

Возмущение «философа»:

«Какой абсурд и бессмыслица – родиться, чтобы умереть!

И каким будет человек, который превращает свою Жизнь в медленный процесс умирания, даже и не думая, что с ним такое происходит?

Он будет злым и ненавистником, и жизнь его будет опасна для всех, кто будет вынужден соприкоснуться с ним.

На что будет похожа жизнь учителя, который вместо отборных зерн добра сеет зерна зла в душах учеников?

Она будет похожа на процессию медленных похорон, которые сам умирающий устраивает себе, но думает, что занимается образованием тех, кто сопровождает его разлагающийся дух. А у сопровождающих нет никакого сострадания к тому, кого сопровождают, и они с радостью разбежались бы от него, если бы их не принуждал закон обязательности.

Сказал высокий мыслитель: „Жизнь сама по себе – ни благо, ни зло: она вместилище и блага, и зла, смотря во что ты сам превратил ее“.

Мы рождаемся не для медленного умирания, а для того, чтобы отнять у смерти частицу бессмертия.

Отнять – значит увлеченно, упорно, преданно, с чувством долга устремиться к творению любви, добра и искренности. Для учителя это значит вложить в учеников красоту и могущество своего великодушия и направить

их также возвышать других красотой и могуществом своего великодушия.

Личная Жизнь – это непрерывная личная беседа каждого из нас с Богом о самой Жизни, а не о рождении и смерти. Нам нет дела до нашего рождения и смерти, ибо хозяин рождения и смерти есть Бог. Наша же забота – о Жизни, о смысле Жизни, ибо Он сделал нас хозяевами собственной Жизни.

Родиться, чтобы умирать, – лучше не родиться.

Но раз родились – надо умирать героем духа, и только!»

– А кем он мог быть, вы потом не узнавали?

– У неё не было семьи, не было никого...

– Откуда вы знаете? Она вообще была очень замкнутая женщина, никогда о своей судьбе ни с кем ничего не говорила.

– Может быть, у неё был муж...

– Вряд ли...

– Почему он не сказал следователям, что знает её?

– Тут что-то не так...

– Вы бы не могли сказать, кем был этот человек с собакой?

– Скажу об этом чуть позже.

Приехала полиция.

Молодого человека подняли на ноги, привели в чувства. Он назвал себя Николаем. Сказал, что Мария Васильевна была его учительницей в начальных классах. Увидел её здесь несколько минут тому назад, совсем не желая встречи с ней. Он спешил в аптеку за лекарством для своего больного годовалого сына.

– И что между вами произошло? – спросил следователь.

– Я ударил её по лицу, ударил со всей силой, и она упала...

– Зачем вы это сделали?

Николай ответил:

– Не я сделал это!

Следователь удивился:

– Как это? Вы же только что сказали, что со всей силой ударили её по лицу.

– Я, но не я...

– А кто же?

– Это моё детство расплатилось с ней. Я ей давно всё простил, но моё детство не простило...

Следователь не понял такого объяснения и сказал, что с ним разберутся в отделении. На него надели наручники и посадили в полицейскую машину.

Засняли все нужные для расследования кадры.

Мелом нарисовали кривую вокруг лежащей на асфальте женщины...

– Простите, что прерываю вас. Зачем вы всё время говорите «лежащая на асфальте женщина»? Вы что, не знаете её имени и отчества? Уважайте, пожалуйста, нашу коллегу!

– Спасибо, так и буду делать.

Мария Васильевна лежала на асфальте на правом боку. Руки были раскинуты, шляпа упала с головы и лежала рядом, глаза закрыты, рот открыт, как будто продолжает говорить, правая нога выпрямлена, левая согнута. Никаких следов крови на лице и на асфальте не было обнаружено. Сумку она держала в левой руке, целлофановый пакет с книгами валялся рядом.

Следователь начал расспрашивать свидетелей, стараясь восстановить всё по порядку и в деталях. Он даже зарисовал схему: кто на каком месте стоял перед тем, как всё это случилось.

Сперва дали показания продавщица и кассирша. Они рассказали о том, что видели, но не могли сказать, о чём кто и с кем говорил.

«Где мальчик?» – спросил следователь у всех свидетелей.

Некоторые сказали, что видели мальчика, но как он исчез, никто не заметил. Продавщица, думаю, с умыслом не упомянула о том, что мальчик выхватил у неё фотоаппарат девушки-журналистки.

Но на главный вопрос – как случилось, что женщина в шляпе, то есть, Мария Васильевна, оказалась на асфальте, – продавщица и кассирша ничего не смогли ответить.

Вы все уверены, и в газетах тоже так писали, что молодой человек ударил по лицу свою первую учительницу, она неудачно упала на асфальт и скончалась на месте.

Но все присутствующие упорно повторяли одно и то же: мы не заметили, как это произошло.

«Как это так, – недоумевал следователь, – столько свидетелей вокруг, и никто не видел, как этот молодой человек поднимает руку и ударяет женщину по лицу?!»

Но продавщица, которая видела всё, не смогла подтвердить, размахнулся ли молодой человек или нет. Она сама удивлялась: молодой человек был в гневе и отчаянии, а женщина в шляпе вдруг оказалась на асфальте.

«Она что, сама, что ли, легла на асфальт?» – возмущался следователь, но свидетели пожимали плечами.

Потом допросили девушку-журналистку. Она не могла ничего видеть, ибо стояла в стороне и была занята своим делом, но могла услышать звук от удара кулаком в лицо. «Нет, – говорила

она, – шума от удара не слышала». Но услышала гневные женские слова. Девушка сама напросилась выступить свидетелем в суде. «Я, – сказала она, – знаю этого молодого человека, знаю и женщину, они бывшие учитель и ученик». Обещала передать следователю видеозапись (кстати, он тут же переписал её в компьютер). Девушка тоже ничего не сказала о пропавшем фотоаппарате, думаю, просто забыла о нём.

Пожилая женщина-врач подтвердила, что проверила пульс и глаза и убедилась, что она, Мария Васильевна, мертва. «Да, – сказала она, – не раз видела эту женщину в той школе, где учатся её внуки, она там учительница младших классов».

Наконец, следователь обратился к старику с палкой и портфелем в руках.

– Где вы живёте? – спросил следователь.

– Нигде, – ответил тот.

– Бомжуете?

– Нет, зачем? – ответил старик, – У меня просто нет дома, потому нахожусь там, где дозволено.

– Кто вы? – спросил следователь.

– Учитель. Но сейчас не работаю.

– Значит, бывший учитель? – уточнил следователь.

– Почему бывший? Я всегда учитель! – ответил старик.

И когда следователь спросил, в какой школе он работал, знаете, что он ответил?

– *Неужели в нашей школе?*

– Да, именно!

– *Мистика какая-то... Кто же он?*

– Вы должны помнить его. В нашей школе он проработал 15 лет. Вам он не понравился в силу своих особых взглядов на воспитание и обучение, в силу своих стараний вводить идеи...

– *Опять гуманной педагогики, что ли?*

– Да, он был сторонником гуманной педагогики.

– *Так и знал...*

– *Я знаю, о ком вы говорите. Его уволило начальство...*

– Но вы же не защитили его? Вы же знали, по какой причине его увольняли, но не только не высказали протест против произвола властей, но даже были рады; вы победили и, говоря прямо, да, именно выгнали его...

– Что у вас в портфеле? – заинтересовался следователь; портфель был кожаный, мужской, для книг и бумаг.

Старик открыл портфель...

– *Почему называете его стариком, он, как я помню, мужчина в летах...*

Вы это узнаете позже.

Он открыл портфель и показал:

– Рукописи.

– Вы писатель? – спросил следователь.

А он ответил:

– Я – мечтатель.

– И о чём мечтаете? – проявил излишнее любопытство следователь.

– О том, как сделать жизнь детей и учителей в школе счастливой...

– Ну хорошо, – сказал следователь, – вы знаете эту женщину?

– Я работал в той же школе, что и она. Я и этого парня знаю.

– Маленького мальчика видели?

– Да, – ответил он, – хороший мальчик.

– Где он сейчас?

– Я вам не скажу!

Ответ следователь понял как «Я не знаю», но сам же старик имел в виду совсем другое: «Я знаю, но вам не скажу».

Следователь перешёл к главному вопросу:

– Вы видели, как молодой человек ударил женщину по лицу, и как она упала на асфальт?

Он ответил:

– Мы с маленьким мальчиком стояли в трёх шагах от них, видели и слышали, какой между ними состоялся разговор, но молодой человек не ударял женщину, мы даже не заметили, как она улеглась на асфальте. И шума от удара в лицо не было.

– Вы что, глухой или слепой? – съязвил следователь. – Стояли в трёх шагах от них, смотрели на них и не заметили мощного удара в лицо, не услышали шума от удара и не видели, как женщина упала?!

– Зачем? Я вас хорошо слышу и вижу и всё прекрасно помню, дословно помню их разговор...

– А удара не видели и шума не услышали?

– Нет, – ответил старик, – нет, потому что их не было.

– А что было?

И он рассказал:

– Молодой человек, чем-то сильно озабоченный, подошёл к витрине, в это время я уронил палку. Он быстро поднял её и протянул мне. Рядом со мной стояла эта дама и разглядывала витрину. На шум она обернулась, и их глаза встретились. И я увидел, как напрягся и испугался молодой человек. Он в страхе застыл на месте, но вскоре пришёл в себя и собрался было отдалиться или совсем уйти. Она же насмешливо прищурила глаза и сказала злобно и брезгливо: «Это ты, Никчёмный? Повзрослел, Никчёмный? Небось, остался таким же жалким и

тупым, каким был? Или жизнь наконец научила тебя быть хотя бы слугой?» Молодой человек напрягся ещё больше, но не промолвил ни слова, обернулся и собрался было отстраниться от неё или уйти. Он, видно было, спешил куда-то и нервничал, что автобус запаздывает. Но её издевательство заставило его обернуться. Она раздражённым тоном грубила ему: «Как дар твой, Никчёмный, или Бог отнял его у тебя?» Вот тогда всё и произошло.

– Что «всё»? – переспросил следователь.

– Всё, что произошло и чего никто не видел...

– То есть он сильно ударил её по лицу, и она упала на асфальт, так?

– Нет, я этого не говорил, потому что этого не было, – твёрдо сказал старик, – без всякого удара женщина как будто сама легла на асфальт, – хотя и этого я не видел, – и покинула наш бранный мир.

– Он же сам говорит, что со всей силой ударил её...

– Не ударял он, и руки не поднимал...

– Чушь какая-то... Вы понимаете, что несёте ответственность за ложные показания?

– Конечно.

– Тогда ещё раз спрашиваю... предупреждаю... – сказал следователь с угрозой, – где были ваши глаза, где были ваши уши? Вы стоите в трёх шагах, тот ударяет женщину по лицу...

Старичок оборвал следователя:

– Где мои глаза и где мои уши, надеюсь, сами видите. Что мне делать, если вы не понимаете? Да, он, может быть, ударил её по лицу со всей силы, но он мог свершить это в душе, в своём воображении. Там, я уверен, он и раньше, будучи учеником, тысячу раз колотил её... Но здесь, внешне, он и пальцем не шевельнул, руку не поднял. Потому шума от удара не было, хотя женщина оказалась на асфальте вот в таком виде и ушла из жизни. Вот правда, если она вам вообще нужна.

Следователь оказался хамом и грубияном.

– Вас психиатры ещё не исследовали? – спросил он злобно, с издевкой.

Старик с грустью взглянул на следователя, как на действительно тяжёлого больного, и собрался уходить.

Следователь не почувствовал никаких угрызений совести и сказал бы старику нечто ещё более грубое, но в это время подъехала машина скорой помощи.

Врач медицинской экспертизы засвидетельствовал смерть Марии Васильевны, составил акт об ударе в лицо. Записал в протоколе, что не обнаружено никаких следов крови и что смерть

наступила мгновенно.

Когда эксперт заканчивал обследование, старик сказал ему:

– Можно вам что-то предложить?

– Вы кто, врач? – спросил тот.

– Я учитель.

– И что вы хотите мне предложить? – поинтересовался он настороженно.

– После того, как молодой человек со всей силы ударил женщину по лицу, стало быть, на лице женщины и на руке молодого человека должны были остаться следы.

– Это так, – подтвердил эксперт.

– Но на левой щеке у женщины нет никаких следов, разве не так?

Эксперт нагнулся и внимательно изучил щеку Марии Васильевны.

– Странно, – сказал он, – может, он левша и ударил по правой щеке?

Он осторожно повернул голову Марии Васильевны, но и там не нашёл следов.

– Странно, – повторил он и сделал несколько снимков.

Потом обследовал руки молодого человека, но на них тоже не было никаких следов.

– Надо переписать протокол, – сказал он.

А старик тем временем посоветовал и другое:

– Вот видите, если женщина упала на асфальт в результате сильного удара в лицо, во-первых, она должна была быть отброшена от того места, где она вначале стояла. Я прав?

– Вы правы, – подтвердил врач-эксперт.

– Во-вторых, – продолжал старик, – на той части тела, которой она, конечно же, рухнула, должны быть следы.

Тот принял и этот совет и даже с каким-то любопытством начал изучать те места на теле Марии Васильевны, которыми она могла удариться об асфальт. Для этого пришлось вырезать куски ткани на платье.

– Странно... странно... но никаких следов, она будто сама в постель легла, – и поблагодарил старика.

За всем этим наблюдал следователь и ухмылялся. У него уже был протокол чистосердечного признания задержанного. Для него дело было уже закрыто.

Тело Марии Васильевны уложили на носилки и закатали в кузов машины скорой помощи.

Полицейские тоже уехали, забрав с собой виновного.

Собравшиеся медленно расходились.

Старик с палкой и портфелем в руках побрёл по тротуару.

Пожилой человек с собакой всё время стоял лицом к стене продовольственного магазина и тихо плакал. Но теперь вытер слёзы и посмотрел вслед идущему старику.

– Эй, учитель! – крикнул он ему.

Тот обернулся.

– Пойдём со мной, поживёшь у меня... Мечтай и пиши, никто тебе мешать не будет!

Старик молча согласился.

– Только подожди минуточку.

Он оставил собаку на улице и зашёл в продовольственный магазин.

– Три бутылки пива – мне, моему гостю и собаке, – сказал он продавщице.

Она улыбнулась и уложила бутылки в пакет.

Учитель ждал.

– Знакомься, Сократ, – сказал пожилой человек собаке, – он наш друг, он – У-чи-тель! Пошли.

Закон причин и следствий торжествовал...

Уважаемые коллеги!

До этого я рассказывал вам о внешних обстоятельствах произошедшей трагедии и изредка задевал её глубинные причины. И о самой Марии Васильевне я практически ничего не говорил. Мы, конечно, жалеем, что всё так случилось, отдадим должное её памяти, потребуем, чтобы справедливость одержала верх.

Но что же дальше будет?

Какой будет в дальнейшем наша педагогическая жизнь: такой же, какова она сейчас, или всё-таки изменимся сами и изменим наши отношения к своим ученикам?

– *Чем вам не нравятся наши отношения к ученикам?*

– *Учим по полной программе. Кто хочет, пусть научится; не хочет, пусть пеняет на себя. Наша ли вина, что все они такие распушенные, безалаберные, падкие на удовольствия, рабы компьютеров...*

Нам нужно спасти поколение детей, помочь им... Это поколение новое, оно...

– *Теперь начнете, что это дети индиго, дети света, дети с миссией... Знаете что, это все вранье. Дети как дети, они хуже, чем было 20–30 лет тому назад... С чем они пришли – это их гиперактивность и неуправляемость, умственная недостаточность...*

– *А вы еще говорите – помочь, спасти... Легко такое говорить. А если они не приемлют нашу помощь, не поддаются воспитанию, что тогда? Я понимаю, к чему вы клоните, опять*

будете говорить о любви к детям. Мы очень даже любим своих учеников и желаем им счастливого будущего. Но кто-то ведь должен внушить им, чтобы они тоже полюбили своих учителей, а не ненавидели их, обманывали и хитрили, срывали уроки, вели себя по-хамски... Родителям плевать на воспитание своих детей, государство всячески унижает учителей...

Размышления «философа»:

«Учитель!

Для кого создана планета Земля и все, что есть на этой планете?

Для Человека – в это надо поверить, и тогда твое сознание расширится!

Смотри, как красиво поет о величии Человека Омар Хайям:

Мы – цель и высшая вершина всей Вселенной,
Мы – наилучшая краса юдоли бренной;
Коль мирозданья круг есть некое кольцо,
В нем, без сомнения, мы – камень драгоценный!

Учитель!

Для чего рождаются дети?

Чтобы ты со своими „технологиями“ и „образовательными стандартами“ приковывал их как прометеев к Кавказским горам?

Дети – носители Нового Бытия, они принесли его с собой, и записано оно в них иероглифами Небес, а код их расшифровки заключен в тайниках сердца. Не дай им забыть об этом коде, ибо видишь, во что превращается жизнь: волки гонятся за овцами, овцы блеют от страха! Помоги каждому, учителем которого ты называешься, применить код, чтобы узнать свой истинный путь и приступить к служению строительства Нового Бытия.

Учитель!

Дай крылья своему воображению!

Вообрази, что именно тебя искали ученики и нашли, нашли в тебе своего учителя!

Если даже нет детей индиго, нет детей света, детей звездных, детей с космическим сознанием, вообрази, что они есть и вот они – твои ученики!

Вообрази и вдохновись, чтобы самому уподобляться Учителю Света, Учителю Индиго, Учителю с

Космическим Сознанием!

С таким воображением поспеши к ученикам и твори свои таинства, и перед тобой откроется Новый Педагогический Мир, который станет источником одухотворенной и радостной жизни!

Забудь, Учитель!

Нет плохих детей, это от плохого зрения кажется так. Все дети – Божьи Творения, прекрасные, талантливые, нравственно чистые, духом устремленные и всемогущие!

Учитель, пойми!

Не в банкирах, не в богатых, не в президентах, не в полицейских, не в судьях, не в армиях, а в тебе вся надежда спасения мира!»

– Я принимаю во внимание вашу боль, попытаемся совместными усилиями найти выход из положения. Точнее, не выход из тупика, а путь к храму.

До того как я расскажу вам о Марии Васильевне, было бы полезно вспомнить несколько событий из нашей общей жизни. Они принесут нам пользу, если будем искать не ложные оправдания, а станем извлекать уроки. Я попытаюсь предложить вам психологические картины этих событий, которые в своё время потрясли нас, но мы дальше не пошли.

Вот одно из этих событий, произошло оно девять лет тому назад.

Был в третьем классе мальчик Ваня: красивый, весёлый, неугомонный, острый на язык, говорил прямо, что думал. Учительнице не нравилось его поведение, и она часто требовала от него, чтобы он прекратил балагурить, грубить, спорить с ней. Не раз она наказывала мальчика: то занижала отметки, то ставила в угол, не брала его на экскурсии в музей или за город, не брала в театры на коллективные просмотры спектаклей.

Возмущение «философа»:

«Да, учитель имеет власть!

Но как опасен учитель, который любит властвовать!

А дети любят свободу.

Как же учителю подчинить их своей воле?

Требованиями, угрозами и наказаниями!

Но решает ли наказание проблему воспитания?

Для властолюбивого учителя это не важно. Для него важно не воспитание, а формальная дисциплина: пусть ученики знают, кто в доме хозяин, вот что важно!

Вряд ли примет он мудрость Николая Ивановича

Пирогова: „Сделайте так, чтобы наказание за проступок было не вне, а внутри виновного, – и вы дойдете до идеала нравственного воспитания“».

– Часто вызывала родителей, обычно приходила мама. Призывала её привести в порядок ребёнка, серьёзно заняться его воспитанием, пугала будущим. Мама была молодой. Мальчик был первенцем. В разговоре с ней учительница узнала, что мальчик боится отца, что тот человек неуравновешенный, грубый и вообще отношения у неё с мужем неустойчивые. Мама искала поддержки, добрых советов и помощи в учительнице. Для неё же высшими педагогическими принципами были строгая дисциплина, послушание, выполнение заданного. Она занималась не воспитанием этих качеств, а требовала, чтобы дети уже проявляли их.

Однажды на уроке Ваня заявил, что ему хочется задать учительнице несколько откровенных вопросов. Учительница сперва растерялась, в её практике такого ещё не бывало, но разрешила. Между учителем и учеником состоялся следующий «диалог».

Ваня: Вы не ошиблись в выборе профессии учителя?

Учительница: Какое тебе до этого дело!

Ваня: Как какое! Вы же должны нас учить и воспитывать?

Учительница: А чем я с вами и лично с тобой занимаюсь?

Ваня: Вы же не любите нас! Вот меня не любите, и Васю, и Колю, и Настю не любите! Вам хорошо будет, если мы уйдём от вас, уйдём в другую школу?

Учительница: Если такой ученик, дерзкий и невоспитуемый, покинет мой класс, то нам всем от этого будет хорошо!

Ваня (обращается к одноклассникам): Вы правда хотите, чтобы я ушёл от вас?

Дети ответили не Ване, а обратились к учительнице с просьбой не выгонять его из класса.

Как же учительница поступает дальше?

Она пишет отцу Вани письмо, в котором требует забрать мальчика из школы, ибо он со своим необузданным нравом портит всех детей. Кладёт письмо в конверт, заклеивает и велит другому ребёнку, который живёт по соседству с Ваней, передать письмо отцу мальчика. Потом идёт к директору и ставит перед ним вопрос ребром: или я, или он.

В конце концов родители забрали Ваню, но этот их конфликт со школой спровоцировал развал семьи. Ваня собирался утопиться в пруду, его спасли. Потом вешался, но успели вынуть из петли. Он вырос без отца и очень страдал. Теперь он студент

экономического факультета, говорят, талантлив. Зайдите в интернет на его блог. Там он пишет откровенно о своей судьбе и о первой учительнице тоже. Пишет без злобы, с чувством прощения.

– Это вы о моём бывшем ученике?

– Да, уважаемая Ольга Сергеевна!

Я рассказал о нём не потому, чтобы осудить вас, а для того, чтобы нам всем сделать выводы для себя.

Мы иногда объявляем борьбу нашему ученику за наши личные права и достигаем победы. Но, по сути, эти же самые победы есть наши педагогические поражения.

Порой нам будет невозможно возвыситься до духовно-нравственных вершин наших же бывших учеников, они так опередят нас. Но почему не демонстрировать им наши духовно-нравственные вершины хотя бы в течение того периода, когда они ещё воспитываются нами и ещё не превзошли нас?

– Пожалуйста, дайте мне слово! Спасибо вам, что вспомнили эту историю. Это я – первая учительница Ванечки. Да, я была тогда властной. Детей я ценила только по двум признакам: как они осваивали у меня знания, умения и навыки и как они слушались меня. Но Ванечка, инакомыслящий и свободолюбивый мальчик, не укладывался в мою педагогику. Вот я и избавилась от него... А потом, спустя год, моя коллега из другой школы уговорила меня поучаствовать в Москве в Международных Педагогических Чтениях. Тема Чтений для меня была странной, но она задевала моё самолюбие. Тема звучала так: «Почему не прожить нам жизнь героями Духа?» На Чтениях было много народу, я увидела там других, не таких, как я, учителей, и слушала непривычные для моего сознания речи об учителе... Я была потрясена. С тех пор я другая учитель, с другими мыслями и другой практикой. Я потом написала письмо Ванечке и просила прощения. И вы знаете, он простил меня. Он иногда ко мне в гости приходит. О-о-о...

– А теперь заплакали вы, Ольга Сергеевна. Это уж никуда не годится. Нельзя ли без слез, сделались новым учителем – ну и слава богу, причём тут слёзы?

– Как вы не понимаете... Как не можете понять, что те десятилетия, когда я могла нести детям радость и не сделала этого, я переживаю до сих пор. У вас есть чувство вины? Вы знаете, что это такое? Мне жалко всех, кто тоже может любить и радовать детей, сам радоваться своей учительской жизни и не делает этого... Вот к чему мои слёзы... Спасибо вам, Сергей Артурович, за правду...

– *Хорошо, садитесь... успокойтесь... Хотите валерьянки?*

– *Обойдусь без валерьянки...*

– А теперь об одной трагической истории, из которой в своё время мы все могли бы извлечь полезные уроки, но этого не сделали. А если занялись бы этим тогда, может быть, участь Марии Васильевны обошла бы её стороной.

История эта восьмилетней давности, и разыгралась она в восьмом классе.

Учитель литературы проводил последний урок этого дня. Урок как урок, как штампованные оловянные солдатики: проверка, выставление отметок, объяснение нового материала, задание на дом.

Учитель – строгий защитник правил традиционной дидактики – выступал против новаторства.

Разрешите мне говорить более открыто.

Учитель не занимался воспитанием своих учеников, воспитанием в них мировоззренческих начал, смысла жизни, упорядочиванием и расширением духовного мира каждого. Он не считал это своим делом, он верил, что его задача – дать ученикам знание текста и привить им установленную схему его анализа.

Поиск смысла жизни на его уроках не выходил за грани запугивания учеников сдачей Единого государственного экзамена.

На том последнем уроке, после очередного напоминания о пресловутых ЕГЭ, ему возразил Андрей; он заявил, что тот, кто придумал ЕГЭ, «не любит нас, школьников».

Это стало поводом для несдержанного учительского гнева, который проявился в самых грубых высказываниях. Тем самым был дан импульс рождению того самого рокового мгновения, которое учитель выращивал давно, хотя об этом, может быть, и не думал.

Учитель набросился на мальчика: «Какой ты идиот, да ещё воображаешь себя поэтом! Чем ты думаешь, когда стихосложением занимаешься? Вот мой совет: тебе лучше бросить любовную писанину и готовиться к сдаче ЕГЭ, понял, кретин?»

Мальчик был ошарашен.

Он действительно писал стихи, притом хорошие. Спустя год они были изданы в виде книги, каждый из вас получил в подарок этот чудесный сборник. Будет время, перечитайте, и вы поймёте, какой поэтический талант потерял, может быть, мир.

Учитель, конечно, знал о поэтическом даре мальчика, но этим он не интересовался.

Мальчик был чутким, эмоциональным, гордым, но беззащитно уязвимым. Видимо, действовали и другие причины.

Он был влюблён в одноклассницу. Мы обо всех обстоятельствах уже не узнаем.

Дальше всё свершилось в течение одной, даже меньше, минуты. Это действительно было мгновение.

Он, взглянув учителю в глаза, сказал весьма сдержанно:

– Вас хорошим манерам не учили?

Учитель остолбенел.

– Ты, что ли, собираешься меня учить? – процедил он с издёвкой.

– Я сам бы хотел научиться, но не от таких, как вы. Хотя проучить вас могу! – ответил Андрей.

Учитель пришёл в ярость.

– Ах ты, недоумок... недоношенный... – закричал он.

А в это время мальчик уже подошёл к окну и открыл его.

– Закрой сейчас же окно, идиот! – заорал учитель.

Андрей осторожно отодвинул цветы и прыгнул на подоконник.

– Ненормальный...

Мальчик ещё раз взглянул на учителя и с грустью произнёс:

– Вы трус, скоро будете отрицать свои же слова. Но мой урок, может быть, окажется сильнее всех ваших уроков.

Кто-то из товарищей почувствовал, что могло произойти, и кинулся к окну. Но Андрей успел добродушно улыбнуться всем и с возгласом: «Ребята, я вас люблю» – выбросился с пятого этажа...

Что было дальше?

Как обычно: началось расследование, свершилось мнимое правосудие...

– *Слушайте, ведь это он о вас, если я не ошибаюсь?*

– *Нет, не обо мне, обо всех нас...*

– Дело это, как вы знаете, стало нашумевшим. Я не к тому, чтобы заново его расследовать, а к тому, чтобы спросить вас: почему весь коллектив был тогда потрясён только трагической гибелью мальчика, а не тем даром, который он нам всем преподнёс – уроком, чтобы мы осознали своё блуждание в образовании? Наш ученик хотел проучить всех нас, призывая к человечности. Почему мы остались глухими к его зову?

– *Дайте мне сказать... Это я тот учитель литературы. Вы думаете, за эти восемь лет я был на свободе? Я и сейчас заключённый, сам присудил себе пожизненное заключение. Образ этого прекрасного, великодушного мальчика сопровождает меня на каждом шагу, он присутствует на каждом моём уроке, он снится мне... Он оказался более сильным духом, чем я. До его нравственного урока я не смогу подняться. Я остался рабом своих взглядов, а он нуждался в*

свободе, чего запрещала ему моя старая педагогика, моя сталинская философия. Что мне теперь делать? Я уже стар, пытаюсь менять себя, как вы говорите, самосовершенствоваться, но понять новое, освоить его я уже не успею и не в силах. Но чувствую, что это необходимо совершить каждому из вас, чтобы действительно не погубить поколение. Властная педагогика, которая искалечила меня, а через меня учеников моих, ошибка. Исправьте эту ошибку, кто может, а если кто не может или не хочет, пусть поступит так, как я, – это будет честнее: завтра я подам заявление уважаемому директору об освобождении меня от должности.

– Бог с вами, Вадим Данилович, что вы говорите! Хочу обратиться к литератору и учителям так называемого старого поколения: я тоже в возрасте, мы с вами, Вадим Данилович, одноклассники. Но я не подам заявление об уходе, не надо себя бояться. Может быть, нам с вами, дорогие коллеги моего поколения, – кстати, нас не много, – стоит попробовать прожить свои последние учительские годы новаторами и реформаторами! Уважаемый директор, прошу вас, направьте меня на курсы повышения квалификации по гуманной педагогике.

– С ума сойти! Какие кипят страсти...

– Могу продолжить?

И ещё об одном тревожном событии. Произошло оно три года тому назад в девятом классе и имело широкую огласку, хотя мы, – и не только мы, – изрядно постарались замять его. Класс этот тогда прославил всю школу на всю страну: пять девочек из класса участвовали в соревнованиях юных программистов, стали наконец победителями международного конкурса в Китае и вернулись с медалями, грамотами и денежными премиями. Их принимал министр образования страны. Школа прославилась. Директору и учителю информатики, он же руководитель класса, объявили благодарность, школе подарили новейшую, дорогостоящую компьютерную технику. Эти медали и грамоты до сих пор выставлены в холле школы в качестве нашей былой славы и гордости.

Воодушевившись успехами, учитель со своей девичьей командой начал подготовку к будущим конкурсам и победам. Ему было дано задание никому не уступать первенства.

Тем временем среди учеников класса складывались дурные устремления. Большинство мальчиков и девочек стали курить, некоторые пристрастились к спиртному. Ребята были помешаны на стильных и дорогих мобильных телефонах, девочки изощрялись в косметике и нарядах.

Возник своего рода ночной клуб, где проводились бесконечные попойки и времяпрепровождения. В сообщество учеников вкрались посторонние люди, занятые бизнесом. Сказать, что обо всём этом никто среди нас ничего не знал, было бы неправдой. Но почему-то забота о будущих победах затмевала заботу о нравственной жизни подростков.

Вскоре одну ученицу родители тихонько увели из школы – она забеременела. Дирекция и родители скрыли от нас истинную причину ухода девочки.

– Ой, вспоминаю... Я вела в этом классе английский язык. Девочку, по-моему, звали... как?

– Тоже вспоминаю, её звали Надеждой. Я преподавала им биологию. Увели из класса и всё... Впервые слышу о причине. Что происходит, а?

– Такая она, нынешняя молодёжь, – ей чужды нравы.

– Но руководитель класса, учитель информатики, был погружён в подготовку группы программистов к предстоящим соревнованиям. В отборочных победили, вышли в полуфинал. Все от них ждали новых медалей и славы.

Но в мае месяце, за три дня до отъезда на важные соревнования, произошло страшное событие: эти пять девочек, эти программисты-победители, увезли на машине свою одноклассницу за город, затащили в лес и зверски избили. Сделали это потому, что она не соглашалась участвовать вместе со всеми в их ночных походах по клубам и попойках. Она была не такая, как все, не захотела встречаться с мужчинами-бизнесменами...

– О да, да, это была Катя – красивая, хрупкая, застенчивая, она сейчас студентка первого курса консерватории.

– Программисты-победители и все остальные боялись, что она может выдать их, заодно хотели поучить, как себя вести.

Девочка оказалась в реанимации и полгода находилась в больнице. Она не выдала одноклассников, но следователи сами нашли улики. Скрывать трагическое происшествие и вести о клубной жизни учеников было уже невозможно.

В тот же день об этом узнали журналисты.

Разразился скандал.

Талантливые девочки-программистки, чуть не убившие свою подружку, были лишены права участвовать в конкурсах, их привлекли к суду по обвинению в групповом злостном хулиганстве. Ходят упорные слухи, что дяди из бизнеса, балующие себя клубной жизнью со школьниками, потратили немалые деньги, чтобы замять эту часть криминального дела.

Чувство стыда заставляло девочек и мальчиков, а также их родителей, отказаться от показаний по этому поводу. В этом были заинтересованы и мы: ведь все заговорили бы о том, какая у нас безалаберность в отношении воспитания школьников. В конце концов, всё закончилось тем, что девочкам-программисткам суд определил три года отбывания срока в детской исправительной колонии. Все остальные вышли из воды сухими. И мы также.

Но разве это могло скрыть нашу педагогическую вину? Однако мы опять не захотели в этом якобы частном случае видеть свою общую несостоятельность. Нам давалась возможность очиститься. Нам нужно было не столько возмущаться зверским поступком наших воспитанниц и сплетничать и шушукать о безнравственной жизни девятиклассников, сколько ужаснуться последствиям нашего собственного бездушия, тем более что каждый из нас знал, как проводили вечера девятиклассники. Мы бы могли три года тому назад проявить волю и избрать иной путь педагогической жизни. Но попытки нескольких учителей-энтузиастов поглощались нашим общим равнодушием.

– *М-да... Это была ужасная история.*

– *Потом учителя информатики отстранили от классного руководства.*

– *И от подготовки программистов.*

– *Девочек, я слышала, недавно досрочно освободили, говорят, бизнесмены-покровители потрудились.*

– *Они у них стали хакерами.*

– Теперь же я возвращаюсь к жизни нашей коллеги Марии Васильевны.

Начнём с вопроса: могла ли она избежать своей трагической участи?

Вы скажете: как она могла избежать того, о чём понятия не имела? Знала бы она, где и когда её ждёт роковая минута, может быть, стоило бы тогда задаться вопросом: смогла бы она миновать её?

Мы бы тогда получили два ответа: или «да, могла», если бы действовала разумом и волею, или «нет», если считать, что мгновение это было роком, предначертанным свыше.

Но я предлагаю подойти к вопросу не с мистической точки зрения. Да, будущее, конечно, существует, но каждая мысль и каждое деяние наше тут же меняют вариант будущего. Будущее есть, но мы можем влиять на него, и если не всё, то многое подвергать нашей воле. С этой позиции я изучил жизнь Марии Васильевны.

Детство её прошло в провинциальном городке, где она и закончила школу. Росла без родной матери, которая ушла из

жизни при родах. Отец скоро женился, и мачеха стала для неё родной матерью. Девочка подросла, а в семье появился братишка. Забота родителей о новорожденном вызвала в ней ревность, это чувство осталось в ней и в будущем.

В школе одноклассникам было трудно дружить с ней из-за неуживчивого характера. Она была замкнутой и училась прилежно не ради самих знаний, а внутренне соперничая с преуспевающими одноклассниками. К чувству ревности в ней прибавилось и чувство зависти.

Об этой части судьбы Марии Васильевны мне рассказала её старая учительница математики (сейчас она на пенсии), руководительница класса. Наблюдая за развитием характера девочки, она не раз приглашала её к себе, хотела её приблизить, давала советы: как дружить, как освободиться от ненужных переживаний. «Были периоды в 9–11 классах, когда она становилась совсем другой – улыбающейся, доброй, дружелюбной, но потом опять возвращалась к прежнему состоянию. Видимо, нужна была постоянная поддержка, чего она не находила ни в семье, ни среди учителей и одноклассников», – так говорила старая учительница.

После школы она уехала в столицу и поступила в педагогический университет. Отец часто навещал её в общежитии, где она проживала вместе с однокурсницей. Она вспоминала, как однажды отец наставлял дочку быть добрее к людям и научиться дружить, быть терпеливой. Она внимательно слушала и кивала головой.

Закончив университет, она начинает работать в нашей школе учителем начальных классов. В этом году она достигла бы 25-летнего стажа. Очевидец вспоминает, как принимал её на работу тогдашний директор. Он посмотрел на молодого учителя с упрямым выражением лица и спросил:

– Мария Васильевна, мы доверяем вам первый класс. Справитесь?

Она ответила решительно, самоуверенно:

– Справлюсь. Какие проблемы!

Директор даже испугался: откуда у начинающей учительницы такая самоуверенность.

Я попытался выяснить кое-что из её педагогических интересов в университете. Меня там встретила самодовольная и неприветливая пожилая женщина, заведующая кафедрой педагогики, профессор и доктор. Она с трудом вспомнила Марию Васильевну.

«Зачем она вам?» – спросила она и насторожилась.

Я объяснил, что, в связи с трагедией, произошедшей с нею,

мне поручено составить аналитический отчёт о её педагогической жизни. Тогда она ответила, что ничего не помнит и у неё нет времени со мной разговаривать. Отказала предоставить мне личное дело Марии Васильевны. «Всё в архиве», – сказала она и выпроводила меня из своего кабинета.

В приёмной сидела лаборантка. Я обратился к ней за помощью. Она оказалась милой девушкой. В пыльных шкафах скоро нашла папку с дипломной работой Марии Васильевны, название которой поразило меня: «Заблуждения В. А. Сухомлинского в связи с оценкой метода наказания в воспитании школьников». В качестве научного руководителя значилась нынешняя заведующая кафедрой, но тогдашний старший преподаватель.

В папке я обнаружил от руки написанную рецензию научного руководителя, она одобряла работу и подтверждала, что аргументы дипломантки обоснованы; она правильно оценивает филантропические взгляды В. А. Сухомлинского.

Я не буду вам пересказывать аргументы, с помощью которых Мария Васильевна утверждала в своей работе, как «сельский учитель» заблуждался. Зачту только стихи, которые как эпитафия предваряют дипломную работу. Они из старинного букваря.

Целуйте розгу. Бич и жезл лобзайте:
Та путь безвинна; тех не проклинайте,
И рук, яже вам язвы налагают,
Ибо не зла вам, но добра желают.

Я осмелился ещё раз войти в кабинет завкафедрой.

«Простите, – сказал я, – вы действительно считаете, что наказание как метод воспитания...»

Но она прервала меня с нескрываемым раздражением.

«Была бы моя воля, – сказала она, – я бы наказала вас за назойливость!»

Вот с такими идеями в голове пришла в нашу школу Мария Васильевна и ошарашила своей самоуверенностью директора.

В педагогическом коллективе школы она не встретила противоречия своим взглядам. Коллеги со стажем показывали начинающему учителю обычные традиционные уроки, в которых она видела подтверждение теорий, усвоенных в университете.

Она была озадачена только однажды, десять лет тому назад, когда одна наша учительница уговорила её прослушать курсы повышения квалификации по гуманной педагогике. Она не придавала значения словам «гуманная педагогика», так как считала, что любая педагогика сама по себе является гуманной. Но после

прослушивания курса у неё чуть крыша не поехала. Неужели она более пятнадцати лет работала с детьми неправильно? Попыталась что-то применить в своей практике из того, что услышала и увидела на курсах. Вроде бы получилось хорошо. Но из курсов она не вынесла самого главного: совершенствовать себя, свой нрав, мысли, речь, отношения, то есть всю свою сущность, расширить своё сознание, принять идею духовности. Опытные старшие коллеги быстро успокоили её, объяснив, что это новомодное явление – гуманная, или туманная, педагогика – несерьёзно, так дети не обучаются, и вернули её к своим прежним взглядам относительно заблуждений Сухомлинского.

В то время она уже успела завершить работу со своим третьим потоком детей, и ей вручили новый первый класс, в который был зачислен Николай (мама звала его Ником). Мальчик спокойный, с настороженным взглядом, скучающий на уроках, не стремящийся тянуть руку и показывать свою активность. В общении с мальчиком она порой чувствовала своё поражение: мальчик не переживал из-за её двоек и не радовался редким пятёркам.

А когда однажды он сказал ей, что знает, почему она ему ставит двойку и учительница спросила «Почему же?», – он действительно уличил её: «Вы хотите унижить меня». Тогда она задрожала от злости и окончательно возненавидела его.

Это она назвала его, когда он был во втором классе, Никчемным, так как тот не захотел участвовать в соревновании – кто быстрее доползёт от стены до стены на четвереньках.

«А почему?» – спросила она.

И он ответил: «Ни к чему такое глупое соревнование, мы ведь не щенята!»

«Это ты сам ни к чему не пригоден. Тебя надо прозвать Никчемный!»

Все последующие годы она не переставала унижать его словом, взглядом, отметками, игнорированием; а если обращалась к нему, то не иначе, как «Скажи, Никчемный...», «Может быть, ты тоже додумаешься, Никчемный?», «Тебе не хватает ума, Никчемный?». От учителя такое обращение с одноклассником переняли дети. Только одна девочка (будущая журналистка) обращалась к нему «Ник» и добавляла: «Какой ты хороший... У тебя глубокие глаза, странные». Она добилась, чтобы её посадили рядом с ним за последней партой. Но в середине года родители забрали её.

Мальчик воспитывался мамой, отец бросил жену, как только узнал, что она беременна, и пропал. Она зарабатывала на жизнь, работая продавцом в обувном магазине. Вечером после работы

забирала сына из продлёнки, старалась доставить ему радость – они гуляли в парке, веселились на аттракционах.

Однажды, ещё до школы, когда они в кафе ели мороженое с орехами, мама вдруг закашляла, и Ник сказал ей:

– Кусочек орешка застрял у тебя в горле.

– Да, по-видимому, – сказала мама, продолжая кашлять.

Мальчик подошёл к ней.

– Он здесь, – сказал мальчик и положил палец на шею матери, – он маленький. Посмотри в потолок, а теперь проглоти слюну, ещё, вот, кусочек уже отлепился и идёт вниз... Всё, кашлять не будешь.

Мама не поняла, что произошло. Кашель прошёл, но осталось удивление.

– Сынок, откуда ты узнал о кусочке орешка? – спросила она.

– Как откуда, я же вижу всё... А ты разве не видишь? Вот смотри, я беру ложку мороженого и глотаю его. Видишь, как оно тает во рту, потом направляется к горлу и спускается в мешочек.

В общем, мама обнаружила, что мальчик видит все внутренние органы человека и всё, что в них происходит. Вскоре обнаружила ещё, что он читает не только её мысли, но и мысли других, чувствует, что переживают другие, но она понимала, что лучше об этом другим не говорить.

Так пришёл Ник в первый класс и в первые же дни почувствовал холодный нрав своей учительницы.

Однажды, когда она в очередной раз кольнула его, мальчик спокойно спросил:

– Мария Васильевна, почему вы меня не любите?»

Она опешила.

– Я всех детей люблю, – ответила она.

Мальчик произнёс уверенно:

– Вы любите не всех. Вы не любите меня, не любите Дашу, не любите Павлика... Многих из ребят не любите...

Он говорил правду, и Мария Васильевна могла бы искренне покаяться перед ним, могла бы сказать: «Прости меня, мальчик, но я очень постараюсь полюбить и Дашу, и Павлика, и, конечно, тебя, и всех».

Но она этого не сделала, – правда мальчика разозлила её, – и накричала на него:

– Прекрати говорить глупости!

Но мальчик не прекратил своё, он спокойно продолжил:

– Вам кричать на нас тоже не надо, и ругать тоже не надо. Я не глупости говорю, а правду.

Мария Васильевна могла бы крепко задуматься над ангельскими предупреждениями, полученными через своего

ученика, могла бы совокупить их к знаниям, полученным на курсах по гуманной педагогике, могла бы изменить всю свою жизнь, но ей мешали самомнение и властолюбие. Они не позволили ей осознать, с чем она столкнулась.

И она поступила по-другому: пересадила мальчика на заднюю парту, хотя делать этого было нельзя, по росту мальчик был маленьким; вызвала маму и велела ей запретить сыну говорить глупости.

Маму вызывала она часто.

Во втором классе, когда прозвала мальчика Никчемным, тоже вызвала маму и предупредила:

– Мальчик ваш пассивный, никогда руку не тянет, чтобы ответить на какой-нибудь вопрос; он необщительный, и у него в классе нет друзей; часто он дерзок, говорит, что на ум приходит... Дети его обозвали Никчемным. Займитесь серьёзно его воспитанием.

Мама заплакала, и чтобы вызвать в учительнице больше внимания и заботы к сыну, открыла тайну: мальчик обладает каким-то странным даром; может, в этом причина, что он такой?

Мария Васильевна такие вещи всерьёз не воспринимала и, конечно, не сочла нужным изменить свои взгляды и отношение к мальчику. Даже наоборот. Однажды, уже в третьем классе, когда мальчик запнулся, декламируя стихотворение, учительница насмешливо сказала:

– Ну как, Никчемный, твой нелепый дар не может спасти тебя?

Мальчик заплакал от обиды, а она как ни в чём не бывало поставила двойку и предупредила:

– Не плакать надо, а мозгами шевелить!

В четвёртом классе мальчик изменился: стал защищать себя и других от нападок и издевательств учительницы, озвучивать её мысли и т. п.

Одноклассники вспоминали: вызвала Мария Васильевна к доске Петю и велела решить математическую задачу самостоятельно. Мальчику было трудно, он ошибался, а учительница ругала его за каждую ошибку, обзывала тупицей. Наконец поставила ему в дневник двойку.

– Мария Васильевна, – произнёс вдруг Ник, и дети обернулись в его сторону, – двойку надо ставить не ему, а себе. Вы вчера очень плохо объяснили нам это правило, Петя не понял, и другие тоже не поняли. Не будете же всем нам двойки ставить. Вам лучше заново и толково объяснить.

Мария Васильевна такого не ожидала. Она побледнела.

– Ты слишком много себе позволяешь, Никчемный. Стань в

угол! – закричала она.

Ник занял место в углу лицом к стене и сказал невозмутимо:

– Была бы справедливость, в углу вместо меня должны были бы стоять вы...

Когда в очередной раз учительница обозвала мальчика Никчемным, он при всех одноклассниках поставил учительнице условие:

– Я обращаюсь к вам «Мария Васильевна», потому что вас так зовут. Ко мне надо обращаться если не «Ник», то хотя бы «Николай», потому что это моё имя. Если и впредь вы будете обзывать меня «Никчёмным», тогда я тоже буду обзывать вас так, как дети вас обзывают...

Мария Васильевна, задетая очередной дерзостью мальчика, имела неосторожность спросить:

– А как меня обзывают?

– Вы действительно хотите знать? – спросил Ник.

– Как же меня обзывают? – произнесла она с угрозой.

– Вас дети давно обзывают Злюкой. Так обзывали вас ваши прежние ученики. От них мы и узнали.

– И вы зовёте меня Злюкой?!

Это тот случай, когда учительница могла бы заплакать перед детьми от досады, от сожаления, от чувства покаяния. Извиниться перед всеми, обещать, что с этой минуты всё изменится. Но она процедила сквозь зубы:

– А какой мне быть перед такими гадкими, как вы? Этого ещё мало... Вы ещё не знаете меня!

Я думаю, вы понимаете, уважаемые коллеги, что такие отношения учительницы со своими учениками, и в частности с Николаем, ни к чему хорошему привести не могли. А таких грустных воспоминаний у бывших учеников Марии Васильевны было много.

Я вам уже говорил об одном свидетеле трагического события – пожилom человеке с собакой. Потом он пригласил старика-мечтателя пожить у него.

Знаете, кем он оказался?

Мужем Марии Васильевны!

– **Значит, у неё всё же была семья?!**

– **Странно!**

– Я узнал, как она вышла замуж и как развелась.

Они прожили вместе всего полгода.

Муж – Сергей Сергеевич, инженер-строитель, добрейшей души человек. Он познакомился с немолодой уже учительницей в метро. Вскоре они поженились. Но потом Сергей Сергеевич столкнулся с её грубой натурой и попытался помочь ей

измениться.

«Машенька, – говорил он ей, – тебе это ничего не стоит – быть ласковой, открытой, доброй, сердце у тебя прекрасное. Зачем колкости говорить, быть недоверчивой к людям?» Он советовал ей полюбить детей. «Они помогут тебе избавиться от грубости», – говорил он ей.

«Родим ребёнка», – упрашивал он.

Она наотрез отказывалась иметь детей.

Муж тем не менее верил, что в конце концов она поймёт, каких благ и радостей лишает и себя, и других, особенно своих учеников, своим грубым нравом.

Но вот настал день, когда она оставила ему записку: «От твоей липкой доброты меня тошнит», – и вернулась в свою однокомнатную квартиру.

В тот же день с ней произошло неприятное событие. Придя в класс, Ник, взглянув на неё, встал из-за своей парты и подошёл к ней.

«Чего тебе?» – недовольно спросила она.

Мальчик шепнул, чтобы дети не услышали: «Мария Васильевна, вас скоро стошнит, примите меры...»

Но она посмотрела на него брезгливо и грубо ответила: «Не говори глупостей! Садись на место!»

Но несколько минут спустя прямо перед детьми, у доски, не успев выйти в коридор, неожиданно её стошнило, и зрелище для детей было противное...

Муж не раз предлагал ей вернуться, звонил, ждал у входа в школу, так длилось пару лет. Мария Васильевна не то что отказывала восстановить отношения, но грубила и хамила ему.

Сергей Сергеевич наконец понял, что их совместная жизнь могла превратиться в ад для них, и оставил её, забыл о ней. Купил себе собаку и увлёкся написанием книги о том, как людям самим строить дом для себя.

В тот день он выгуливал собаку и возвращался домой. Узнав в лежащей на асфальте женщине свою бывшую жену, он был потрясён до глубины души. Кстати, все расходы на похороны он взял на себя.

Педагогическая жизнь Марии Васильевны, да и вся её жизнь, печальна, а завершение её – трагично.

Следовательно, изучавший это дело, позволил мне ознакомиться с материалами, которые были изъяты при обыске квартиры. Меня заинтересовала тетрадь с записями Марии Васильевны – нечто вроде дневников, точнее, фразы без дат. Познакомлю вас с некоторыми из них.

«Живу непонятной мне самой жизнью. С кем воюю...»

«Глаза: в них я чувствовала жалость к себе, и мне стало плохо».

«Ой, гордыня моя, ты меня губишь».

«Если захочу, могу, конечно. Но что мешает мне захотеть?»

«Скажи он третий раз „Вернись“, пошла бы за ним, но потом опять бросила бы».

«Услышала, что готовится конгресс учителей – „Истинное воспитание Ребёнка – в воспитании самих себя“. Это серьёзно?»

«Мне очень хотелось успокоить девочку, но язык мой произнёс сурово: „Хватит реветь!“»

«Была на открытом уроке. Там то же самое, что и у меня. Видимо, нас всех одной ниткой шили».

«Я утопаю в педагогическом болоте. Говорят, скоро придет новый директор. Может быть, он расшевелит нас всех?»

«Пришла молодая учительница, говорит, буду работать по гуманной педагогике. Мне это уже поздно, или лучше поздно, чем никогда?»

И вот последняя запись, сделанная, видимо, накануне:

«Услышала мудрость: никогда не бывает поздно, всё только начинается... Можно попробовать».

Я завершаю, уважаемые коллеги, свой аналитический отчёт.

Скажу откровенно, рассказывая вам обо всём этом, я чувствовал, что мне самому было больно и грустно.

Какой нам теперь сделать вывод? Мы можем поступить по-прежнему и сказать: это трагическое событие есть частный случай, и высказать глубокое сожаление. Но можем поступить по-другому: признать, что в этом трагическом событии, которое есть следствие прискорбных причин, отражаются наши общие пороки, потому нам следовало бы проявить мужество, объединить усилия, чтобы помогать друг другу обновляться, чтобы через нас обновился творимый нами образовательный мир.

– *А вы ничего не сказали об учителе-мечтателе...*

– *Уважаемые коллеги, об учителе-мечтателе вы услышите во втором сообщении, которое приготовил нам молодой учитель школы Георгий Леонович. А пока объявляю перерыв на тридцать минут. Если кто в силу обстоятельств не может остаться на вторую часть педагогического совета, может воспользоваться свободой.*

Размышления «философа»:

«Сидит в кресле
в своей однокомнатной каморке
только что вернувшаяся домой с работы
пожилая сидящая женщина,

учительница младших школьников.
Она одна,
ибо одинока,
и ей не о ком заботиться,
кроме как о себе.

Она провела день
как обычно —
в борьбе с детьми-учениками,
с этими
малоразвитыми,
невоспитанными,
недоношенными,
дерзкими мерзавцами.

Провела день
в возмущениях,
требованиях,
приказах,
принуждениях,
наставлениях,
наказаниях,
криках и
устрашениях.

И она устала.
Нет сил, чтобы вскипятить воду,
сделать себе чай,
утолить голод,
хотя уже и не чувствует его.

Сидит она в кресле,
разбитая и грустная.
Держит усталую голову в уставших руках и
нехотя погружается в мысли и образы.

„Зачем я назвала его
Никчемным,
когда сама никчемная?“

К ней не придут гости.
Чтобы пришли, их надо иметь.
Не постучат бывшие ученики,
„случайно“ проходившие мимо её дома.

Чтобы они пришли,
нужна духовная нить,
а её она никогда не пряла.
Не придёт одинокая мама
к одинокой учительнице,
чтобы поплакаться о своём горе,
получить надежду,
а потом
преклониться перед ней и целовать руки её
в знак
материнской благодарности
за заботу о сыне.
Не было такой заботы,
потому не будет благодарности.

„Зачем я поставила двойку девочке,
когда можно было сказать с надеждой:
,Перенесём это дело на потом,
конечно, выучишь,
а у меня для тебя
припрятана
самая красивая и достойная пятёрка!‘
И вообще,
пропади пропадом
эти отметки,
эти баллы,
эти контрольные,
эти экзамены,
эти проверки,
эти оценки —
все эти источники зла!“

Не зазвенит телефон,
и вкрадчивый голос из модного салона
не сообщит ей,
что только что,
для неё специально,
прямо из Парижа
получена новая коллекция элегантных платьев.
Там её не знают.
И ради кого ей наряжаться?

„Зачем мне нужно было
Кричать

на девочку,
издеваться над ней,
вызывать
родителей?
Что же она такое сделала?
И как она
умоляюще
смотрела на меня:
,Пощади, учитель,
мачеха моя ещё злее тебя!“

Держат усталые руки
усталую голову,
где Сердце и Разум
уже в который раз
восстают против скуки и омертвления.
Они
вместе с учениками
громят классную комнату:
опрокидывают парты,
ломают компьютеры,
рвут учебники,
топчут тесты,
сжигают отметки,
срывают со стен профанации дидактики,
а на интерактивной доске
выводят крупными буквами:
„Долой Марию Васильевну
Злюку!
Да здравствует Мария Васильевна
Душа!“

Прямо в открытое окно
врывается стая птиц —
они все разные,
и каждая со своими трелями.
Вот уже четверть века
она называет их по фамилиям.
Опрашивает,
допрашивает,
запрещает летать,
загоняет в клетки.
Каждый день она занята тем,
что держит в руках

пугающие большие ножницы,
цокает ими,
ловит каждую,
проверяет крылышки,
и, если у кого чуть подросли,
сразу отрезает лишнее:
„Летать не надо, слышите?
Смирно сидите на своих жёрдочках
и чирикайте,
как учитель учит
и когда она позволит!“

Задумывалась ли она
хоть раз,
почему у детей птичьих фамилии?
Орлов и Ласточкина,
Скворцов и Воробьёва,
Голубь и Синицына,
Зуев и Лебедева,
Грачёв и Журавлёва,
Иволгин и Тетерева,
Соколов и Уткина,
Ястреб и Коршунова,
Соловейчик и Соловьёва...
Это не потому,
чтобы управлять ими по фамилиям:
„Орлов, как ты смеешь!“
„Ласточкина, хватит тебе!“
„Синицына, марш к доске!“
„Грачёв, прекрати немедленно!“
„Лебедева, как тебе не стыдно!“
„Соловьёв, заткнись!“
„Соколова, дай дневник!“
„Воробьёва, двойка!“
„Журавлёва, куда ты смотришь!“
„Встаньте все!“
„Садитесь все!“
„Берите все ручки,
пишите!“
„Слушайте внимательно,
повторяйте вслед за мною!“

Не для этого у детей птичьих фамилии,
а только для того,

чтобы сообщить радостную весть:
„Мы родом с Небес,
из Дальних Миров!“
Даже если кто
Волков или Лисицына,
Медведев или Зверева,
Ежов или Черепашина,
Червяков или Мамонтова,
всё равно
они тоже с Небес,
из Дальних Миров,
только сами об этом забыли,
а нам нужно напоминать.

Дети спешат к учителям не для того,
чтобы научились у них
удачно ползать,
а чтобы научились
летать
высоко,
быстро,
красиво,
героически!

„Ах, почему,
почему
я упустила конгресс учителей о том,
как учить учеников летать!
Может быть, мне самой бы захотелось
хоть раз в жизни
взлететь,
а потом не опуститься!“

Надо знать фамилии детей,
чтобы почитать их род,
а не управлять по фамилиям.
И вообще,
детьми управлять не надо,
их надо любить!
Потому у них
сперва
имя,
а после – фамилия.

В имени ребёнка —
глубокая философия и
чуткая педагогика.
Как из самого Ребёнка вырастает взрослый,
так из детского имени
вырастает слава.
В имени ребёнка заключена
память взрослым о том,
что на них —
родителей, воспитателей, учителей —
самим Творцом
возложена забота о них.
Это потом, спустя годы,
дети повзрослеют и будут зваться
по-взрослому —
Иваном Михайловичем,
Екатериной Павловной,
Дмитрием Дмитриевичем,
Натальей Петровной...
Но пока они маленькие и
до взрослости им далеко,
они
не Иван Михайлович, а Ванечка,
не Екатерина Павловна, а Катенька,
не Дмитрий Дмитриевич, а Димочка,
не Наталья Петровна, а Наташенька...
И это потому,
чтобы знать и помнить взрослому:
детей надо любить,
Ребёнка надо любить
нежно,
красиво,
преданно.

Держат усталые руки
усталую голову,
а перед глазами выстраивается ряд детей —
каждому хочется подойти к ней,
посмотреть в глаза и
спросить о своём.

„Вы нагрубили мне сегодня. Почему, Мария Васильевна?“

„Почему вы не верите в меня, Мария Васильевна?“

„Зачем вам мои родители, Мария Васильевна,
нельзя ли нам самим договориться?“
„У вас есть сердце, Мария Васильевна?“
„У вас есть душа?“
„Вы умеете любить?“
„Вы умеете дружить?“
„Кто мы для вас, Мария Васильевна?“
„Кто вы для нас?“
„Вы верите в Бога, Мария Васильевна?“
Дети топают ногами – вся школа трясётся...

Голова Марии Васильевны
наполняется свинцом,
Руки не выдерживают тяжести печали...
Это соломинка или спасательный круг:
„Всё только начинается!“
Вот встанет Мария Васильевна,
измученная
двадцатипятилетней печалью,
откроет окошечко,
выбросит на улицу весь свинец жизни
и из своей каморки сообщит всему миру:
„Умер во мне учитель скуки!
Родился во мне Учитель Света!“
И будь с этого дня
что будет!

Но мир не получит Учителя Света:
завтра Мария Васильевна
будет лежать на асфальте,
а её бывшего ученика
обвинят
в её
убийстве...»

Перерыв. Диалог юной коллеги с мэтром

Все в спешке покинули овальный зал.

Остались трое: молодая учительница, старый учитель и «философ».

Молодая учительница держала перед собой открытую книгу, но не читала. Лицо у нее было озабоченное, видимо, она

находилась под впечатлением от того, что происходило на педсовете. «Философу» показалось, что перед ней возник огромный вопросительный знак, требующий от нее ответа на вопрос: «Как быть?»

Старый учитель – с пятидесятипятилетним стажем. Он был реликвией, один такой в школе. Его уважали, почитали. Шутка ли – выдержать полвека с лишним в аду: каждое поколение детей хуже предыдущего, все сложнее и сложнее становится работать в школе. Полвека борьбы с учениками: учиться они не хотят, а надо учить; слушаться не хотят, а надо принуждать; против их воли надо чеканить из них людей. Он начал этим заниматься с середины пятидесятих годов прошлого века; будучи еще студентом, молодым членом партии. Честно исполнял директивы и постановления партии, постоянно реформировал и обновлял школу: то приводил ее в соответствие с требованиями жизни, то прививал ей производственный труд, потом боролся против буржуазных отклонений в образовании и так называемого новаторства. Потом пришла полоса гласности и «большей свободы и демократии» в стране. На этом этапе он чуть растерялся, гласность и демократию он не мог укладывать в образовательный процесс. Далее наступил «развал Советского Союза», что вызвало в нем трагические переживания, и так он вошел в эпоху капитализма, которая по-своему, со своим капиталистическим уставом начала закручивать гайки в образовании. Его педагогическое сознание во все эти бурные десятилетия раскачивалось, но он нашел свой принцип, который, оказывается, был одинаково пригоден при всяких общественных формациях – это учительская власть, педагогический авторитаризм. Сколько ни говори о свободе, демократии, капиталистическое сознание расчетливо; образование превращается в рынок: учителя – это нанятые продавцы (можно и так сказать – менеджеры) знаний; родители, общество – это покупатели. Учителя продают свою услугу: готовить детей в течение одиннадцати лет для сдачи единого государственного экзамена. Есть заказ на воспитание нравственности от общества, от государства? Нет такого заказа, за воспитание никто не платит. А там, где нет воспитания, обязательно будет принуждение. Каким был, таким и остался старый учитель: убежденным сторонником силовой педагогики. Он здесь, в этой школе, где он трудится со дня ее основания – мэтр, вокруг которого – большинство учителей. Но он не один такой в огромной стране: в каждой школе есть свой мэтр и свои устойчивые принципы авторитаризма. Классическая педагогика, гуманная педагогика, педагогика сотрудничества и сотворчества,

педагогика добра и любви – все это для метров из мира нереальности.

«Философ» наблюдает за старым учителем: держит сигарету, хочет покурить, но он дисциплинированный – знает, в овальном зале даже ему нельзя курить, а выйти и найти в школе место, где покурить, лень. Он крутит сигарету в пальцах, она крошится, и «философу» кажется, что то же самое происходит с его мыслями: его преданность принципам проходит испытание.

Юная коллега откладывает книгу, встает, пробирается между стульев и подходит к старому учителю. Она, наверное, воспользуется случаем поговорить с мэтром, задаст вопросы, наполнится опытом, предполагает «философ». Когда же еще она найдет подходящий случай. Овальный зал резонансный, потому до «философа» доходят слова и фразы, практически весь разговор, и он по обычаю подключается к соразмышлю с ними и «зарисовывает» картину с натуры.

– Можно, уважаемый учитель, задать вам несколько вопросов?

– А вы кто, тоже учитель?

– Да, год тому назад...

– А, начинающий, значит...

У нее один год педагогического стажа, у него – 55 лет!

Какая разница!

Кому завидовать – ей или ему?

И в какую же сторону он её потянет, если, конечно, она послушается его, ибо у начинающих учителей тоже есть свои нравы и убеждения, только пока еще мало подкрепленные.

– Я прохожу первые испытания со своими учениками. Думала, что дети ждут меня такой, какая я есть. Воображала, что поведу их к вершинам знаний и нравственности, что они с радостью последуют за мной. Но столкнулась с непонятными обстоятельствами. Мне кажется, что ученики ставят условия, но какие, они не говорят, а я понять не могу. Иногда подхожу к черте разочарования. Может быть, надо успеть, пока еще не поздно, уйти подальше от этого образовательного хаоса и найти работу там, где жизнь спокойнее и зарплата достойнее. Или, может быть, надо набраться смелости и испытать себя до конца, ибо в моем воображении теплится идея, что образование – это Божий промысел, а учитель – соработник у Бога. Я на грани выбора. Скажите мне сперва, уважаемый учитель, надо ли мне терзать себя вопросом: насколько я есть Человек, чтобы иметь право учить и воспитывать детей?

«Философ» насторожился: вопрос кардинальный, философский, но откуда старый учитель извлечет ответ – из

своего разума, отшлифованного 55-летним стажем, или из своего сердца, пережившего море разочарований?

Но юная коллега получила ответ из совсем другого источника, что есть прописное заблуждение, выдающееся за истину авторитарного сознания. Мэтр ответил с выражением последней инстанции авторитета:

– Зачем вам, милая девушка, мучиться такими вопросами. Задайте себе вопрос более важный: насколько глубоко владеете вы предметом и методикой его преподавания?

У юной коллеги как будто подрезали крылья, а «философ» подумал с досадой: «Вот, оказывается, с чего начинается учитель у старого мэтра – с предмета!»

Юная коллега осторожно начала строить второй вопрос:

– Я часто наблюдаю за вами и вижу: на лице вашем постоянная тревога, всегда спешите, чтобы успеть, часами проверяете тетради с контрольными, погружены в составление бесконечных планов и отчетов, думаю, из-за нехватки времени не успеваете читать новые романы, смотреть хорошие фильмы и спектакли. Так вот, скажите мне, уважаемый учитель, довольны ли вы своей судьбой, гордитесь ли вы, что называетесь учителем? И вообще, в чем счастье учительской жизни?

«Ничего себе юная коллега! – подумал „философ“. – Действительно, в чем учительское счастье? Может быть, услышу сейчас!»

И услышал:

– Милая девушка, по секрету вам скажу, – и старый учитель воспользовался указательным пальцем, чтобы придать своему наставлению внушительность, – нет такого счастья – учительского, это приманка для таких наивных, как вы. Есть только личное счастье. Для вас это будет женское счастье. Вы молодая и красивая. Найдите преуспевающего молодого человека, выйдите за него замуж, рожайте детей и отдавайтесь удовольствиям и увлечениям.

Юная коллега покраснела до ушей, а «философ» возмутился грубостью старого учителя. И этот человек есть наставник молодого поколения!

Она овладела собой и начала чеканить следующий вопрос:

– Вижу, как учителей все больше ограничивают в своем творчестве. Инструкции, приказы, постановления, стандарты, технологии, штампы, проверки, аттестации и всякого рода ограничения, спускаемые с верхних этажей власти и насаждающие в учителе страх, лишают его стать творцом педагогического процесса. Учитель в клетке творческим не станет. А как ему сохранить в себе личность без творчества?

Скажите, уважаемый учитель, находите ли вы лазейки, чтобы вырваться на свободу и взлететь в творческом порыве вместе со своими учениками?

Уважение «философа» к юной коллеге удесятирилось, но надежда, что она получит достойный ответ на свой вопрос, исчезла. Так и случилось: теперь уже не мэтр, а «мэтр» (так для себя записал «философ»), насмешливо ответил юной коллеге:

– Видно, что у вас, барышня, нет жизненного опыта. Кто ищет свободу творчества, тот беду ищет. Свобода творчества в учительской жизни наказуема. А чем хуже, если такая красивая девушка, как вы, будет сидеть на жёрдочке в золотой клетке и чирикать как канарейка? Разве мало радостей от трелей канарейки достается людям?

У молодой коллеги исказилось лицо, но она проявила характер и довела свое общение с «мэтром» до финала. Она напряглась и изложила последний вопрос. «Философ» же, слушая ее, восклицал в сердце: «Ай да молодежь! Ай да юная коллега!»

– Вижу учителей, их совсем немного, они улыбаются, они дружелюбны, открыты, вокруг них постоянно толпятся ученики. Речь этих учителей всегда в защиту детей, они не любят слов – «неуспевающий», «необучаемый», «трудный», «отстающий», «малоразвитый» и т. п. Говорят они о духовном, о гуманности, о законе любви, о творящем терпении. Свою педагогику они называют гуманной. У них свои способы и методы. Другие смотрят на них с подозрением, иногда с насмешкой, а то и проявляют враждебность. Скажите, уважаемый учитель, почему вы не с теми, кто в меньшинстве? Вы не верите в гуманную педагогику, ибо считаете, что Истина одна и она в ваших руках, или вам трудно перестраивать себя? Что же вы мне посоветуете: включиться мне в ряды учителей гуманной педагогики и тем самым уже в своей ранней педагогической жизни набраться опыта в этом направлении, или же сторониться их, даже бороться против них?

«Да, сейчас она выведет его на чистую воду», – подумал «философ».

«Мэтр» задержался с ответом. Конечно, он понял, что его «объяснения» скорее отдалили юную коллегу от его мыслей и позиции, чем приблизили хоть на йоту. Он почувствовал злобу к «барышне». Такой же взгляд он бросил на нее и отрезал:

– Вы обойдетесь и без моего совета!

Лицо юной коллеги было суровым и решительным, а не как вначале – доброжелательным и вопрошающим.

Она встала.

– Спасибо... Разумеется, теперь я лучше разберусь сама, –

сказала она и направилась к своему месту. А «философ» завершил свою зарисовку с натуры словами: «От потухшего сознания надо отойти... Юная коллега больше не подойдет к „мэтру“ со своими вопросами».

Перерыв заканчивался.

В овальный зал первой вернулась Надежда Михайловна, пожилая мудрая учительница. Начиная с 70-х годов прошлого века, участвовала в новаторском движении. «Философ» уважал ее и любил общаться с нею. «Вот у кого надо спросить об учительском счастье!» – подумал он. Она почувствовала его внутренний зов и подошла.

– Вы же «философ» и хотите меня о чем-то спросить?

– Точнее, хочу попросить, Надежда Михайловна, сделать доброе дело. Видите, там сидит озадаченная юная коллега. Пожалуйста, подойдите к ней и скажите, в чем смысл учительского счастья. Она очень в этом нуждается!

– Хорошо... Она пробралась между стульев, и «философ» увидел, как удивилась юная коллега; вскочила и стоя выслушала волшебное нащёптывание мудрой учительницы.

Вошла «старая гвардия»: Вадим Данилович, учитель литературы; Олег Николаевич, учитель физической культуры; Дмитрий Петрович, учитель математики. Видимо, они успели выкурить по две-три сигареты – внесли в овальный зал неприятный запах. Они продолжали начатый разговор, как догадался «философ», о том, надо или не надо уходить из школы. Дмитрий Петрович с жаром призывал своих коллег показать, на какое новаторство и творчество они способны. Но, по заключению «философа», его старания были тщетными.

Запах сигарет внесла в зал группа женщин.

Зал постепенно наполнялся.

«Философ» задержал мимо проходившего друга – учителя обществоведения Илью Степановича. Он считал его олицетворением честности и великодушия.

– Сделай одолжение, – сказал ему «философ».

– Слушаю, – ответил тот с доброжелательной улыбкой.

– Пожалуйста, поверь мне, это очень серьезно. Подойди к той юной учительнице и объясни, как важно, чтобы учитель проверял себя в человечности.

Веря, что друг не шутит, Илья Степанович подошел к юной коллеге, представился, даже пожал руку и поговорил. Девушка была озадачена вниманием, но довольна тем, с чем к ней подошли опытные учителя.

Время перерыва закончилось.

«Философ» оглянул зал: никто не воспользовался

предложенной свободой, никто педсовет не покинул.

Василий Александрович объявил:

– Уважаемые коллеги, продолжаем работу педсовета. Теперь мы заслушаем сообщение об одном из драматических событий из жизни коллектива. Напоминаю, перед нами задача – определить перспективы развития нашей школы. Сообщение подготовил наш молодой коллега, учитель физики Георгий Леонович. Ему слово.

Георгий Леонович волновался. Ему впервые приходилось выступать перед всеми учителями школы. Он медленно подошел к трибуне, разложил бумаги, проверил видеотехнику. Затем внушил самому себе бодрость духа и начал.

Часть вторая

Учитель

– Уважаемые коллеги!

Я окончил факультет физики университета. Будучи студентом второго курса, увлёкся теорией квантовой механики. Поступил в аспирантуру. Имею научные публикации. Три года тому назад, студентом пятого курса, я начал работать у вас учителем физики.

Когда директор поручил мне подготовить данное сообщение, я, конечно, не знал, в какой мир мне придётся окунуться, и вовсе не предполагал, что эти два месяца поиска материалов, встречи и чтение нужных книг могут стать для меня действительно судьбоносными. Это потому, что я пришёл в школу не от любви к учительской профессии, а для подрабатывания. Но теперь уже боюсь, что моя судьба резко меняется. За эти два месяца я приобрёл уникальную практику и прошёл лучшие курсы повышения квалификации. Я оказался перед выбором и знаю, в пользу чего я это сделаю.

Хочу поблагодарить директора Василия Александровича за то, что он своим поручением столкнул меня с самим собой.

Какое же у меня получилось сообщение?

Может быть, для кого-то положения, которые я буду выдвигать, окажутся спорными; может быть, какие-то воспоминания и ссылки на факты для кого-то будут неудобными. Но в целом моё сообщение направлено на то, чтобы так же, как это случилось со мной, каждый из вас оказался перед необходимостью переосмыслить свои педагогические взгляды и обновить образовательную практику.

Обидно, что это не произошло несколько лет тому назад, когда учитель-мечтатель, о котором я буду рассказывать, находился среди вас, но будет хорошо, если произойдёт это хотя бы сейчас.

– Вы хотите сказать, что учитель-мечтатель – наш бывший коллега?

– А почему он ушёл из школы?

– Кто он и когда работал у нас?

– Да, он бывший ваш коллега. В качестве названия моего сообщения я выбрал одно слово и никакое другое прибавить к нему не смог: «Учитель». Вся сущность героя моего рассказа полностью совпадает с истинным смыслом этого слова: Душа, носитель и даритель Света.

– Кто же он?

– Я догадываюсь: он был учителем физики...

– А эпиграфом я взял фразу, произнесённую им же: «Родился, чтобы умереть Учителем». В каких обстоятельствах и контексте он её проронил, вы узнаете позже.

Он ушёл из этой школы четыре года тому назад, проработав здесь пятнадцать лет.

Он был уволен.

День увольнения совпал, по иронии судьбы, с днём его пятидесятилетия. Вместо того чтобы устроить ему юбилей, – простите, пожалуйста, за мою прямооту, – вы его выгнали.

– Мы выгнали?! Скажите, пожалуйста, кто он?

– Он – учитель физики Михаил Михайлович. Помните?

– А почему мы его выгнали? Он, видимо, заслужил увольнения...

– В этом мы должны разобраться.

Хотя от напоминания, как вы его «проводили», – я говорю «вы», потому что сам тогда не работал в школе, – вам будет неприятно, для полноты описываемой мною истории я вынужден это сделать. Однако не сразу.

За эти четыре года он изменился внешне. Потому кто помнит его тогдашнего, сегодня, встретив на улице, наверное, не узнает.

Можете убедиться сами.

Как мне говорили, в школе он был без бороды, смуглый, подвижный. Смуглым и подвижным он остался, но отрастил себе бороду.

На экране я вам показываю снимки, которые сам сделал. Видите, какая у него шикарная белоснежная борода. Он совсем не старый, ходит свободно, выпрямившись. Только вот такая белоснежная борода, из-за чего незнакомым он кажется старичком, так к нему и обращаются.

Показываю его лицо крупным планом – разве не похож на античного философа?

А теперь показываю крупным планом его глаза и лоб. Глаза у него глубокие и светятся внутренним спокойствием, мудростью, добротой, любовью, всепрощением. Он действительно такой. Я не знаю, есть ли среди вас тот, кто хотел бы просить у него прощения, но точно знаю, он уже прощён им, ибо не умеет Михаил Михайлович держать зла.

Смотрите на его лоб – высокий, широкий, в семь пядей. Это лоб истинного мудреца! Вы этого раньше не замечали?

Я сказал ему шутя: «Михаил Михайлович, на лбу вашем трактат можно писать».

А он, тоже шутя, ответил: «От рождения на нём кем-то уже

был написан трактат, но вот беда, не могу расшифровать».

По улицам он ходит с палкой и портфелем. На палку он не опирается. Она с острым концом, и когда он сидит на скамеечке в парке, ею чертит на песке странные фигуры, схемы, формулы, только ему ведомые, вроде таких, что я демонстрирую вам на экране.

– По-моему, это схема созвездия, но какого? И расчёты расстояний между звёздами.

– Думаю, совсем наоборот: это модель микромира.

– Он не сказал вам, что это такое?

– Да, кое-что он мне объяснял. Он исследует микромир, воображая его.

Посмотрите на экран: одет он в строгий чёрный костюм, на нём всегда чистая белая рубашка и бабочка – чёрная в красный горошек. Ходит в аккуратнo вычищенных ботинках.

В портфеле он носит бумаги с записями и схемами, общую тетрадь и пару старинных книг. Портфель служит ему ещё рабочим столиком. Вы видите на экране: он держит на коленях портфель, на нём – раскрытая общая тетрадь, и что-то в ней записывает.

Скажите, пожалуйста, кто из вас знает, где он живёт или чем он занимается?

Значит, никто...

– Я хотел поддерживать связь, он очень интересный собеседник не только по вопросам физики. Но не смог навести справки.

– Надо было не прекращать его поиск. Иначе получается, что вам, педагогическому коллективу в целом, все эти четыре года после расставания с ним была безразлична его судьба.

– Подождите, нельзя же так. Среди нас есть такие, которые до сих пор его вспоминают, нам его не хватает. Но он ушёл, и след его простыл.

– А я искал его совсем недолго. И знаете, к кому я обратился за помощью? К его бывшим ученикам: он тогда был руководителем шестого класса. Теперь эти ребята в десятом классе. Они его очень любили и до сегодняшнего дня продолжают общение со своим учителем. В неделю два раза всем классом они постоянно ходят к нему, а что из этого получается, позволю себе рассказать попозже.

Разыскивая Михаила Михайловича, которого совсем не знал, я напрямую обратился к этим ребятам, ибо предполагал, что ученики не могли прекратить встречи с любимым учителем. Они сперва спросили, зачем он мне нужен. Я объяснил, что мне поручено сделать о нём сообщение для педсовета. Тогда они

повели меня в тот парк, куда Михаил Михайлович обычно приходит в назначенное время и ведёт, – только не удивляйтесь, пожалуйста, такому высказыванию, – кипучую деятельность.

– Простите, хочу спросить, кто сейчас руководитель этого класса?

– Я, и что?

– Вы ведёте детей с шестого класса, так ли? Сразу, как только отстранили Михаила Михайловича, так ли?

– Ну да...

– Вы знали, что все эти четыре года ребята постоянно встречаются с Михаилом Михайловичем?

– Нет...

– Как вы это можете объяснить?

– А что вам объяснять? Они скрывали это от меня. А зачем мне надо было знать, чем они занимаются после школы, это их право...

– Вы меня извините! Ваш класс славится в школе. Это единственный класс, куда учителя не боятся ходить. Дети отлично преуспевают не только по физике, но и в языках, в химии, биологии, истории, литературе... На этом фоне вы становитесь для нас примером, как надо руководить классом, воспитывать. Но, оказывается, для меня теперь ясно, что эти успехи – не ваша заслуга...

– Что вы хотите сказать, чьи же это заслуги?

– Я знаю Михаила Михайловича... Ой, какого учителя, настоящего Учителя мы отстранили от себя. Это его заслуги, и вы даже не знаете об этом. Простите, пожалуйста, прервал вас...

– Десятиклассники представили меня ему, и я объяснил, зачем его разыскиваю. Он добродушно улыбнулся, пожал мне руку и сказал: «Хорошо!» С этой минуты мы подружились.

На все мои вопросы он отвечал безо всякой уклончивости, но сколько я ни общался с ним, не было ни одного случая, чтобы он жаловался на кого-либо, вспоминал кого-либо из вас недобрым словом.

Размышления философа:

«Он был как дирижер.

И мечтал создать оркестр и сыграть с ним симфонию.

Симфония эта была написана на классическом языке педагогики добра и любви, духовности и гуманности.

И она должна была быть исполнена в школе – в классах и кабинетах, в коридорах, залах, в учительской,

всюду, где только находились его главные слушатели – дети.

Искал оркестрантов-исполнителей, то есть учителей с вдохновением. Он был похож на Диогена, который с зажженной свечой среди бела дня ходил по улицам и на вопрос людей, не ослеп ли он, зачем ему зажженная свеча, отвечал: „Ищу Человека...“

Он подходил к учителю, протягивал руку, дарил улыбку, предлагал дружбу и искал в нем возможного союзника в своих намерениях. И, наверное, с грустью мог бы тоже сказать: „Ищу Учителя...“

Не было ответного приветствия и ответной улыбки.

Каждый предпочитал оставаться рабом своей частной свободы и исполнять в одиночку привычные мелодии раздражения и возмущения, недовольства и гнева и не хотел даже понять, какую он мог бы обрести свободу в оркестре, исполняя симфонию счастья.

„У нас в школе хороший педагогический коллектив!“ – кичится иной директор.

Пусть даже каждый в совершенстве владеет своим инструментом, но от этого коллектива в школе гремит какофония, от которой всем плохо – и учителям, и ученикам.

Но если возвысится педагогический коллектив до педагогического ансамбля и сыграет этот ансамбль симфонию любви к Небесам, к Жизни и Детям, то мы увидели бы Истину образования.

Но учителя, привыкшие к самости, не поняли и не приняли идею ансамбля и симфонии».

– Когда я встретился с ним два месяца тому назад, он ещё жил, так сказать, на своей «старой квартире». Я напросился, и он неохотно, – «Ну что же», – сказал он, – пригласил меня к себе. Вот я показываю на экране его «квартиру». Это подвал под многоэтажным домом. Он не имеет окон, нет воды и канализации, но проходит труба горячего отопления, что и сохраняет температуру зимой. Площадь подвала – 15 квадратных метров. В такой «квартире» – чистота и порядок.

После того как вы уволили его из школы, он был вынужден оставить однокомнатную квартиру, которую снимал в том же доме, – не мог дальше платить аренду. Хозяйка, бедная старая женщина, любила его, она бы бесплатно отдала квартиру, но сама была без средств существования. И Михаил Михайлович не мог себе позволить такое. Старушка нашла выход: предложила ему

свой подвальчик бесплатно.

Вообще-то у Михаила Михайловича была когда-то своя трёхкомнатная квартира в кооперативном доме в спальном районе города. Но случилась беда: один из соседей открыл все четыре конфорки газовой плиты и покончил собой. Газ взорвался, разрушив весь дом. Многие погибли. Была зима. Оставшихся в живых поставили на учёт для предоставления жилья. Когда дошла очередь до Михаила Михайловича, он узнал, что за ним следует вдова с двумя маленькими детьми, и уступил им своё жильё. В следующий раз за ним оказались больные пенсионеры – муж с женой, и он опять уступил. Потом был участник Великой Отечественной Войны, и он не мог не пропустить его вперёд. Всё это время, находясь в очереди, он жил в арендованной квартире у упомянутой бабушки. Через два года администрация округа прекратила предоставлять жильё оставшимся в очереди, и таким образом Михаил Михайлович стал бездомным.

Он не жалуется на свою подвальную жизнь.

Пока я находился у него в гостях и он, – не знаю, каким способом, – готовил чай, в подвал вошёл мальчик, тот самый, который учился в нашей школе и которого теперь разыскивает полиция. Мальчик, увидев чужого, то есть меня, собрался скрыться. Но Михаил Михайлович успокоил его, сказав, что я не за ним.

Какая-то часть жизни мальчика вам уже известна.

Я расскажу вам о другой части.

Мы с ним подружились. Его имя Богдан. Мальчик сказал мне, что он видел меня в школе, знает, что я учитель.

О Богдане я узнал следующее. Михаил Михайлович познакомился с ним в парке: мальчик с интересом наблюдал за странными зарисовками на песке и спросил, что это такое.

Старик взглянул на него и сказал:

– Я тебя знаю.

На что мальчик ответил:

– Я тоже узнаю вас – вы учитель той школы, где я учился.

– А теперь не учишься там, перешёл в другую?

– Нет, я бросил школу и из дому тоже убежал, – доверчиво сообщил мальчик.

– А чем ты сейчас занимаешься? – спросил Михаил Михайлович.

– Ничем... Бродяжничаю... – ответил мальчик.

– Я слышан о тебе. Значит, ты и есть пропавший мальчик, которого зовут Богдан, верно?

– Да, уже месяц...

– Ты знаешь, что тебя разыскивает полиция?

– Нет! – произнёс мальчик испуганно. – И что они сделают, если найдут меня?

– Вернут к родителям и в школу, – ответил Михаил Михайлович.

– А я не хочу возвращаться к родителям. И в школу не хочу.

И Богдан, доверившись Михаилу Михайловичу, рассказал то, о чём вы уже знаете.

В общем, они подружились, и так как мальчик ночевал где попало и ел что попало, Михаил Михайлович предложил ему жить у него в подвале.

Михаил Михайлович понимал, что вернуть мальчика в семью или устроить его в детский дом будет не в пользу Богдана. А как по-другому решить его проблему, тоже не знал. Потому мальчик какое-то время жил с ним вместе в подвале. Но сейчас условия у них совсем другие.

У мальчика с Михаилом Михайловичем особая жизнь.

Утром рано у них начинаются занятия. Они вместе читают самую изысканную детскую и классическую художественную литературу, – не буду перечислять названия книг, их много. Читают и размышляют. Потом занимаются математикой. Мальчик проявляет невероятные способности, потому он уже возвысился до сфер алгебры и геометрии, решает сложные уравнения и может доказать теоремы Эвклида. Каждый день по вечерам они философствуют о жизни, о космическом бытии. Учитель помогает ученику в развитии письменной речи, я читал пару прекрасных рассказов Богдана из жизни его семьи. Но особо любимым увлечением для обоих является физика. Началось с того, что при первой встрече в парке на вопрос мальчика: «Что это за изображения на песке?» – Михаил Михайлович сразу обнаружил, что третьеклассник Богдан на лету схватывает его объяснения. С тех пор мальчик постоянно пристаёт к Михаилу Михайловичу поговорить с ним о физике. Вначале тот рассказывал ему об интересных физических явлениях, но сейчас они как два физика обсуждают теории, ставят воображаемые эксперименты, решают задачи.

Я физик и долго разговаривал с Богданом. Хотел выявить, что он знает по предмету, но был сконфужен: с ним по проблемам физики надо говорить на равных. И лишь после этого я узнал, что у мальчика свои взгляды и предположения в квантовой физике, где я считаю себя специалистом. Он свободно мыслит о макро– и микромирах, сравнивает их, находит нечто общее, выводит формулы. Он говорит об этих мирах так, будто воочию их видит: переводит микромир в состояние макромира, а макромир – в состояние микромира. Без преувеличения могу сказать: в Богдане

необычный талант к физике.

Я попытался выразить восхищение самим учителем, но Михаил Михайлович сказал мне: «Да, я был учителем для него первые три-четыре месяца, а теперь мне трудно сказать, кто кому учитель. Скорее, мы уже коллеги и оба учимся друг у друга». Но Богдан обращается к Михаилу Михайловичу не иначе как «Учитель!» Он почитает своего учителя, любит его, верит в него. Учитель для него – сама жизнь. Поймите, пожалуйста, полный смысл этого выражения.

Реплика «философа»:

«Из восточных книг:

„Маленький индус, познавший Учителя“.

Мы спросили его:

– Неужели солнце потемнеет для тебя без Учителя?

Мальчик улыбнулся:

– Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будет светить двенадцать солнц!»

– А учитель уже гордится будущими открытиями своего Ученика. Так Ребёнок Света нашёл своего Учителя Света. Так в подвальной «квартире» зреет талант Ребёнка, сбежавшего от родителей и школы и прячущегося от полиции.

Я спросил Михаила Михайловича, на что они живут.

Он объяснил мне, что через интернет ведёт консультационную работу для физиков, предлагает им идеи, за что получает небольшое вознаграждение. Кроме того, помогают соседи, живущие в этом доме. Есть муж с женой, старые больные люди. Раз в неделю они с мальчиком убирают им квартиру, ходят за покупками, сопровождают при прогулках. Они ничего у них не просят, но те полюбили их и добровольно делятся то деньгами, то чем-то другим. Мальчик на эти деньги покупает книги по физике.

Я ещё спросил его, не пробовал ли он работать в другой школе учителем физики.

«Почему, пробовал, – сказал он, – и, наверное, приняли бы, но на другой день, когда я иду получать назначение, мне говорят, что обстоятельства изменились. Я, конечно, понимаю, в силу чего обстоятельства меняются...»

Он не досказал мысль, но я и так понял: директора других школ наводят справки, откуда и почему он уволился, и кое-кто из этой школы даёт о Михаиле Михайловиче нелестные отзывы. Так перед учителем закрываются двери классной комнаты и физического кабинета.

Тем не менее, Михаил Михайлович полон надежд, что в скором времени начнёт работать в частной школе.

– Простите, пожалуйста, я чувствую перед Михаилом Михайловичем свою вину – я не защитил его, когда нужно было. Потому совесть мучает меня. Он до мозга костей Учитель, действительно – от Бога Учитель... Он нужен нашим ученикам. Обращаюсь к новому директору: Василий Александрович, перехватите его, верните в школу.

– Два с лишним месяца тому назад, то есть в тот роковой день, Михаил Михайлович оказался на месте трагической гибели Марии Васильевны. Он был одним из свидетелей происшествия. Но я не о самом происшествии, а о том, что здесь зародился союз между бывшим мужем Марии Васильевны и Михаилом Михайловичем. Муж Марии Васильевны, Сергей Сергеевич, в разговоре Михаила Михайловича с полицейским услышал, что тот вроде бомжа. Ему понравился человек с белоснежной бородой, и он предложил незнакомому человеку – Михаилу Михайловичу – жить у него.

Михаил Михайлович взял с собой мальчика, они забрали свои книги по физике, самодельную доску, на которой решали свои уравнения, записывали формулы и зарисовывали схемы, и попрощались со своими добрыми соседями.

Квартира Сергея Сергеевича большая, несколько комнат, а он один.

Сам Сергей Сергеевич – человек великодушный, он полюбил мальчика и подружился с Михаилом Михайловичем. Вот уже два месяца они живут вместе, дружно и с пользой друг для друга.

Они пригласили меня к себе на чай, и я видел, как всем было радостно от совместного бытия.

Посмотрите на экран: на фотографиях вы видите праздник этой новой семьи.

После того как вы избавились от Михаила Михайловича, он много страдал. Но не от того, что так с ним поступили, а от того, что лишился своих учеников, лишился живой учительской жизни. А без этой жизни он не мыслил себя.

Шестиклассники, у которых он был классным руководителем, на следующий же день пришли к нему домой и заявили, что они его не покинут и хотят постоянно с ним встречаться.

Вначале он не знал, как быть, советовал детям отказаться от затеи. Но в дело вмешались родители. Они уважали Михаила Михайловича, доверяли ему и уговорили не отказывать ученикам в просьбе. Так как они понимали, что руководство школы будет недовольно встречами учеников со своим любимым, но уволенным учителем, то решили держать это дело в секрете. Отец одного ребенка, бизнесмен, имеющий свой офис, предложил им зал, хорошо оборудованный техникой и мебелью. Было ещё одно

условие, которое выдвинул Михаил Михайлович: он будет встречаться с учениками и проводить с ними занятия на добровольных началах, без всякого вознаграждения, и пусть родители даже не думают предлагать ему что-либо в виде денег или подарков.

На том и порешили.

Тогдашние шестиклассники теперь в десятом классе. В течение всех этих четырёх лет они постоянно, два раза в неделю, – скажу точнее, по пятницам и субботам, – встречаются в офисе папы-бизнесмена.

Но что это за встречи?

Практически создан новый тип школы одного Учителя, как бывает театр одного актёра. Михаил Михайлович разработал специальную программу духовно-нравственного и познавательного развития своих учеников, вручил её каждому, попросил обсудить вместе с родителями и внести свои пожелания.

И начались встречи.

Ребята философствуют о жизни и нравственности, о духовном мире, о судьбе человека, о Боге, о любви, о великодушии и благородстве, о жизни без чувства собственности, о будущем... В общем, о многом. Учитель философствует вместе с ними и направляет каждого в определении собственного мировоззрения, смысла жизни, помогает каждому искать в себе свой путь в жизни, свою миссию. Ребята учатся читать философские книги, уже в восьмом-девятом классах в их речи зазвучали имена философов от Сократа до Бердяева и Мамардашвили.

Они говорят о науках, о горизонтах наук. Устраивают симпозиумы и научные конференции, обсуждают новые открытия, готовят и читают лекции на разные научные темы. Конечно, Учитель имеет свои тонкие намерения: сделать мышление молодых многомерным, голограммным; помочь научиться мыслить, опираясь на понятие духовности. Он старается, чтобы в законах природы – химии, биологии, физике – ученики познавали гармонию и красоту строения материального мира, но также обнаруживали связь этих законов с духовным миром человека. Он придумывает задания и задачи, решение которых требует не только знаний и логики, но и проявления чувствознания, догадливости, наблюдательности.

Учит он их дружбе и преданности и всячески старается лишить чувства зависти, ненависти, собственности, самости, гордыни, вражды. Готовит он их для создания семьи на почве любви, для материнства и отцовства, знакомит с идеями гуманного воспитания детей в семье. Воспитывает в них культуру

общения с окружающими: с родителями, учителями, друг с другом, с незнакомыми.

В этих встречах каждый находит возможность проявить и утвердить себя, проявить свой талант и необычность.

Среди них есть один, талантливый химик, открывший новое соединение.

– **Скажите, пожалуйста, кто он?**

– Есть поэт с утончённым вкусом, владеющий образным словом.

– **Назовите его...**

– Есть композитор, написал кантату, называется «Учитель».

– **Композитор в классе? Впервые слышу...**

– Есть один, который способен материализовывать мысль.

– **Это ещё что такое?!**

– Есть математик, увлекается геометрией Лобачевского и тоже создал свой воображаемый мир, в котором складываются совершенно другие геометрические реалии.

– **Назовите этих детей... Кто они?**

– Ну конечно, есть несколько физиков, все они заняты поиском живого вещества в костном теле.

– **Удивительно...**

– **Вы же руководитель класса! Вы знаете, кто эти ученики?**

– **По-моему, в моём классе нет таких, это, наверное, ошибка.**

– Есть один, который обнаружил в себе знание мёртвого языка. Составляет словарь этого языка, пишет тексты со старинными знаками, старается определить грамматику...

– **Вы это серьёзно?!**

– Да, конечно, я видел этих ребят, я с ними общаюсь...

– **Почему не хотите назвать их имена?**

– А зачем мне называть их, вы сами, учитель физики или языка, химии или биологии, не можете определить таланты ваших учеников и помочь им развиваться?

Мне пришлось уговаривать родителей, учеников и самого Михаила Михайловича разрешить мне рассказать вам об этих встречах, которые они скрывали от вас четыре года.

Мне нужно прямо сказать вам правду, только не примите это в обиду. Обращаюсь к тем учителям, которые ведут в этом классе разные предметы: теперь вам понятно, уважаемые коллеги, почему вам легко работать с этим классом? Они учатся успешно не потому, что вы их вдохновляете или превосходно объясняете, а потому, что их Учитель возвращает в них устремлённость. Вы же видите, какую они проявляют воспитанность, культуру общения,

терпимость, творчество. Но не потому, что вы их такими воспитываете, а опять-таки потому, что Учитель напутствует их на духовно-нравственную жизнь. Это правда.

– А я что говорил? Михаил Михайлович – великий Учитель, нам надо учиться у него быть учителями.

– Вы же руководитель класса, скажите что-нибудь!

– Почему вы хотите очернить труд учителей в этом классе? Они учителя опытные, владеют методикой...

– Уважаемый коллега!

Мы с вами ищем путь совершенствования нашей педагогической жизни. А правда – это единственный путь поиска. Не надо обижаться, а лучше задуматься, как дальше быть.

Чтобы глубже понять педагогическую жизнь Михаила Михайловича, нам нужно будет вспомнить хотя бы о некоторых событиях из его пятнадцатилетней работы в школе. Я изучил это прошлое с помощью трёх источников.

Первым источником были беседы с вами, с теми из вас, кто был свидетелем его деятельности. Здесь я наткнулся на такое обстоятельство: некоторые из вас толком не знают, к чему Михаил Михайлович стремился, что он творил, к чему других призывал. Говорили об этих вещах не как непосредственные очевидцы, а понаслышке. Другие откровенно признавали, что произошло какое-то недоразумение, его увольнение было ошибкой; его любили ученики, уважали родители, он вводил в свою практику методы гуманной педагогики; зачем нужно было его увольнять? Другие же говорили о нём как о человеке несговорчивом, нетерпимом, не понимающем жизнь; это из-за него школа лишилась имиджа в верхах, нас начали проверять, а потом сняли с должности директора и его заместителей.

Вторым источником для меня были рассказы бывших учеников Михаила Михайловича и их родителей. Здесь я встретил полное единодушие: все они любили и уважали своего учителя, восхищались его способностью убеждать и увлекать, его уникальными уроками, которые он превращал в творческую лабораторию; говорили они о том, что в общении с ним постигали культуру, смысл жизни, каждый чувствовал себя личностью. Все они возмущались произволом властей, ибо такого учителя увольнять – значит вредить образованию.

Третий источник, который дал мне дополнительную информацию о Михаиле Михайловиче – это интернет. Там я нашёл его статьи по педагогике и по физике, ссылки на него. В них Михаил Михайлович выглядит как педагог-мыслитель и учёный-физик.

Все эти источники вместе взятые помогли мне создать в себе

свой образ Учителя, который пришёл к вам, так сказать, со своим уставом гуманной педагогики, что для вас было неприемлемо и, откровенно говоря, вы не захотели разобраться в этом «уставе». А его кипучая творческая жизнь с детьми встревожила вас.

Он пришёл из научного мира физики со своим принципом дополнительности в педагогике. Это фундаментальное понятие для физиков, утверждённое Нильс Бором, помогло Михаилу Михайловичу иначе взглянуть на проблемы образования. «Противоположность суть дополнительности» – говорят физики. Михаил Михайлович рассказал мне о такой истории.

Бор однажды сказал:

– Нельзя одновременно смотреть глазами любви и справедливости.

Он сказал это в связи с тем, что понял: не способен наказать провинившегося сына.

Его спросили:

– Что дополнительно понятию истины?

Бор ответил:

– Ясность.

Один коллега рассказал мне: в коридоре школы Михаил Михайлович стал свидетелем драки двух семиклассников, не его учеников. Он встал между ними и получил неожиданный удар от одного из драчунов. Он улыбнулся (обычно учителя так не поступают), драчуны опешили. Он взял каждого за руку и подвёл к подоконнику, то есть отвёл их в сторону.

– Давайте сперва внесём ясность, – сказал он им.

«Ясность» для него не означала: кто виноват, кто первым начал, из-за чего драка, знают ли драчуны, где они находятся и т. д. и т. п. Так, по всей вероятности, поступил бы любой обычный учитель.

Он дал им чуть-чуть успокоиться, и продолжил:

– Внесём ясность: после драки вы на всю жизнь останетесь врагами друг друга или помиритесь со временем?

Каждый, преодолевая в себе злобу, процедил:

– Помиримся.

– И что лучше: мир или вражда?

– Мир, – сказал каждый, уже успокоившись.

– Стоит ли откладывать дружбу на будущее, если ей хочется торжествовать здесь и сейчас?

Мальчики улыбнулись.

– Не стоит! – сказали они, краснея.

– Вот и ясность! – и он соединил их ладони.

Ученики Михаила Михайловича не помнят ни одного случая, когда он кого-либо наказывал.

Принцип дополнительности помог ему разрешить противоречие между так называемыми стандартами образования и образами фантастики. Стандарты, говорил он, это уложенные в дорожном сундуке знания на всякий случай; образы фантастики – это помещенные в мыльный пузырь воображения. В качестве же мостика дополнительности он придумал понятие «знания горизонтов» и предлагал устремить сознание учеников к этим знаниям. Только после этого можно стоять на сундуке и выдувать мыльные пузыри с образами фантастики.

Вы, конечно, помните, как преуспевали его ученики в демонстрации своих знаний и способностей. Он не любил конкурсы, олимпиады, соревнования. Считал, что они препятствуют воспитанию чистоты нравов. Тем не менее был вынужден подчиняться приказам и, направляя своих учеников для участия в таких мероприятиях, напутствовал: «Вы ни с кем не соревнуетесь, только сами с собой». Ученики возвращались с грамотами, медалями, призами. Но учитель радовался не первым местам в конкурсах и соревнованиях, а их простоте и благородству. Медали и грамоты дирекция сразу выставляла на стендах. Они и сейчас там, их более ста. Но вот за последние четыре года – ни одной новой медали и грамоты.

Михаил Михайлович усматривал противоречие между чувством собственности и чувством нравственности. И то и другое, говорил он, прирождённые чувства. Но видим, что чувство собственности может стать губительным для человека, оно может побороть чувство нравственности. К счастью, в человеке есть также самое высшее состояние – духовность. И если взращивать и развивать в растущем человеке духовность, то она умиротворит в нем чувство собственности, равно как и чувство зависти, злобы, жадности и т. д. Она же – духовность – призвёт к деятельности чувства милосердия, доброты, радости и вообще возвысит нравственность до благородства и великодушия.

Из этих взглядов о принципе дополнительности проистекала вся творческая педагогическая практика Михаила Михайловича.

Он не был замкнутым человеком или собственником своих находок. Думаю, многие из вас могут вспомнить, как он приходил к вам и весьма осторожно, ненавязчиво предлагал какую-нибудь идею.

Литератору он, наверное, сказал бы: «Вы простите, пожалуйста, физика, который мало что понимает в литературе, но осмелюсь проверить свои догадки через ваш талант. Скажите, правильна ли такая мысль: литература призвана вызвать в читателе благородные переживания, перетекающие в благородные мысли, или, наоборот, вызвать благородные мысли,

перетекающие в благородные переживания?».

Тем самым он бы предложил идею о том, как сделать литературное образование личностно направленным и как отходить от безжизненной методики запоминания и изложения.

Математику он мог бы сказать: «Вы понимаете, коллега, из математики для своей физики я взял мысль Лобачевского о „воображаемой геометрии“. Вот и предлагаю своим ученикам создать в себе воображаемые физические миры с другими, чем на планете Земля, условиями и описать физические явления, наблюдаемые в них, поведение элементарных частиц в них... В общем, я делаю учеников творцами своих планет, солнечных систем и галактик, творцами своего микромира. А вы как думаете? У меня тоже есть своя галактическая система. Ученики дали мне задание сделать научное сообщение о её свойствах и показать компьютерную модель...»

– Простите, прерываю вас. Я этот учитель математики, кому он действительно говорил такое. Я попытался воспользоваться его советами. Мои ученики тоже строят воображаемые геометрические миры, они увлеклись геометрией Лобачевского... В общем, это чудесно. Он ещё и другие советы давал мне. Уговорил участвовать в Международных Педагогических Чтениях... Я был поражён... Спасибо, что заговорили об этом...

– Я рад, что вспомнили.

Михаил Михайлович до школы работал в институте физики. У него есть свои научные открытия в этой области. Потом как-то неожиданно для своих учёных-коллег бросил работу в институте и пришёл прямо к вам, узнав, что у вас есть вакансия учителя физики. Я сейчас выдам одну его тайну, о которой сам узнал в институте физики: кто-либо из вас знает, что он доктор физических наук, профессор?

– Да?!

– Не может быть...

– Зачем тогда он пришёл в школу, что он здесь потерял?!

– Значит, не знали!

Он, видите ли, скрывал свои степени и звания! По закону предполагается доплата к зарплате за звание и степень. Но он не представил в бухгалтерию нужные бумаги, чтобы тем самым не выдать себя. Когда я спросил его, почему он утаил свою учёность, он ответил: «А я хотел быть в школе как все».

– Он не говорил вам, почему вдруг так сразу бросил науку и пришёл в школу?

– Да, говорил.

Это можно объяснить мистически, можно и

материалистически. Сам же считает, что к нему пришло откровение. Дело в том, что он увидел сон, к нему явилась Дева Мария и сказала, что его ждут дети. «Ты родился, чтобы умереть Учителем», – сказала она. Хотя он достиг успехов в науке, тем не менее всегда был как-то недоволен тем, чем занимался. Он человек верующий и считает, что вера есть ядро духовности, и науки будут развиваться успешнее, если учёный мир приложит к своему сознанию веру в Бога. Может быть, сравнение будет не совсем корректным, но очень схожим: так же во сне пришло откровение к Марии Монтессори, врачу по профессии – во сне явилась ей Дева Мария и поручила заняться воспитанием детей. После этого она и создала свою известную систему воспитания маленьких детей, которой сейчас пользуется весь мир.

Михаил Михайлович проснулся вдохновлённым и воодушевлённым – он понял, для чего рождён и чего ищет. Не успел он принять ванну, как позвонил друг-однокурсник, работающий в школе учителем физики. «Слушай, – сказал он, – завтра в Москве открываются Международные Педагогические Чтения. Они ежегодные и служат развитию идей гуманной педагогики. Хотя ты большой учёный, но почему-то я подумал, что тебе будет интересно...»

Михаил Михайлович был поражён. Он не дал другу договорить и сразу спросил:

– Где это? Когда начало? Есть приглашение?

– А ты послушай, – предупредил друг, – тема Чтений какая-то странная, не научная, так что потом не ругай меня!

Действительно, семьсот участников Чтений три дня обсуждали «ненаучную» тему – «Улыбка моя, где ты?»

«Нет, здесь наука, но совершенно иная, наука сердца, наука мудрости», – думал Михаил Михайлович и не мог скрывать свою радость, что его выбор быть Учителем нашёл своё направление, именуемое гуманной педагогией.

С тех пор и до сегодняшнего дня его жизнь вплелась в движение гуманной педагогики. Он изучил труды классиков педагогики и философии, труды современных авторов, в своей школьной практике воплощал принципы гуманной педагогики. У него рождались идеи и концепции, которые он предлагал вам и руководителям школы.

Стал участником всех последующих Чтений, выступал на них с сообщениями. Его заметили. На Чтениях по теме «Спешите, дети, будем учиться летать!» он провёл мастер-класс, показав урок с горизонтами знаний и духовным началом. Участники были восхищены искусством творения необычного урока. На этих же Чтениях международное жюри признало в нём Рыцаря Гуманной

Педагогики и вручило золотой значок – «Сердце и Лебедь». И сейчас тоже, все эти четыре года, он не пропустил ни одних Чтений и в движении Гуманной Педагогики признан одним из лидеров.

– ***Странно, почему мы так мало знали о нём?!***

– Он вас тоже приглашал стать участниками Чтений, но вы не отзывались.

А как он пришёл в школу?

На тех Чтениях об улыбке друг сказал ему неожиданно, что в одной школе ищут учителя физики и не мог бы он направить туда одного из своих аспирантов, хотя бы временно молодой человек может подрабатывать.

Но вместо аспиранта в школу пришёл он сам.

Каким он был учителем в школе?

Он сразу стал деятельным участником всех методических собраний, независимо от предмета.

Надеюсь, вы помните, какие он предлагал вам новые идеи и опыт. Он охотно ходил к вам на уроки и всегда был рад пригласить вас на свои. На уроки он приглашал даже родителей. Такую его затею вы не одобряли, считали, что родителям не надо показывать учительскую кухню, не надо их допускать к обсуждению работы учителя с классом, их не надо выслушивать на равных. Но у Михаила Михайловича родители сами напрашивались на уроки, ибо, с одной стороны, они находили там ответы на многие вопросы семейного воспитания; с другой стороны, радовались за своих детей, которым посчастливилось иметь такого искусного учителя.

На его родительские собрания обычно приходила вся семья, и вместе с детьми вёлся разговор о взаимоотношениях, взаимопонимании и самовоспитании, о благородстве и великодушии. Восьмые Международные Педагогические Чтения посвящались теме «Истинное воспитание Ребёнка – в воспитании самих себя». Он пригласил всех родителей участвовать в чтениях, а потом, собрав их, провёл с ними откровенный разговор: как важно возвыситься каждой маме, каждому папе до примера благородства и великодушия ради своих детей. Его педагогическая система включала не только воспитание учеников, но и совершенствование семьи и семейных взаимоотношений. Как вспоминают бывшие ученики и родители, каждая их встреча с Михаилом Михайловичем была для всех них жизненным уроком, она поселяла лад и гармонию в семье.

Никто из учеников и родителей не смог мне объяснить, как и когда произошло, что к Михаилу Михайловичу начали обращаться не по имени и отчеству, а просто «Учитель». Так

обращались к нему и ученики, и их мамы, и их папы. Так знали его все ученики школы. При этом в слово «Учитель» они вкладывали своё почтение к нему, уважение, любовь, веру и доверие, надежду. В связи с Михаилом Михайловичем обращение «Учитель!» становилось понятием святым.

Учитель!

Далее, называя его, я тоже буду применять это нарицательное имя, тем более что, общаясь с ним, я действительно постигал высокий смысл учителя, определил свой жизненный смысл и признал его своим учителем.

Возвращаясь к влиянию Учителя на облагораживание и возвышение семьи. Отец одного бывшего ученика рассказал мне такую историю.

«Я занялся частным бизнесом и скоро увидел, что богатею. Это ударило мне в голову, я вообразил, что, в отличие от всех других, я особая персона и имею большие права и власть над другими, в первую очередь над членами семьи и сотрудниками: все должны были смотреть мне в глаза, угадывать и исполнять мои желания, подчиняться мне, обслуживать. „Ведь я владелец состояния, они зависят от меня, я их кормлю, содержу, без меня они пропадут!“

До того дружеские отношения со своим единственным сыном сменились с моей стороны на начальственные. Первые конфликты с ним я заглушил угрозами, что, мол, он может лишиться моей материальной поддержки и даже наследства.

Далее, как обычно бывает с такими легкомысленными богатыми, как я, завёл смазливую секретаршу, затеял с ней роман, и семья приблизилась к грани развала. Я уже не замечал, как взрослеет сын.

В один из этих критических дней в моей жизни прихожу в офис и вижу, что в приёмной ожидает меня Учитель. Последние два года я не ходил на родительские собрания, забывал, в каком классе мой сын учится – в седьмом или девятом. Конечно, забыл и об Учителе тоже. Сразу не узнал, встретил свысока, подумал, что тот пришёл просить у меня денег. Он понял, что я его не узнаю, потому вежливо сказал:

– Я учитель вашего сына.

– Да-да, знаю вас, проходите в кабинет, – сказал я, демонстративно посмотрел на часы и обратился к своей смазливой секретарше: „Через пятнадцать минут вызовите машину“. Так я намекнул Учителю, что у меня каждая минута рассчитана, я очень занятой человек.

Учитель не обратил внимания на моё чванство, присел в кресло и сказал:

– Садитесь, пожалуйста, передо мной.

Он не спешил заговорить. Испытующе смотрел мне в глаза, видимо, изучал меня – нынешнего.

– Что вас ко мне привело, Учитель? – спросил я настороженно. Конечно, я понял, что он не пришёл ко мне что-то просить.

Он просверлил меня взглядом, проникнув прямо в душу. Но внёс в неё не смятение, тревогу, а какое-то чувство заботливости. Я вырос без отца и теперь впервые почувствовал, что со мной будет говорить мой отец и этот разговор изменит мою жизнь.

Он начал говорить медленно, спокойно, но на меня влияли не только слова, а голос, в котором звучала забота и озабоченность. Он сказал:

– Пришёл, чтобы задать вам вопрос, ответ на который поможет мне выстроить воспитательные отношения к Паше.

Паша – мой сын.

Он опять выдержал паузу, и потом, глядя мне в глаза, сказал:

– Вы любите вашего сына?

Я обомлел, ибо он спрашивал на полном серьёзе, а не риторически.

– А в чём дело, Учитель? – спросил я.

– Мне это необходимо знать! – твёрдо сказал он.

– Люблю, конечно!

Тогда он сказал мне:

– Послушайте, что я вам скажу...

Он встал, я тоже. Он не прекращал смотреть мне в глаза.

– Понимаете, – сказал он, – дело очень серьёзное, очень... Вы сказали, что любите Пашу, а теперь проверьте вашу любовь... – он начал чеканить каждое слово, давая им звучать мудростью веков:

«Любовь долготерпит,
Милосердствует,
Любовь не завидует,
Любовь не превозносится,
Не гордится,
Не бесчинствует,
Не ищет своего,
Не раздражается,
Не мыслит зла,
Не радуется неправде,
А сорадуется истине.
Всё покрывает,
Всему верит,
Всего надеется,

Дал мне наполниться смыслом этих золотых слов и сказал:

– Он любит вас так... Вы тоже так его любите, или как-то по-другому, по-своему?

Он посмотрел на свои часы, но не потому, что показывал, что у него тоже минуты рассчитаны. Он действительно спешил, ему надо было воспитывать моего Пашу, а мне, видите ли, деньги надо делать. Для меня время – деньги, для учителя время – спасение души ребёнка.

– С нетерпением буду ждать вашего ответа! – сказал он и направился к выходу. Перед тем, как открыть дверь, он обернулся и спросил, – А вы знаете, сколько ему лет сейчас? – и, уловив замешательство на моём лице, добавил, – ему на днях исполнится восемнадцать лет, и он в одиннадцатом классе!

Учитель вышел.

Я стоял как вкопанный.

Боже, моему Пашику исполняется 18 лет!.. Ещё пара месяцев, и он закончит школу! Куда мои глаза глядели? Учитель сказал, что ждёт моего ответа, конечно, не слов: „Да, я люблю своего сына!“ – с каким отцовским жаром я бы их ни произносил. Он ждёт совсем другого ответа – ответа в делах, когда любовь не превозносится, не бесчинствует, не ищет своего... Меня поразила правда, которую я открыл в себе – с такой любовью я не люблю ни сына, ни жену, никого! Боже, прости меня, до чего же я опустился! И я принял решение – возродиться в любви! Моё решение доставило мне чувство собственного достоинства, оно преобразило меня. В тот же день я нашел в себе мужество и исповедался перед своим сыном, перед женой, в семью вернулась радость.

Позже, спустя года три, я узнал, что сын мой из-за семейной драмы и разрушения любви стоял на грани суицида. Вот от чего спас нашу семью Учитель!»

Учитель был особым руководителем класса. Он два раза принимал детей с пятого и доводил до выпуска. Третий раз он успел поработать с детьми в пятом и отчасти шестом классах, а потом был уволен. Я изучил архивный материал по успеваемости и жизни детей в школе и составил сравнительную таблицу. Представляю вам некоторые свои обобщения.

По просьбе Учителя дирекция заранее намечала первый класс, который с пятого пошёл бы дальше под его руководством. Время от времени Учитель навещал малышей, проводил с ними развивающие занятия, беседовал о добрых делах, участвовал в

родительских собраниях.

В первом случае учительница начальных классов приняла такое сотрудничество с Учителем. В архиве хранятся отчёты, в которых она сообщала завучу о плодотворном творческом сотрудничестве.

Но руководителем последующего первого класса была Мария Васильевна. Она потребовала от завуча, чтобы тот запретил будущему руководителю «вмешиваться» в дела нынешнего. Мне жалоба учительницы показалась странной: в ней не объясняется, в чём проявляется вмешательство, ибо Учитель этого делать не умеет. Видимо, Мария Васильевна ревновала к Учителю, которого дети быстро полюбили.

Принимая пятый класс для руководства, Учитель собирал родителей вместе с детьми и объяснял им принципы своей работы. Тем самым он объединял усилия всех и направлял к цели воспитания – Человек Благородный и Великодушный.

Ему сложнее было так же объединять усилия тех коллег, которые тоже входили в класс со своими уроками литературы, языка, истории, географии, биологии, химии и т. д. Учитель предлагал им создать маленький педагогический ансамбль – секстет, квартет, хотя бы трио – и вместе вовлекать детей в мелодии добра, любви и познания.

Но коллеги уклонялись от такого единения. Каждый хотел дудеть в свою дудочку и играть свою литературу, свою историю, свою биологию, не желая прислушиваться к мелодиям других. И получалось, что вместо педагогической симфонии дети оглушались педагогической какофонией. Это возмущало детей, и порой возникали острые конфликты с учителями.

Один из вас, раздражённый тем, что ему не досталась директорская надбавка, взял и искусственно занизил отметки по своему предмету каждому ученику. И так как Учитель не смог уговорить коллегу исправить свою ошибку, ученики всем классом пошли к директору с просьбой перепроверить их знания. Директор создал независимую комиссию и велел провести строгие контрольные. Строгость комиссии не помешала детям проявить свои действительно хорошие знания. Почти всем достался высокий балл. Члены комиссии объяснили результаты прекрасной работой учителя, но сами ученики утверждали, что работа предметника ни при чём, уроки его скучные; они сами проявляют усердие, ибо ценят знания.

После этого конфликта предметник покинул класс. А сама история вызвала среди учителей разные толки. Говорили, что Учитель сам направил учеников с «жалобой» на своего учителя, но этого не было. Он только учил детей облагораживать жизнь

вокруг себя, делать её справедливой. А ученики сами воспользовались наставлениями и защитили себя.

Пятые классы, которые принимал Учитель под своё руководство, вначале ничем особенным не отличались от других параллелей: классы как классы. Но проходил год, и классы начинали проявлять себя многообразным творчеством, дружбой, общественной деятельностью. А в познании создавалось впечатление, что дети здесь были отобраны по признаку одарённости.

То, что дети учились успешно, учителя-предметники приписывали себе, своей методике. Но то, что их же ученики в других параллельных классах учились хуже, объясняли «тяжёлым составом контингента детей». Истинное же объяснение заключалось в следующем: Учитель, которому не удавалось уговаривать своих коллег применять в своей работе принципы гуманной педагогики, находил возможность убедить своих учеников учиться усерднее и, имея сам широкие познания, помогал каждому понять и освоить то, что так стандартно и авторитарно было преподнесено тем или иным предметником.

Обращаюсь к учителям, которые когда-то работали в классах Учителя: уважаемые коллеги, примите, пожалуйста, без обиды истину, что за вами стоял любимый Учитель, который поощрял учеников учиться у вас со всем усердием и быть к вам снисходительными.

Однако порой происходили отклонения. Очень неохотно напомним вам историю, произошедшую в седьмом классе.

Учительница английского языка вызвала к доске ученицу. Между ними отношения были натянутыми. Девочка запнулась в определении грамматических категорий. Учительница велела дать дневник. Но в сумке у неё дневника не оказалось. Учительница возмутилась.

– Подойди сюда! – приказала она девочке.

Та подошла. Учительница подняла чёлку девочки и, – пока та успела сообразить, что же учительница собирается сделать, – прямо на лбу красным фломастером написала: «Позорная единица», – и расписалась.

– Что вы сделали?! – изумились ученики. Им это не было смешно.

– Напоминаю вам, – сказала она строго, – что мои домашние задания надо обязательно выполнять, а также иметь с собой дневники. Иначе лоб каждого из вас станет вашим позорищем! Так она объяснила им свой «метод».

Девочка заплакала от стыда и унижения.

На перемене её увидел Учитель.

«Что с тобой?» – спросил он. И когда увидел на лбу девочки следы учительской злобы, призвал её доброе сердце к прощению и направил её в туалет, чтобы смыть надпись.

Но как только девочка сделала это и вышла в коридор, тут же столкнулась с той же учительницей.

«Ты смыла мою единицу?!» – гневно закричала она и, держа в руке шариковую ручку, силой задержала девочку и опять написала ей на лбу: «Позорная единица», – и, подписывая свой вердикт, исцарапала кончиком ручки лоб. Потекла кровь.

Но ей не было свойственно извиняться перед учениками, и она побежала дальше по коридору.

Ученики возмутились поведением учительницы, тем более что подобного рода «творчеством» она занималась часто: постоянно их оскорбляла, называла свиньями, стадом баранов, обезьянами. Позже факт стал достоянием прессы. В газетах писали, что учительница имела более 25 лет стажа.

Мысль «философа»:

«Как сделать, чтобы люди поняли: надо ценить не стаж, а опыт. Если учитель проработал в школе 25 лет и столько же раз повторял одно и то же, то это лучше назвать великим топтанием на месте. Но если учитель в течение стольких же лет находился в творческом горении, это иначе не назовешь, чем восхождением к истине. Пятилетний творческий опыт начинающего учителя может превосходить 25-летний стаж. Когда говорим, что учитель с большим стажем, тут же необходимо добавить „и опытом“, иначе стаж нельзя будет ставить в заслугу. Вообще лучше было бы сказать „Учитель с опытом“ и под словом „опыт“ иметь в виду поиск и устремление к новому. Но, к сожалению, такие словесные обороты пока не будут поняты обществом, ибо „опыт“ и „стаж“ в сознании многих неразличимы. Может быть, поможет понять это различие народная поговорка: „Мудрость приходит с возрастом, но иногда возраст приходит один“».

– Педагог поддерживает авторитарные методы обучения, – писала одна из важнейших газет, – что, к слову, не помешало ей занять третье место в городском конкурсе „Учитель года“. Однако коллеги-женщины подтверждали, что она резкая и эмоциональная».

Ученики сговорились не вмешивать в это дело любимого Учителя, а попытаться самим справиться. Они решили положить конец грубым, не этичным обращениям к ним учительницы

английского языка, а также трёх других учителей, которые тоже унижали их. Они написали просьбу на имя каждого учителя. Семиклассники писали:

«Уважаемый Учитель!

Мы бы хотели, чтобы наши взаимоотношения строились на любви и взаимном уважении. Но если Вы не можете нас любить, не хотите нас понять, ну что же, это ваше право. А мы обращаемся к Вам с просьбой соблюдать в общении с нами два условия:

1. Проявите к каждому из нас уважение и общайтесь с нами на равных.

Не надо нас унижать, оскорблять, высмеивать, кричать. Это Вас, как человека, который должен стать для нас идеалом, не украшает, а нас настраивает против Вас, что мешает нам успешно учиться.

2. Проявите больше ответственности и творчества в подготовке уроков для нас; нам нужны уроки воодушевляющие, возвышающие, радостные, а не скучные и однообразные. Мы хотим видеть Вас на уроке, олицетворяющим культуру и учёность.

Нас тридцать два Ваших ученика в седьмом классе, и каждый из нас подкрепляет эту просьбу своей подписью».

Первым, кому вручили прошение, был учитель биологии. Он вошёл в класс. Девочка, которой было поручено вручить учителю бумагу с просьбой, вежливо сказала:

– Уважаемый Семен Давидович! У нас к Вам просьба, пожалуйста, прочитайте.

Учитель удивился.

Окинул взором класс: дети доброжелательно ему улыбались.

Он сел за стол и погрузился в чтение.

Долго не поднимал головы, видимо, перечитывал прошение вновь и вновь.

В классе стояла напряжённая тишина.

Так прошло минут десять.

Потом дети увидели, как слёзы учителя закапали на их прошение.

Дети смутились, не понимая, что происходит.

Может быть, они причинили боль старому человеку со стажем в сорок лет?

Им тоже стало больно. Они вышли из-за парт и тихо его окружили. Та же самая девочка нежно дотронулась до его плеча и ласково произнесла:

– Семён Давидович, мы вас обидели? Простите, пожалуйста. Если хотите, верните нашу бумагу обратно.

Семён Давидович не стеснялся плакать перед детьми. Он

поднял голову, посмотрел на них и улыбнулся, и от этой улыбки у каждого затрепетало сердце – каждый почувствовал искреннюю любовь к нему старого учителя. И он, не обращаясь к ним, начал размышлять вслух:

– Боже мой, как же меня терпели дети, которые когда-то учились у меня? Я их оскорблял, я их высмеивал и унижал, обзывал, а они терпели меня и ушли с чувством, что я их не люблю. А я ведь любил их, но любил грубо... и они не поняли мою любовь. Как же мне сейчас перед ними извиниться, как искупить грех?

Слёзы опять капали на бумагу.

Он утих на несколько минут.

Потом как будто понял, где находится, и опять улыбнулся всем той же улыбкой.

– Что же, мои ласточки, – сказал он необычно тёплым, ласковым голосом, – вы правы. И я с этой минуты другой, принимаю ваши условия, ставьте и другие, все приму, ибо я без вас жить не могу и не хочу. Помогите мне выдержать, выполнить своё решение, а я помогу вам полюбить и меня, и мою биологию. Сейчас я постигаю свою учительскую мудрость: весь педагогический мир нужно строить на любви. Не как учить, а в первую очередь как любить. Любовь – та скала, на которой можно построить дом, и он не разрушится.

Девочки прослезились, слушая открытые мысли и чувства учителя, мальчики тоже расчувствовались, все они располагали к нему.

Он встал. Аккуратно сложил бумагу и положил в нагрудный карман.

– Знаете, что я сейчас сделаю? Разыщу вашего любимого Учителя и попрошу его научить меня, как любить каждого из вас.

Он направился к дверям и вышел, но тут же повернулся к ним и хитро спросил:

– Следующий урок у нас будет послезавтра, может быть, у кого-то этот день совпадает с днём рождения?

– Да, мне исполняется 13 лет, – сказал Игорёк.

– Вот тебе и подарю мой новый урок, если, конечно, он тебе понравится! – и он прикрыл за собой дверь.

До звонка оставалось ещё 5–7 минут. Ребята молча и спокойно обсуждали, как они встретят Семёна Давидовича послезавтра.

В тот день у семиклассников не было уроков трёх учительниц, в том числе и учительницы английского языка. Они положили свои бумаги в три конверта, и делегация из трёх ребят передала их адресатам.

Вскоре учительницы, как ужаленные, ворвались в кабинет директора. Они были в ярости.

– В чём дело?! – удивился директор.

– Вы это читали? – и каждая положила на стол свой конверт.

Директор достал из одного конверта бумагу и внимательно прочел. Затем достал бумагу из второго конверта, из третьего...

– Что это такое? – спросил он у учительниц.

– Видите, что делается за вашей спиной? Это класс «новатора» предъявляет нам ультиматумы! Что прикажете делать?

– Какое они имеют право жаловаться на учителей!

– Пусть ведут себя, как положено, как мы от них требуем...

– Надо закрыть этот седьмой класс, всех разогнать... пусть уходят в другие школы...

Женщины кричали, гневались.

Директор был озадачен.

– Вы не пытались поговорить с учениками или их Учителем? – спросил он.

– Что?! – вскричали они хором. И наотрез отказались говорить с этими негодяями.

– Вы давали им повод такое написать? – поинтересовался директор.

Возбуждённые женщины перебивали друг друга, выкрикивали, объясняли, обвиняли, доказывали. И из этой какофонии директору пришлось создать себе неполную, но достоверную картину.

Да, когда эти недоумки выводят тебя из терпения, не то, что повысишь голос, но и такое им врежешь, что на место каждого поставишь...

Да, ругали, кричали, обзывали, – ну и что?

Вызывали родителей, – а как же по-другому?

Да, ставили единицы и двойки, – а что, не ставить?

Не допускали на уроки, – а зачем, если опаздывают?

Это правда, что на лбу девочки фломастером... – а что, этот метод так мощно влияет!

Строгость и требовательность учителя – это норма педагогического воздействия – так было всегда, так будет всегда!

Ещё не хватало, чтобы мы извинялись перед недоумками!

Промойте им мозги!

Все это женщины потребовали от директора.

Давно надо было прогнать их Учителя со своими гуманными идеями.

А почему наша педагогика не гуманная? Нести ученикам знания – это не гуманная миссия? Принуждать лентяев учиться –

это не гуманно? Заставлять тугодумов прилагать усилия – не гуманно? «Авторитарность, авторитарность!» Авторитарностью воспитывались поколения, которые этот мир строят, из них вырастали учёные, писатели, артисты, министры, президенты... Все люди на земле воспитаны в авторитарной педагогике и нет ей достойной смены! Это всё выдумки и заблуждения – «новое мышление», «духовность», «гуманная педагогика», «развивающее обучение», «сотрудничество»...

Они грозились, что накажут бунтовщиков, они им покажут!

«Это не дети, а обезьяны и подонки...» – сказала одна.

«Они ещё увидят у меня!» – процедила другая.

«Тьфу, чего от них можно ожидать!» – брезгливо произнесла третья.

Директор не смог их успокоить, но как разрядить обстановку, тоже не знал.

В это время вошёл учитель биологии Семён Давидович, радостный, улыбающийся. Но обстановка в кабинете смутила его.

– Какое-нибудь ЧП? – осведомился он.

Директор протянул конверт.

Женщины продолжали гневаться.

Семён Давидович взглянул на бумагу из конверта и улыбнулся.

– А что тут смешного? – спросил директор.

– Сегодня на уроке ученики тоже вручили мне такую бумагу.

Женщины вдруг замолчали, все уставились на учителя биологии.

– Ну и как? – спросил директор с любопытством.

– Вы обругали их? Вы показали им? – злорадно спросила учительница английского языка.

Семён Давидович продолжал улыбаться, что было непонятно остальным.

– Я потому и зашёл к вам, чтобы сказать – у меня день рождения. Именно сегодня, после сорокалетней стажировки, во мне родился новый учитель... – сказал он.

– Можете говорить яснее? – раздражённо спросил директор.

– А что мне ещё сказать? Ученики сказали мне правду прямо в лицо, но отнеслись с такой нежностью, что я в умилении... Я понял, почему мне трудно давалось общение с учениками: я скрывал свою любовь к ним, и со своим бывшим партийным гонимым, – я же был секретарём райкома, – командовал над ними... Поздравьте меня, я другой учитель, иду по стопам их Учителя!

– Что-о-о?! – так зашипели женщины, что Семён Давидович от испуга вскочил со стула.

– Что с вами?! – спросил он в изумлении.

Женщины как ошпаренные выскочили из кабинета, а от одной из них до слуха мужчин долетели наполненные злобой слова: «Старый дурак...»

Слух о «требованиях» семиклассников молниеносно разнёсся по всей школе.

Вы, уважаемые коллеги, полагаю, помните, с какой страстью обсуждали этот инцидент в учительской, коридорах и кабинетах. Лишь двое или трое из вас защищали детей и их Учителя, остальные осуждали и Учителя, и его учеников.

В тот же день директор собрал всех вас для обсуждения создавшегося положения: а что, если с такими же «требованиями» (никто не говорил, что дети просили, а не требовали или ультиматумы выдвигали) обратятся к учителям ученики других классов – от младших до старших? Директор зачитал вам бумагу семиклассников и поставил перед вами вопрос: как быть?

Была прекрасная возможность выбрать путь обновления. Но этого не произошло.

Я прослушал четырёхчасовую аудиозапись этого собрания.

Почти каждый выступающий в разных вариациях утверждал одно и то же: ученики не имеют права жаловаться на своих учителей, ученики не имеют права спорить с учителем, ученики обязаны подчиняться воле учителя, родители обязаны воспитывать в своих детях дисциплину и уважение к старшим.

Это было не обсуждение, а возмущение.

Вы задели и гуманную педагогику, высказав своё отрицательное к ней отношение. Вы осудили поведение семиклассников и недоброжелательно отнеслись к Учителю, которого любили ученики. В аудиозаписи я слышал диалоги, которые состоялись между Учителем и коллегами. Вот один из них.

Учитель: Представим, что учитель накричал на подростка и обозвал его идиотом. Какая должна быть реакция подростка?

Коллега: Какая еще другая: он опускает голову в знак согласия и краснеет...

Учитель: А если он, в силу своего уязвленного самолюбия, даст отпор учителю?

Коллега: Он на это не имеет права.

Учитель: Но учитель ведь тоже не имеет права оскорблять Ребёнка?

Коллега: Он делал это ради него же самого, ради его воспитания.

Учитель: Получается, что оскорбление подростка вы считаете методом воспитания?

Коллега: А вы как думали?

Учитель: Я думаю совсем наоборот.

Коллега: Как вы не хотите понять, что ваша гуманная педагогика расшатывает школу...

Приведу ещё один пример подобного рода диалога.

Учитель: Если какой-либо подросток всё же потребует, чтобы учитель не оскорблял его, не обзывал, как этому учителю быть – извиниться перед подростком и прекратить его оскорблять, или же заставить его принимать оскорбления как право учителя?

Коллега: Нельзя, чтобы учитель извинился перед ребёнком, его авторитет должен быть неприкосновенным.

Учитель: Но как тогда быть?

Коллега: Если ученику не нравится учитель, пусть родители заберут его в другую школу.

Учитель: А если поблизости нет другой школы?

Коллега: Пусть переведут в другой класс.

Учитель: А если нет параллельного класса?

Коллега: Не надо приставать ко мне со своими дурацкими вопросами. Что вы в конце концов хотите, чтобы из школы ушёл учитель?

Учитель: Я хочу, чтобы каждый из вас был примером благородства и великодушия для своих учеников...

Коллега: Вы опять о своей гуманной, или туманной, педагогике. Выкиньте её из головы, она ввергает вас в заблуждение...

Наконец вопрос встал о том, как быть с семиклассниками и их «ультиматумом».

Кто-то сказал, что не надо никак реагировать, порвём эти жалобы и выбросим в мусор.

Кто-то предложил созвать родителей и потребовать от них, чтобы они промыли мозги своим чадам.

Кто-то робко предложил, что, если факты подтверждаются, надо всё-таки что-то предпринимать.

Учителя биологии, Семёна Давидовича, который хотел объяснить, как сам поступил, встретили с возмущением, высмеяли и посоветовали отказываться от добрых традиций. Но Семён Давидович стоял на своём.

Большинство склонялось к тому, чтобы провести с учениками разъяснительную беседу и призвать их к строгому порядку; если хотят учиться и закончить школу, пусть учатся, а не доносами занимаются.

Проведение разъяснительной беседы было поручено завучу.

Но завуч не успел на следующий день провести эту беседу,

так как произошло ещё одно чрезвычайное обстоятельство.

Учительница английского языка пришла к семиклассникам на первый урок в воинственном настроении. Ученики встали и молча приветствовали учительницу.

А потом всё и началось.

Сперва она обругала учеников за «бесстыдную пакостную жалобу», обозвала их «предателями» и «бездарными», пообещала, что они ещё узнают её.

После этого велела раскрыть тетради с домашними заданиями и двинулась их проверять. У всех тетради были раскрыты на пустой странице.

«Что это?! – возмутилась она, – Ни у кого нет задания? Это бойкот? Вот и получите за свой бойкот!» Она всем написала на пустой странице тетради крупные единицы и расписалась.

Потом захотела кое-что выяснить, и тут оказалось, что ученики сидят за партами как немые и ни на какие вопросы не отвечают. Это привело её в бешенство, и всё оставшееся время она ругала их и грозила будущим.

Сразу после урока она побежала к учительнице географии, которой делегация семиклассников тоже вручила конверт.

«Понимаете, что эти сволочи придумали: весь урок они сидели, набрав в рот воды и, наверное, с вами тоже так поступят. Неужели простим им такую дерзость? Придумайте что-нибудь!»

Учительница географии оказалась предупредительной, не без внутреннего желания обновить свои отношения с учениками. И когда на третьем уроке они пришли к ней в кабинет, то на доске увидели старательно выведенную цветными мелками запись:

«Дорогие ребята!

Приношу вам свои извинения за то, что порой была не сдержанна и оскорбляла вас. В действительности каждый из вас мне очень дорог. Давайте начнём дружить прямо сейчас, с этой минуты».

Дети подпрыгнули от радости. «Ура!» – закричали они, окружили улыбающуюся и тоже радостную учительницу, сказали «спасибо» и тоже извинились за причинённые обиды. Урок получился прекрасным, учительница была в ударе. Ученики поблагодарили её за урок, чего никогда не было в её жизни.

Вскоре после этого в школе произошло событие, о котором вам вспоминать не хочется. Оно связано с двумя девочками из восьмого класса, где Учитель вёл физику.

На четвёртый урок ученики пришли к нему в кабинет физики. Они любили его и приветствовали радостно. А так как его физика была способом познания жизни, то ученики сообщили ему, что на предыдущем уроке у них произошёл конфликт с учительницей

математики. Двое учениц – Мила и Лена – попросили учительницу сегодня их не вызывать, а к следующему уроку они обещали выучить всё.

«Это почему?» – спросила она.

Девочки честно признались, что они впервые ходили на дискотеку, потому не успели подготовиться ни к математике, ни к литературе.

Учительница тут же велела им поднять чёлки и приготовила авторучку.

«Это она переняла от учительницы английского: писать отметки на лоб и даже записывать какие-то слова и ставить подпись, – пояснили ребята и добавили, – так она поступает с девочками, мальчикам ставить на лоб отметки не осмеливается».

Мила и Лена отказались подчиниться.

Она силой удержала Милу, написала на лбу: «Малолетняя шлюшка», – и расписалась.

Мила заплакала.

Лена оказала сопротивление.

«Вы сама такая!» – закричала она, и они вместе выбежали из класса.

Дети в знак протеста сорвали урок.

Она пригрозила им, что каждый получит двойку, и умчалась к директору жаловаться на нас.

«Где эти девочки?» – с тревогой спросил Учитель.

Он любил их, Мила увлекалась экспериментами по физике, Лена отлично играла в шахматы.

Ребята сказали, что они не знают, где они, но вещи оставили в классе.

Учитель вообразил всё происходящее с девочками.

– Звоните им, у кого есть мобильник!

– Звоним, они не отвечают!

«Надвигается беда...» – подумал Учитель.

Он велел двум мальчикам сопровождать его, остальных попросил сохранять спокойствие и заняться задачами.

Вместе с мальчиками он поспешил домой к Миле. Она жила недалеко от школы. Мама поздно возвращалась с работы, и в её ожидании девочка задерживалась в кабинете физики, проводя эксперименты. Она доверилась Учителю и рассказала о своих сложных отношениях с матерью, которая бросила мужа. «Папа у меня хороший, – сказала она, – но мама завела любовника».

«Скорей, скорей!» – торопил Учитель ребят и сам бежал впереди. Когда добрались до дома, Учитель велел мальчикам сбегать на четвёртый этаж и, если никто на звонки не отзовётся, взломать двери.

Ребята так и сделали.

В однокомнатной квартире перед ними открылась ужасная сцена: девочки лежали на кровати в луже крови – они вскрыли себе вены. Учитель вызвал скорую. Мальчики помогли ему оказать девочкам первую помощь.

В общем, вы, стало быть, помните: врачи спасли девочек, и они через месяц вернулись в школу.

Но все ли вы знаете о содержании письма, которое они оставили, перед тем как совершить самоубийство?

Они писали там, что решились на такой шаг, потому что учительница математики облила их грязной ложью и надругалась над ними.

Эта история, взбудоражившая всю школу, долго обсуждалась, но никто не знал истинную причину. Письмо хранил Учитель, и когда девочки выздоровели, передал им. Они проявили великодушие и скрыли от следственных органов, что их побудило к такому шагу.

– Я прерву вас на несколько минут, можно? Спасибо! Я тоже учитель математики. Стаж достаточный. Детей люблю, профессию учителя выбрал сознательно. Но как готовят учителей в университетах, вам должно быть известно: заполняют твою голову всякой ерундой, но забудут сказать о самом главном, о том, что в педагогическом процессе, кроме учителя, существуют ученики, и вообще, всё педагогическое придумано не для взрослых, а для детей. Ученики в педагогическом процессе не манекены, а живое будущее. Ни один профессор в университете не наставлял меня, как мне с этим живым будущим быть – как любить, как уважать, как возвышать... Потому пережил много столкновений с ними. Но если прислушаешься к ученикам, они из тебя сделают прекрасного педагога-мастера. Я это понял, когда подкараулил меня семиклассник, оскорблённый и высмеянный мною на уроке, и сказал: «Можно с вами поговорить?» И он поговорил со мной по-мужски, ясно и прямо. Он объяснил мне, что оскорблять ученика, придираться к нему, проявлять несправедливость, взвешивать отметками – опасно. «Нам в голову приходят мысли, которые вам не понравятся, – сказал он мне. – Вот, например, вчера, когда вы издевались надо мной, а это видела моя любимая девушка, мне захотелось запустить вам в лицо учебником математики. И что бы вы тогда сделали? А вот Гаяна, после того как вы сказали ей, что её ум обратно пропорционален её косам, и что она позорит Армению, знаете, что надумала? Выброситься с восьмого этажа своего дома. И что бы вы тогда сделали?

Подружки три дня её караулили, покуда она не передумала... Вы же хороший человек, поймите, что я вам сказал...» Может быть, кто-то из вас скажет, что мне надо было гнать его в шею. Но я поступил по-другому: крепко пожал мальчику руку и сказал: «Тебе надо быть профессором педагогического университета. Спасибо! Завтра же увидишь перемены». И они с любопытством наблюдали, как я менялся, как менялось мое отношение к ним, как менялись мои уроки, и вы знаете, они полюбили меня. Гуманная эта педагогика или нет, я ещё не знаю, но обязательно пройду курсы повышения квалификации. Учительскую профессию после того я начал познавать глубже и больше увлекаюсь ею... А теперь я хочу спросить у своей коллеги, которая переняла этот чудовищный, с позволения сказать, «метод», писать анафемы на лбу ученикам. Я помню, коллега, эту вашу историю, вы тогда не были привлечены к суду, дело было замято. А те девушки, которые чуть не отправились на тот свет, уже студенты университета. Мой вопрос вот в чём: помогла ли вам эта грустная история в своём совершенствовании?

– Что за слова такие – совершенствование, преображение, просветление... Я предана своим принципам, а не так, как вы, скок-поскок...

– Я вашу речь не понимаю. Тогда скажите, вы продолжаете вашу практику писать на лбах учеников свои анафемы?

– Да какое ваше дело, какой практикой я занимаюсь?

– Извините, имею личную заинтересованность – с этого года хочу перевести своего внука-шестиклассника в эту школу, и он обязательно станет вашим учеником по математике. Вот видите?

– Вот что я вам скажу: если нужно будет, ваш внук вернётся домой с моим к вам посланием на лбу...

– Простите, коллегой назвать вас я уже не могу. Вас к детям допускать нельзя, вы для них опасный человек. Самое большое благо, что вы могли бы сделать для школы, – уволиться, иначе настанет время, вас уволят ваши же ученики. Спасибо, уважаемый докладчик, я закончил.

Размышления «философа»:

«Послал Бог ангела на Землю со строгим предупреждением:

„Тебе нельзя стать учителем, будь полицейским!“

Но ангел, преобразившись в человека, перепутал предупреждение Бога и стал именно учителем, а не

полицейским.

И случилась беда: человек с дипломом учителя, но духом полицейского, придя в школу, возмутился свободным нравом детей и начал наводить порядок послушания закону. И так как противостояние усугублялось, вооружился он „грубомётами“ и „отметкомётами“, „слезоточивыми гранатами“ и разом подавляющими „дубинками“ и приступил к педагогическому процессу. Этот процесс он называл подготовкой молодого поколения к законопослушной жизни.

Борьба с учениками шла с переменным успехом, и он все усиливал меры подавления школьников.

Шли годы.

Однажды Бог увидел, как учитель с духом полицейского открывает ученикам огонь из грубомёта и отметкомёта, бросает в них слезоточивые гранаты и орудует подавляющей дубинкой.

„Что ты делаешь?! – возмутился Бог. – В тебе же дух полицейского! Тебе надо за террористами гоняться, а не моих ангелочков поражать! Иди немедленно в полицию!“

Но он за грохотом своих орудий и в гневе своем не расслышал голос Бога...

Так дожил он до пенсии.

Потом заслуженный отдых провел в доме для душевно больных.

Наконец, предстал перед Богом.

И вот, стоит он перед Ним, чтобы отчитаться о прожитой жизни...

Р. S. Пригодится ли вновь прибывшим ангелам Божье предупреждение:

„Братья мои, не все делайтесь учителями, зная, что тем самым мы подвергнемся большему осуждению“».

– А теперь о событиях четырёхлетней давности.

Страна готовилась к политическим выборам.

В школе организовали избирательный участок.

Директора назначили председателем участковой избирательной комиссии, в которую ввели и Учителя – человека, не принадлежащего ни к какой партии.

Выборы закончились.

Члены комиссии сосчитали голоса, заполнили и подписали протоколы.

Все разъехались по домам.

Но поздней ночью Учителя разбудили и опять отвезли в школу. Членам комиссии директор объявил, что при составлении протоколов были допущены ошибки, потому надо их заново подписать.

Члены комиссии, имеющие опыт работы в подобных политических акциях, с молчалим приняли сообщение директора. Каждый подписал пакет протоколов, и дело дошло до Учителя.

Он начал изучать новые данные результатов голосования.

Директор предупредил:

– Михаил Михайлович, мы все устали, не задерживайте нас. Протоколы должны быть доставлены срочно.

– В прежних протоколах ошибок не было, а вот в этих – есть. В них перераспределены голоса... – сказал он с удивлением.

– Михаил Михайлович, вы понимаете, о чём я говорю? – строго сказал директор.

– Но это фальсификация, – сказал Учитель, – мы не ошиблись при подсчёте бюллетеней.

Директор остолбенел.

– Михаил Михайлович, неужели вы чего-то недопонимаете? – голос директора о чём-то предупреждал Учителя.

– Я понимаю то, что вы хотите сделать меня соучастником подлога. Но я делать этого не буду! – спокойно, но твёрдо произнёс Учитель.

Тогда директор встал и отвёл Учителя в сторону.

– Михаил Михайлович, это указ сверху... Вы понимаете? Кроме того, от протокола зависит выдача премии каждому члену комиссии, в том числе и вам. Не подводите людей...

Внушительные объяснения, произнесённые шёпотом и как-то умоляюще, не подействовали на Учителя.

– Я никого не могу подводить, и в первую очередь себя и избирателей, – вновь произнёс он спокойно и твёрдо.

Тогда директор применил угрозу.

– Вы понимаете, чем рискуете... Вас из школы выгонят...

– Вот что я вам скажу, уважаемый директор: я родился, чтобы умереть Учителем! – жёстко сказал он и покинул школу.

Было далеко за полночь.

У входа стояли машины, чтобы развезти членов комиссии по домам, но ему никто не предложил отвезти его обратно. До утра он шагал по безлюдным улицам.

Спустя несколько дней в школе распространился слух, что скоро директора уволят. Причину знали все: он не угодил правящей партии, не смог обеспечить нужные протоколы счётной комиссии. Но об этом говорили в тиши. Скоро заговорили ещё о

том, что посылают финансовую ревизию. Говорили также, что всё это из-за Учителя. Именно из-за него школа не получит финансовой поддержки, учителя не получают премии, не будет нового компьютерного класса и т. д.

Вокруг Учителя в школе создавалась недоброжелательная обстановка. Простите, уважаемые коллеги, но правда была такой: многие из вас, встречая его в коридорах школы, бросали на него осуждающие взгляды. Вы знали, что он защищал честь учителя, но для вас это было неважно. Какая честь, когда школа потеряла грант, нагрянула финансовая проверка, пересматривается личное дело каждого! Он стал как прокажённый среди вас. Лишь немногие подходили к нему, пожимали руку и говорили с сочувствием: «Я вас понимаю, Учитель!»

Финансовая ревизия ещё копалась в документах и выискивала серьёзные нарушения, когда в школу пришла ещё одна проверяющая бригада. «Есть сигнал, – сказал руководитель бригады, – что в школе плохо обстоит дело с обучением физике». То есть обвиняли Учителя. «Сигнал» бригадир никому не показывал и, видимо, сам тоже не видел, но он знал, какое в нём выдвигается обвинение: школьники плохо подготовлены по физике! Это был абсурд: именно по физике ученики проявляли самые высшие успехи во всём огромном городе. Однако ясно было: копали под Учителя.

Бригада провела во всех классах какую-то доселе неизвестную молниеносную проверку и скороспело объявила, что «факт» подтвердился. Но «факт» члены бригады берегли как государственную тайну. На другой день из управления пришёл приказ об увольнении Учителя.

Я вынужден описать ту неприглядную картину, которая никому из вас, уважаемые коллеги, не принесёт чести. Но это надо сделать ради того, чтобы восторжествовала правда.

Учитель как обычно приходит в школу утром. Он ещё не знает о своём увольнении.

В холле его встречает завуч и несколько учителей в качестве свидетелей.

Завуч объявляет Учителю, что он уже не учитель школы, и вручает приказ. В холл сбегались и другие учителя, которым тоже хочется быть свидетелями. Бегут и ученики Учителя. К ним присоединяются вновь пришедшие учителя и ученики. Так за считанные минуты холл заполнился до отказа. В отличие от учителей, дети пришли не из-за интересного зрелища, а для защиты своего любимого Учителя. В холле невероятный шум детского возмущения.

Учитель спокойно принимает известие о своём увольнении и

спрашивает, может ли он из кабинета забрать личные вещи и попрощаться с учениками своего шестого класса.

Завуч приказано не пропускать Учителя дальше холла, потому он отвечает: «Нет, вещи отберут сами и вышлют по домашнему адресу».

Из собравшихся кто-то кричит: «Ну как, учитель-гуманист, допрыгался?»

А другой кричит: «Хочешь, значит, умереть учителем? Вот и умирай!»

Один из тогдашних восьмиклассников записал всё на видео. Многие из вас могут узнать себя, услышать свои выкрики, посмотреть на выражение своего лица.

Нет сочувствия и сопереживания.

Нет возмущения беззаконию.

Но есть насмешливые взгляды и реплики.

Лишь один учитель математики прорывается через плотное кольцо, преклоняется перед Учителем и громко произносит: «Вы – лучший Учитель, а проверяющие – подлые люди. Вы честь и гордость истинного учителя, а те, которые затеяли вашу травлю, подонки!» Он крепко жмёт руку Учителю и отходит.

Среди учителей есть ещё одна женщина: на видеозаписи видно – она плачет.

Ученики бурлят, их возмущение постепенно переходит в скандирование: «Михаил Михайлович – У-чи-тель... У-чи-тель... Мы лю-бим..., лю-бим..., лю-бим...»

Школа сотрясается от гнева детей.

Они отгоняют учителей от Учителя.

Старшеклассники поднимают его и сажают себе на плечи. Учителю неловко, он этого не хочет, но старшеклассники не слушаются.

Завуч поднимает руки, просит успокоиться, хочет что-то сказать, но его никто не слушает.

Но вот руку поднял Учитель, и сразу всё стихло.

Он просит поставить его на место, но старшеклассники отказываются.

В полной тишине взволнованным, но бодрым голосом он произносит слова, обращённые к ученикам:

– Ребята, всегда живите только по совести, и всё будет хорошо!

Армия учеников провожает его до железных ворот, скандируя: «Мы любим тебя, Учитель!»

Девочки плачут.

Плачут и мальчики.

А шестой класс, осиротевший, рыдает в голос.

Итак, начальство свершило одно наказание – Учитель уволен.

А что с директором? Ведь ходили слухи, что увольняют и его? Ведь финансовая проверка выявила «большие нарушения в трате бюджетных и внебюджетных средств».

Но директор не был уволен. Видимо, правящая партия на этот раз пощадила своего члена. Зато всю тяжесть «больших финансовых нарушений» взвалили на бухгалтера, дело которого направили в прокуратуру. Директор, как вы знаете, держался за своё кресло до последнего момента, пока не произошло известное вам трагическое событие, и простить было уже нельзя.

После увольнения из школы для Учителя началась другая жизнь. Он ещё не знал, как она сложится, но она резко отличалась от прежней хотя бы тем, что у него уже не будет учеников и он не будет творить для них уроки. В ту ночь его мучила мысль: может ли он себя считать учителем, если у него нет учеников? Учитель без учеников – бывает ли такое? Но, как я уже вам сказал, на другой день пришли к нему шестиклассники, и вопрос этот был отчасти решён. Для его полного разрешения он искал должность учителя в разных школах, хотя безуспешно.

Если бы он даже нашёл другую школу, других учеников и среду других коллег, всё равно это не помогло бы ему освободиться от грусти, которая до сих пор не покидает его. Возможно, вы не поверите, но это правда: он и по сей день скучает по вас, по этой школе. Ему было хорошо с вами, независимо от того, как вы относились к нему.

Он давно, со дня принятия гуманной педагогики, лишил себя чувства раздражения и нетерпимости; взамен развились в нём спокойствие, понимание, творящее терпение. Для него любить вас – естественное состояние.

Для него высшим нравственным законом является заповедь Христа: «Отнесись к ближним твоим так, как хочешь, чтобы они отнеслись к тебе». Потому каким бы ни было ваше отношение к нему, он всё равно демонстрировал бы вам своё неизменное человеческое отношение.

Он мечтатель. Но мечты его имеют магнитную природу: притягивают условия и складывают обстоятельства, чтобы они сбылись. В своих мечтах он рисует вас, мечтает с вами вместе зажечь в этой школе факел обновления.

Он доверил мне общую тетрадь с записями о вас. В ней он рисует ваши портреты, так сказать, в стиле графики, точнее – штриховки. Рисует не сразу, а в течение долгого времени: сделает один штрих одной-двумя фразами, потом, спустя месяц или даже год, наносит другой штрих и т. д. Потому портреты не дорисованы, не готовы для выставки. Тем не менее, чувствуя ваше

любопытство, познакомлю с одной зарисовкой. Это об учителе биологии Семёне Давидовиче.

Первый штрих:

«Ему больше 65 лет.

Высокий, худощавый, элегантный.

Выдерживает внешнюю строгость, что не даёт проявиться внутреннему обаянию...»

Второй штрих:

«Встречаемся в коридоре.

Пожал руку обеими руками. Чувствую – дружелюбный...»

Третий штрих:

«Открытый урок – по всем правилам традиционной дидактики.

Изображает строгость, требовательность.

Позволяет себе насмешки, переходящие в грубость и унижение ученика.

Но чувствуется – это противоречит его внутренней природе...»

Четвертый штрих:

«Предложил идею открытой любви.

Типичный Фома неверующий – поверит, как только будет потрясение...»

Вот такая зарисовка, конечно, незавершенная.

– Это я, это я... Я поверил в идею открытой любви, великая идея! Но не верил, пока дети не встряхнули меня. Он ясновидящий, что ли...

– Второй портрет, который хочу вам представить, – молодой учительницы изобразительного искусства Лидии Андреевны.

– Он меня совсем не знал... Как это?!

– Вот штрихи этого портрета:

«Молодая художница.

Был на выставке ее картин – талантливая...»

Далее:

«Читал ее авторскую программу.

Принцип: через технику изображения – к художественным способностям.

Поймет ли идею: через синтез видов искусств – к духовному миру личности.

Надо попробовать...»

Продолжения нет.

– Как вы сказали? Можно записать? Через виды искусств... Да-да, через синтез видов искусств к духовному миру личности. Спасибо. Значит, программу надо писать заново! Вы не скажете, идея из гуманной педагогики?

– Думаю, разберетесь сами.

Есть поучительные штрихи об учительнице английского языка, автора пресловутого метода «на лбу». Нона Владимировна, вы позволите зачитать?

– Мне все равно...

– Тогда читаю.

«Страсть к самоутверждению через власть и агрессию.

Талант, заключенный в самость, будет погублен.

Есть такие, которые не могут, но есть такие, которые не хотят.

Она не хочет, потому – обречена...

Можно спасти талант, если превозмочь свое нежелание и устремиться к великодушию...

Ищу выход.

Могла бы стать сияющим учителем...

– Ух ты! Видите, это о вас – «сияющий учитель». Вам это все равно?

– Отстаньте от меня!

– Вы не могли бы прочесть обо мне, если, конечно, есть запись?

– Есть. Вот, послушайте:

«Виктор Петрович. Моего возраста.

Читает Корчака – это уже многое значит...

Человек веры...

Повел своих учеников в поход в горы...

Пути сотрудничества...»

– Он собирался со мной сотрудничать?! Было бы интересно... Обидно, что уволили.

– Вот так размышлял он о вас, искал точки соприкосновения с каждым.

Продолжу рассказ о жизни учителя за последние четыре года.

Он человек действия и со следующего же дня начал менять обстоятельства вокруг себя. Он вообразил, что не уволен, а ему дан творческий отпуск для совершенствования своей природы, расширения сознания и углубления в идеи гуманной педагогики.

Что для этого нужно?

Нужно упражняться в общении с людьми, нужно читать и

нужно думать.

И он начал заниматься этим делом.

Вся окружающая среда годилась для упражнения в общении – улица, метро, троллейбус, магазины... Всюду люди. Каждый, соприкоснувшись с ним, наверное, уносил с собой мысль: «Какой он приятный (хороший, добрый) человек!»

Для думанья тоже годилась вся среда, вся обстановка. Он мыслил сосредоточенно, направлял пучок мыслей на помощь знакомым и незнакомым, не допускал в сознании, как сказано в мудрых книгах, саранчу мыслей, старался мыслить красиво, проникал в вещи и явления, утончал воображение и т. д.

Что касается чтения, то он выбрал публичную библиотеку и окружил себя книгами.

Он читал книги как ученый, доктор наук, – анализировал, обобщал, систематизировал. Особо заботился подвергать все измерению духовности, видеть людей, вещи и явления через духовность. Это и было для него расширением сознания.

Он, конечно, прекрасно знает, что невозможно все прочитать. Потому надо быть осторожным при выборе авторов и сфер читаемого, чтобы не тратить время на второстепенное и ненужное. Надо читать в первую очередь классику, решил он. В классике все: и прошлое, и настоящее, но особенно – будущее. Потому читал он классическую педагогику, классическую философию, классическую психологию и, конечно же, классическую художественную литературу.

Он с пристрастием изучал новые исследования по физике, написал пару статей и опубликовал в зарубежных изданиях.

Он читает до сих пор, размышляет, философствует и, конечно, мечтает.

Завёл себе порядок ходить в ближайший парк, садиться на скамейку, – выбрал для себя укромное место, – размышлять и строить перед собой на песке палкой схемы, модели, уравнения.

В одном из таких занятий он обнаружил, что видит вещи изнутри, потому понимает более глубинные причины того, что происходит или может происходить в ближайшем или отдалённом будущем. Его схемы и формулы на песке выглядят странными, и прохожие часто останавливались и с интересом наблюдали, что ещё начертит кончик палки на песке. Но их привлекали не только схемы, но в первую очередь привлекал он сам.

Смотрите на экран: я вам показываю фотографию загадочного человека – он сидит на скамейке, на коленях держит портфель как рабочий столик, на нём раскрытая тетрадь, в руках у него палка с острым наконечником; он уже зарисовал схему, – вы её

видите на песке, – а теперь что-то записывает в тетради. Но сам-то человек какой! Шикарная белоснежная борода и длинные белые волосы! На нём чёрный костюм, на лацкане блестит золотой значок с изображением сердца и лебедя; под костюмом безупречная белая рубашка, да ещё бабочка под бородой. А перед ним странные знаки на песке! Сказка, волшебник из сказки!

Вот и останавливается молодой человек, – как потом выяснилось, студент факультета физики, – зачарованный зрелищем. Сперва он наблюдает за ним стоя, потом садится на другой край скамейки. Но волшебник не замечает его, он что-то быстро записывает в тетради, а потом с закрытыми глазами смотрит в небо.

Наконец он заметил рядом сидевшего молодого человека и улыбнулся.

– Здравствуйте! – сказал он молодому человеку.

– Здравствуйте! – ответил тот.

– Вы хотите спросить, что у меня на песке?

– Да, – ответил молодой человек, – такие схемы впервые вижу!

– Кто вы по профессии?

– Физик, но пока студент...

– Ясно. Должно быть, вы поймёте меня...

И старик рассказал студенту о странном движении одной неизвестной науке частицы.

– А вам откуда известна эта частица? – спросил студент.

– Я вычислил её так же, как астрономы вычисляют массу и движение невидимого тела с помощью массы и движения видимых тел.

– Но вы уверены, что эта неизвестная частица действительно существует?

– Дело в том, что я ещё и вижу её, – сказал дед, как его назвал студент.

– Как это видите?! – удивился студент.

– Вас удивляет, что я вижу движение частицы, а меня удивляет, что вы этого не можете увидеть. Это так просто!

– И как эта частица движется?

– Она движется скачками как кузнечик, но скачки эти разные, как будто записывается кардиограмма неравномерного ритма сердца. Вы о таком движении частиц знаете что-либо?

– Нет, – ответил студент.

– А объяснить такое явление можете?

– Тоже нет...

– Вот и я не могу объяснить, что это за частица и почему так странно себя ведет, – сказал дед и задумался. Потом

продолжил: – Может быть, она действительно снимает кардиограмму какого-то другого тела в масштабе микромира?

В общем, студент был поражен многосторонностью и глубиной суждений, схемами и формулами деда и после долгого общения с ним спросил:

– Вы бы не могли прочитать моим товарищам и мне несколько лекций о ваших наблюдениях и открытиях?

Дед-Учитель согласился, и они назначили дни и часы встречи.

Как только студент ушел, место на скамейке заняла пожилая женщина. Она надела очки и погрузилась в чтение книги. Учитель продолжил свои мысленные эксперименты и построение схем на песке. Потом сердце подсказало, что сидящая рядом женщина должна быть ему знакома. Он взглянул на нее и сразу вспомнил: видел ее январе этого года на Международных Педагогических Чтениях.

– Здравствуйте! – сказал Учитель.

Он хотел еще что-то сказать, но не успел: женщина, взглянув на него, радостно воскликнула:

– Ой, это вы, Михаил Михайлович! Как я сразу не узнала вас, у вас другой вид – с бородой... По глазам только узнаю вас. У вас был замечательный мастер-класс на Чтениях.

Они разговорились.

Вспоминали события, происходящие на Чтениях.

Сказали о том, что тема была отличная, продиктованная идеями Василия Александровича Сухомлинского: «Чтобы дарить Ребенку искорку знаний, учителю надо впитать море света». Чтения посвящались великому педагогу. Вспомнили дочь Василия Александровича – Ольгу Васильевну, которая была приглашена.

– Она милая, талантливая женщина... Какой был у нее прекрасный доклад об отце...

– Я вас видела в журнале «Три ключа». Там ваш большой портрет!

– Да? – порадовался Учитель. – У меня нет этого номера.

– Я вам подарю.

Потом они рассказали друг другу о себе, и выяснилось, что их постигла почти одинаковая судьба.

«Меня уволили...»

«Я уволилась...»

Наталья Борисовна на пенсии, но ушла из школы в знак протеста против директора, который всячески препятствовал и даже запрещал вести в своих начальных классах творческую работу, вводить в практику содержательные оценки, применять гуманные подходы.

– А я без всего этого жить не могу... Я творчеством живу! – сказала она.

Она собирается с нового учебного года начать работать в другой школе, куда ее уже пригласили, примет первый класс.

– Мечтаю об этом классе, – сказала Наталья Борисовна, – уже девять раз принимала первоклассников и провожала их в пятый. Это будет мой юбилейный десятый первый класс. Хочу в конце концов зародить в себе наиболее искусного гуманного учителя. Я не пропускала ни одних Чтений, они сделали меня другим человеком и учителем. А сейчас я занята тем, что впитываю «море света» для своих будущих учеников, – и она добродушно улыбнулась.

Такого не бывает, но в тот чудесный день такое случилось: две старые женщины попросили Наталью Борисовну, весьма вежливо, чуть-чуть подвинуться на скамейке.

Они присели. Сперва говорили тихо о своем, потом притихли и прислушались к разговору рядом сидящих.

– Как интересно, – с улыбкой сказала одна из них, – мы тоже учителя-пенсионеры. Не хотим называться бывшими учителями. Вы говорили о гуманной педагогике?

Учитель и Наталья Борисовна живо обернулись в их сторону и тоже улыбнулись.

– Да, мы последователи гуманной педагогики, – сказала Наталья Борисовна, – участники Международных Чтений. А Михаилу Михайловичу присвоили звание Рыцаря Гуманной Педагогики, вот золотой значок... Он известный учитель.

Они с почтением рассмотрели золотой значок.

– А почему сердце и лебедь? – спросили они.

Наталья Борисовна объяснила: сердце – символ наступающей эпохи духовности, лебедь – символ мудрости.

– Мы слышаны о гуманной педагогике, но толком ничего не знаем. Не могли бы объяснить нам, что это за педагогика? – попросили они.

Наталья Борисовна и Учитель принялись методично и эмоционально объяснять пенсионеркам Ксении Дмитриевне и Валентине Валентиновне смысл и способы гуманной педагогики, её отличие от авторитарной.

Те оказались под сильным впечатлением от рассказанного.

Жизнь пенсионерок пошатнулась.

Так как стало прохладно, а разговор прекращать не хотелось, Валентина Валентиновна пригласила всех к себе на чай. От парка она живёт недалеко, и они пошли пешком.

Разговор за чаем привёл к тому, что и Ксении Дмитриевне, и Валентине Валентиновне стало жаль себя: почему они,

подаввшись слухам, в своё время сами не разобрались в гуманной педагогике? Могли же хотя бы в последние годы, перед тем как оставить школу, испытать на себе обновляющую педагогическую жизнь! Как жаль! Что теперь делать?

Наталью Борисовну осенила мысль, и она торжественно её озвучила:

– Несмотря на то, что мы на пенсии, мы не бывшие учителя, а учителя на всю жизнь! Мы можем многое сделать на практике. Мы можем создать свою ассоциацию учителей-пенсионеров для утверждения гуманной педагогики в образовании. Мы можем...

И дальше, вооружённые этой идеей, они вместе наметили программу своей деятельности:

- открыть школу поддержки,
 - организовать семинары для учителей и родителей,
 - вести с учителями лекционную работу,
 - организовать и проводить в школах мастер-классы,
 - помогать руководителям в организации Международных и Региональных Чтений,
 - собирать средства для издания литературы,
 - привлекать учителей к гуманной педагогической практике
- и т. д.

Так было создано это прекрасное добровольное общественное объединение учителей-пенсионеров, учителей на всю жизнь, или пожизненных учителей, как они себя называли, поддерживающих гуманную педагогику. В скором времени к ним присоединились более 50 человек. Учитель – Михаил Михайлович – быть избран руководителем ассоциации.

Дело пошло.

Несколько учителей-пенсионеров, пройдя курсы повышения квалификации, через год вернулись работать в школы.

Программа ассоциации выполняется успешно.

О ней я ещё расскажу кое-что, но пока хочу вернуть вас к той скамейке в парке, где была назначена встреча со студентами.

На другой день ровно в шесть часов вечера Учитель пришёл к своей скамейке. Там уже ждали двенадцать студентов – девушек и парней. Вчерашний студент Алексей представил Учителя своим товарищам. Все они учились на втором курсе факультета физики. Учитель был немного смущён, с каким любопытством и уважением молодые люди смотрели на человека с белоснежной бородой. Он застенчиво им улыбался.

Один из них спросил:

- Скажите, пожалуйста, как к вам обращаться?
- Я школьный учитель, – ответил он.
- Учитель физики?

– Нет, просто учитель, а физика для меня условие, чтобы быть учителем.

– Уточните, пожалуйста, что значит – физика как условие? Вы же преподаёте физику?

– Я не учитель физики, – начал объяснять Учитель и, задумавшись, добавил: – В школе есть учителя, которые со своим предметом – будь то физика, биология, математика, язык, литература, история, – идут к ученикам. Это учителя-предметники. Но есть учителя, которые вместе со своими учениками идут к предмету. Это учителя жизни. Идея взята из «Манифеста педагогики сотрудничества».

Мысль эта задела студентов.

– А у нас в школе только и были предметники, – сказал один.

– Раз так, можно, мы будем обращаться к вам именно так – Учитель? – спросил студент, который выяснял данный вопрос.

– Я буду рад... – ответил Учитель и спросил: – О чём вы хотите, чтобы я рассказал?

– О физике, конечно, но проблемы выбирайте сами, считайте, что вы проводите с нами авторский спецкурс, – сказал Алексей.

Он сел на скамейку, девушки рядом, парни устроились вокруг, и в такой природной аудитории, где песок под ногами был доской, а палка была мелом, Учитель начал свою первую лекцию или, лучше сказать, рассказ. Вначале он был немножко скован, но постепенно так увлёкся, что даже не заметил, с каким интересом молодые люди слушали его и старались записывать всё, о чём он говорил или чертил на песке. Порой на их лицах отражалось удивление, и они переглядывались.

Наконец Учитель умолк. Прислонился к скамейке и с закрытыми глазами обратился к небу. Студенты молчали, а когда он открыл глаза и взглянул на них с улыбкой, раздались длительные аплодисменты.

Потом были вопросы, ответы, диалог, слова благодарности, договорились о завтрашней встрече, и студенты попрощались с Учителем.

На другой день студенты пришли вместе со своим профессором, и тот тоже был поражен необычными познаниями школьного учителя. Эти встречи в парке продолжались до тех пор, пока погода позволяла собираться под открытым небом. Круг желающих послушать учителя расширялся, менялся состав студентов: одни, как бы получив «зачеты», уходили, но приходила новая группа.

Как мне стало известно, Учитель сейчас приглашен университетом читать студентам спецкурс. Студенты подружились с Учителем, а некоторых из них он увлек идеями

гуманной педагогики и помог стать участниками Педагогических Чтений.

Со скамейкой в парке связано еще одно замечательное событие.

Он занимался своим делом, когда к скамейке подошла бабушка с восьмилетним внуком. Бабушка вежливо осведомилась, не помешают ли они, если сядут рядом.

– Нет-нет, садитесь, пожалуйста! – сказал Учитель.

Они устроились на скамейке, и бабушка, видимо, продолжая начатый разговор, шёпотом спросила внука:

– Ну, что будем делать?

– Не знаю, – ответил внук.

– Вообще, лучше говорить правду...

– Но ты хоть понимаешь, как он орать будет... Мне морду набьёт...

– Все равно он узнает правду, посмотрит дневник, тогда хуже будет.

– Ну что мне делать, не понимаю эту противную математику. Не пойду я больше в школу! воскликнул мальчик отчаянно и был готов заплакать.

Учитель, продолжая чертить на песке странные фигуры, тихо произнес:

– Ты не любишь математику, но математика любит тебя.

Бабушка и мальчик с удивлением оглянулись в сторону человека с белоснежной бородой.

Он сидел, как волшебник, и не отрывал глаз от своих фигур и формул на песке.

Мальчик перевел взгляд на эти фигуры, на движение кончика палки и, забыв о своей беде, спросил с искренним любопытством:

– Что вы там чертите?

Но Учитель ногой стер все начертанное на песке, сравнял песок и начал таинственным голосом проговаривать:

– Любовь к математике существует в каждом ребенке, это закон Великой Природы. Потому говорить «не люблю математику» на языке математики есть ложное утверждение. Истинными же утверждениями могут быть «Я открыл в себе любовь к математике» или «Я еще не открыл в себе любовь к математике». Попробуем составить формулы этих двух состояний сидящего рядом со мной мальчика.

Любовь к математике он откроет в себе, если решит задачу. Обозначим решение задачи буквой Е. И, наоборот, не откроет он в себе любовь к математике, если не решит задачу. Обозначим нерешение задачи буквой F.

Что нужно, чтобы решить задачу А?

Нужно знать способ решения – В, а его знание мальчиком, сидящим рядом со мной, обозначим буквой С.

Итак, построим формулы.

Первая будет: $E = A: (B + C)$.

Вторая будет: $F = A: (B - C)$.

На учительском языке $E = 5$, а $F = 2$.

В силу второй формулы в дневнике рядом сидящего мальчика сегодня стоит цифра 2, ибо в нем нет С, то есть знания способа. Если восполнить С, то завтра в дневнике может появиться эквивалент Е, то есть, цифра «5».

Мальчик слушал как зачарованный и следил, как кончик палки выводит формулы на песке. Бабушка тоже была озадачена речью, голосом, действиями человека с белоснежной бородой.

Волшебник (его потом так и прозвали дети и их родители) продолжал:

– А теперь поможем рядом сидящему мальчику, чтобы он овладел С в отношении В. Для этого нужно вспомнить А, то есть задачу.

Достань учебник и зачитай задачу.

Мальчик быстро открыл сумку, вытащил учебник и зачитал задачу.

Далее волшебник начал размышлять о способе решения таких задач, привлекая мальчика вопросами и побуждая намёками. На песке вырисовывалась красивая схема решения, и мальчик вдруг радостно воскликнул: «Понял... понял...» И моментально решил задачу.

«Попробуем решить другие задачи!» – сказал волшебник.

Мальчик решил несколько задач.

Радость переполняла его. Он прыгал, выкрикивал: «Да, да... понял, понял!»

Тогда волшебник сказал: «Давай дневник».

Он открыл его на странице, где рядом с цифрой «2» учительской рукой было написано: «Родители, Коля сильно отстаёт в математике. Примите меры», – и подпись.

Волшебник в свободной графе вывел красивое «5» и рядом безукоризненным каллиграфичным почерком приписал: «Уважаемые родители Константина Вячеславовича! Ваш сын открывает в себе любовь к математике. Радуйтесь». И вместо подписи одним движением руки зарисовал знак: лебедь на фоне сердца.

Мальчик заметил, что на лацкане пиджака волшебника тоже красовался золотой значок сердца и лебедя.

Волшебник взглянул сперва на Небо, потом посмотрел в глаза мальчику и улыбнулся ему.

Мальчик сиял от радости.

– Ну как, нашёл в себе любовь к математике?

– Да! – сказал он.

– Тогда вот мой совет тебе: учительница задала вам три задачи, а ты решай все десять, которые в учебнике, и принеси ей в подарок.

– Сделаю! – с жаром ответил мальчик.

Бабушка, тоже, как внук, зачарованная волшебством человека с белоснежной бородой, спросила:

– Скажите, пожалуйста, вы учитель математики?

– Я учитель.

– И чему вы учите?

– Кому что нужно. Учю любви к математике, учю любви к физике, учю любви к бабушке... И вообще, учю любви к жизни!

Бабушка, конечно, не поняла профессии человека с белоснежной бородой и по-своему подытожила:

– Значит, вы работаете волшебником, как в песне Марка Бернеса!

Учитель улыбнулся.

Бабушка спросила:

– Скажите, пожалуйста, мы можем ещё раз увидеть вас здесь?

– Можете...

– Спасибо вам... До свидания... Котик, пошли!

– Спасибо, дедушка! – сказал мальчик. Он шёл рядом с бабушкой спиной вперед, улыбался и махал рукой волшебнику.

На другой день они пришли к нему специально, пришли пораньше и ждали его.

– Здравствуйте, Константин Вячеславович, – сказал он мальчику и пожал руку, – что нового скажете?

Мальчик был возбуждён: учительница была удивлена, когда он показал ей решение десяти задач, сперва засомневалась – не родители ли вместо него решали. Но когда он объяснил ей, что он знает формулу открытия в себе любви к математике, учительница и дети удивились: что это за формула?

– Я всем ребятам рассказал о вас, и они хотят увидеть вас...

В общем, дело обернулось так, что к Волшебнику (они и прозвали его так) каждый день группами приходили дети – по три, по пять, по десять, их сопровождали старшие, и Волшебник учил их любить и давал свои «тайные» формулы, дети же рассказывали ему о своей школьной жизни.

Однажды две девочки сказали ему, что они редакторы и готовят газету, и попросили Волшебника дать им интервью. Разговор с ним они записали на диктофон. Получился следующий диалог:

Дети: Скажите, какой должен быть учитель?

Волшебник: Добрый и радостный.

Дети: А если он не добрый и не радостный?

Волшебник: Тогда он злой. Ой, нельзя, надо исправиться!

Дети: Что главное в учителе?

Волшебник: Мудро любить детей.

Дети: А если он не любит детей?

Волшебник: Ой, нельзя, надо срочно исправиться!

Дети: Как надо проводить урок?

Волшебник: С вдохновением.

Дети: А кричать – это тоже от вдохновения?

Волшебник: Ой, это от раздражения, надо исправиться!

Дети выпустили газету. На первой странице была цветная фотография Волшебника и интервью с ним под заголовком «Учитель».

Их учительница, прочитав статью, рассердилась: в вопросах детей она узнала себя, и какой-то Волшебник призывает её немедленно исправиться. Она спросила у редакторов, кто этот волшебник.

«Помните, Костя рассказывал вам. Он сидит в парке на скамеечке и помогает всем, кто к нему придёт...» – и девочки весело рассказали и о белоснежной бороде, и о формулах любви.

Но учительнице это не понравилось: дети ходят к какому-то чужому человеку, может быть, к бродяге. Да, она заметила, что в последнее время многие, которых она считала слабыми, подтянулись, и Костя в том числе. Но приписывала это своим педагогическим стараниям. А тут какой-то «Волшебник»! Ей не понравилось вмешательство чужого человека в её дела. Может быть, делает он это за плату? Но мамы и бабушки, которые с восторгом говорили, как он их детям помогает, сказали, что он никакую плату ни от кого не берёт. Самолюбие учительницы было сильно задето, и она решила навестить его, чтобы потом решить, как быть.

И она в воинствующем настроении направилась в парк.

Учитель заканчивал свой очередной рассказ о физике со студентами.

Учительница села на скамейке напротив и долго наблюдала за общением студентов с человеком с белоснежной бородой. Её ученики прозвали его Волшебником, а студенты обращались к нему с почтением – «Учитель!»

Наконец студенты ушли.

Учительница, не желая долго задерживаться, сразу подошла к нему со своим заготовленным вопросом и воинствующим настроением. Но человек с белоснежной бородой посмотрел на

неё, в глазах его промелькнуло сдержанное удивление, он улыбнулся ей, встал и произнёс:

- Здравствуйте, Елизавета Павловна, рад вас видеть!
 - Вы меня знаете?! – с удивлением спросила она.
 - Знаю, конечно!
 - Это мои ученики сказали вам моё имя?
 - Нет, – ответил Волшебник, – я вас знаю уже много лет.
- Она удивилась ещё больше.
- Откуда вы меня знаете?!

Учитель думал, что она хоть по голосу узнает его, бывшего учителя физики той же школы, где она работает учителем начальных классов. Но она за белоснежной бородой не увидела черт своего бывшего коллеги.

Учитель решил не напоминать ей ни о чём, потому перевёл разговор на тему, ради которой она пришла, и это породило в ней новую загадку.

– Вы пришли ко мне спросить, почему я вмешиваюсь в ваш педагогический процесс, не так ли?

– Да, я хотела бы узнать, почему мои ученики ходят к вам, и что вы с ними делаете? – сказала она мягко (а не агрессивно, как намеревалась) и добавила с любопытством: – И кто вы есть?

– А вы садитесь, зачем стоять, – Елизавета Павловна села на краю скамейки. – Кто я, этого вам я не скажу. Что же касается моего вмешательства в ваши дела, это не так. Я не вмешиваюсь в ваши дела, меня втягивают в них ваши ученики. Но я и того не знал, что они учатся у вас, а узнал только сейчас.

– Что вы с ними делаете?

– Но скажите сперва, как теперь Костя, он у вас опять отстающий?

– Он подтянулся...

– Значит, больше не ставите ему двоек... А вам ставить ему пятёрки жалко? Он не просто подтянулся, он вырвался.

– Но он же был двоечником...

– Да никаким двоечником он не был, он мальчик талантливый. Трудно вам писать родителям Кости добрые слова?

– А зачем?

– Чтобы в семье был лад. А как Миша, как он пишет теперь любимые ваши диктанты?

– Пишет лучше...

– А что он пишет прекрасные стихи, это вы знаете?

– Пишет стихи?! – искренне удивилась Елизавета Павловна.

– Знаете, почему он не показывает вам свои стихи? Не ждёт от вас удивления, восхищения!

Елизавета Павловна покраснела: этот чужой человек,

общающийся с её учениками в парке, знает их лучше, чем она.

– Что вы скажете о Максе? – продолжал Учитель. – Опять срывает вам уроки?

– Тоже исправился... – нехотя ответила Елизавета Павловна.

– Если бы вы знали, какие этот маленький мальчик проходит жизненные испытания, не написали бы в дневнике родителям: «Займитесь воспитанием сына». Кому вы это пишете, у него же никого нет. Он совсем один, погибли родители... Он ждёт любви и заботы от вас, а вы медлите его полюбить.

Елизавета Павловна съёжилась.

А волшебник продолжал:

– Что вы скажете о Машеньке? Когда вы обозвали её тупицей, она всю ночь обливалась слезами и помышляла умереть. Но она скрытая одарённость.

Елизавета Павловна теперь уже сидела, опустив голову, не осмеливаясь посмотреть в глаза этому всезнающему Волшебнику. Он не упрекал её, а учил, как любить своих учеников.

– Вы, Елизавета Павловна, чуть было пальцы не сломали Танечке, требуя от неё красивого письма. Но знаете, зачем ей даны такие длинные и тонкие пальчики и эластичные кисти рук? Через десять-двенадцать лет мир получит талантливого исполнителя на рояле. Вот такая девочка сидит у вас в классе!

Учитель увидел, что Елизавета Павловна заплакала.

– Не плачьте, пожалуйста, – сказал он с какой-то скрытой заботой и лаской, – простите, если я причинил вам боль.

– Нет, нет, я вам очень признательна, что открываете мне глаза и говорите правду... Не знала я этой правды. Не знаю я другую педагогику. Что мне теперь делать? Может, уйти из школы... – говорила она, плача.

– Ни в коем случае... Вам надо совершить другое – победить саму себя.

– Не знаю, как победить... Скажите хоть, с чего начать...

– Начните с того, что вытрите слёзы, улыбнитесь. У вас обаятельная улыбка. Скоро тут соберутся ваши ученики, встретим их вместе, и пусть они поверят, что мы с вами давнишние добрые друзья, и вы сами поймёте, как с завтрашнего дня их будете принимать.

Елизавета Павловна успокоилась и улыбнулась. И хотя человек с белоснежной бородой оставался для неё загадкой, тем не менее в ней зародилось полное к нему доверие.

Пришли дети – почти половина класса, их сопровождали мамы, бабушки, дедушки.

Все они искренне удивились, увидев свою учительницу рядом с волшебником.

«Елизавета Павловна, вы тоже здесь?» – восклицал каждый.

Девочки даже подходили и обнимали её, чего в её жизни никогда не было.

Родители тоже улыбались ей. Сообщество Волшебника сроднило всех, и в сердце Елизаветы Павловны проснулись светлые лучики любви...

– Пожалуйста, простите... Это я, Елизавета Павловна. Можно, расскажу вместо вас, что дальше было? Очень прошу! Эта встреча изменила меня, я об этом никому не говорила, но чувства переполняют... Дайте мне довершить этот рассказ...

– Елизавета Павловна, конечно, расскажите. Это же прекрасные мгновения вашей жизни!

– Спасибо вам! Вот что дальше было.

Мои дети быстро устроились вокруг Волшебника: кто на скамейке, кто на корточках, высокие заняли места сзади. Родители тоже расположились поудобнее. По-видимому, это было для них привычным делом. Меня потеснили, и я прижалась к Волшебнику. А мальчик, – это был Макс, – устроился рядом со мной, взял мою руку и нежно погладил. Я не привыкла к таким ласкам от своих учеников. Я улыбнулась ему, а тот шепнул мне доверительно: «Знаете, как сейчас будет интересно!»

Волшебник объявил:

– Сегодня всё о красоте: красота в поэзии, красота в математике, красота в любви. Кто-то обещал порадовать нас чтением стихов.

Четверо из моих, или правильнее будет сказать, наших учеников сразу выстроились в ряд.

Начал Петя.

– Мы с мамой выбрали стихотворение Константина Бальмонта. В нём говорится о смене времён года, и каждая пора рисуется так красиво и живо, что не полюбить эти стихи и саму природу нельзя.

Мальчик вдруг преобразился, вдохновился и начал читать стихи.

Осень обещала: «Я озолочу».

А Зима сказала: «Как я захочу!»

А Весна сказала: «Ну-ка, ну, Зима!»

И Весна настала. Всюду кутерьма.

Солнце золотится. Лютик – золотой,

Речка серебрится и шалит водой.

Родилась на воле, залила луга,

Затопила поле, стёрла берега.

Там, где не достала, – лютик золотой,
Жёлтый одуванчик – будет и седой.
Осень обещала. Помогла Весна,
Ну, Зима пропала, хоть была сильна.

Он жестикулировал руками, а голос играл то задорно, то сурово, то ласково, то с юмором.

В парке раздались аплодисменты. Аплодировали и гуляющие, которые останавливались и прислушивались к чтению.

Потом стихи Цветаевой читала Маша, стихи Фета прочёл Гриша, стихи Ахмадулиной продекламировала Оля. На уроках они у меня так стихи не читали, потому что я не учила и не требовала так выразительно декламировать. Да ещё такую высокую поэзию! Я даже не думала, что такое возможно. От умиления у меня опять наворачивались слёзы.

«Ещё кто-нибудь хочет подарить нам стихи?» – спросил Волшебник.

Бабушка Димы изъявила желание.

«А вы знаете, моя бабушка – народная актриса», – закричал Дима.

Мы обернулись в её сторону.

Она преобразилась перед нашими глазами, вдохновилась и начала читать.

Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне.
Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной речи я жду.
Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна.
Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты – благодатная тайна моя.

Бабушке Димы долго аплодировали и дети, и родители, и многочисленные посетители парка.

Потом мои дети удивили и восхитили меня, когда начали размышлять о красоте поэзии, о силе поэтических образов, о ювелирном совершенстве слов и форм, о красоте чтения.

«А теперь посмотрим, любит ли математика поэзию», – сказал Волшебник и начал выводить на песке странные примеры. Делал это медленно, чтобы дети могли наблюдать, какая вырисовывается общая картина.

Посмотрите, Георгий Леонович показывает на экране эту загадку.

$$1 \cdot 8 + 1 =$$

$$12 \cdot 8 + 2 =$$

$$123 \cdot 8 + 3 =$$

$$1234 \cdot 8 + 4 =$$

$$12345 \cdot 8 + 5 =$$

$$123456 \cdot 8 + 6 =$$

$$1234567 \cdot 8 + 7 =$$

$$12345678 \cdot 8 + 8 =$$

$$123456789 \cdot 8 + 9 =$$

Дети и взрослые перерисовывали эту таблицу в тетради.

«Что это такое?» – с удивлением спрашивали они.

«Вот такие математические стихи, – сказал Волшебник. – Только вместо искусного чтения нам понадобится искусно мыслить. У этих стихов есть рифмы, но я их убрал. Предлагаю: догадайтесь, какая должна быть рифма в предпоследней строке? Учтите, всё надо делать в уме. Своё открытие шепните мне на ухо».

Я испугалась: как дети смогут решить такое, я ещё не учила их таким большим числам, умножению в уме, а как можно догадаться, какая должна быть предпоследняя рифма – восьмизначное число умножить... Я достала из сумки записную книжку, карандаш и хотела провести расчёты, но тут Макс остановил меня: «Что вы делаете, в уме надо делать... – и, увидев мою растерянность, предложил: – Давайте сделаем вместе, хотите?»

Мальчик прижался ко мне и начал размышлять шёпотом: «Разгадка тайны, наверное, в первых двух-трёх примерах. Посмотрите, рифмой в первом примере будет 9, так ведь? Это просто. Запомним. А теперь $12 \cdot 8$... Здесь тоже не сложно... Вторая рифма будет... 98. Вы понимаете, Елизавета Павловна, это же рифмы, потому у них всех есть что-то общее. Итак, 9 и 98... Я уже понял... Вы не догадываетесь? Вы поняли, в чём дело? Нет? Ну как... Смотрите... Я сейчас шепну ему... Видите, какой у нас волшебник хитрый...»

Макс перегнулся через мои колени и притянул к себе Волшебника. Тот тоже наклонился к мальчику, и я оказалась зажатой между ними. Макс шепнул ему на ухо своё решение, но так тихо, что я не расслышала. Волшебник посмотрел на

него с почтением и пожал руку – значит, правильно.

Макс опять ко мне: «Ну как, поняли? Давайте попытаемся ещё... Здесь надо открыть способ, понимаете...» и т. д. В конце концов, хотя позже, чем мои ученики, я тоже поняла тайну, и Макс велел мне шепнуть Волшебнику. Я шепнула, и он мне тоже пожал руку.

К Волшебнику пробралась Машенька. «Неужели она тоже догадалась?» – удивилась я. Она обеими руками притянула к себе Волшебника, и её губы утонули в белоснежной бороде. «Да», – сказал Волшебник и пожал ей руку. Сияющая от радости девочка поцеловала бороду чудного человека. Потом пробралась ко мне, тоже притянула мою голову к себе и шепнула: «Я догадалась! Хотите, назову все рифмы? Задача – как ноктюрн Шопена...»

Меня охватило сильное желание каяться перед девочкой, прижала её к себе и сама шепнула: «Машенька, ты прости меня, я с тобой плохо поступила... прости, пожалуйста...»

А девочка ответила со всей детской искренностью:

– Я вас люблю, Елизавета Павловна, вы такая красивая.

И поцеловала меня в щёчку, погладила мои волосы своими длинными тонкими пальцами и наивно спросила: «Почему вы плачете? Не плачьте, пожалуйста!»

Дальше говорили о красоте любви.

Ой, не могу!

Макс предложил... Он так сказал: «Давайте поговорим, как нам нужно красиво любить...» Понимаете... он сказал: «... как нам нужно красиво любить Елизавету Павловну, чтобы она тоже любила нас красиво». И они говорили, как они меня красиво будут любить.

Не буду больше, уважаемые коллеги, не в моих силах...

Вы не представляете, какие они были радостные, способные, увлечённые, великодушные там, в парке, возле скамейки Волшебника, как, оказывается, они могут любить. А я в классе наводила на них страх и скуку. Клала каждого на верстак и строгала.

Я там поняла мудрость, которую до этого понять не могла: детей надо воспитывать для жизни с помощью самой жизни.

Я преобразилась, я нашла в себе Учителя, изгнала из себя насильника... я... я... о-о-о...

– Елизавета Павловна, хватит плакать. Вы разве не заметили, что плача всё рассказывали.

– Выпейте воды, успокойтесь.

– Можно задать вопрос Елизавете Павловне?

– Дайте ей успокоиться.
– Спросите, она говорит, можно.
– Спасибо. Елизавета Павловна, когда вы узнали, что этот человек с бородой есть наш бывший коллега Михаил Михайлович?

– Узнала об этом сегодня, когда Георгий Леонович показал нам его фотографию, где у него белоснежная борода.

– Да?! И какое у вас возникло чувство?

– Я не знаю, что вы имеете в виду, но я переживаю стыд за себя и за всех вас. По отношению к человеку, которого ученики и родители прозвали Учителем и Волшебником, мы с вами поступили низко. Он, как я поняла, не винит никого из нас, но мы же хотя бы теперь понимаем, что провинились!

– Георгий Леонович, продолжайте!

– Спасибо, Елизавета Павловна, вы мне очень помогли своим рассказом!

Я обещал вам вернуться к деятельности ассоциации учителей-пенсионеров.

У этих людей неисчерпаемая энергия и жажда к творчеству. В ассоциации собрались те, которые не могут быть бывшими учителями, они «пожизненные учителя». В них творчество не исчерпало себя, потому они не принимают так называемый «заслуженный отдых», они чувствуют себя в силах жить творчески.

Но кто в них нуждается?

И они увидели, что в их поддержке нуждается гуманная педагогика. Даже бывшие авторитарные учителя, поняв суть гуманной педагогики, стали её поборниками.

В ассоциации было вначале четыре человека, через несколько месяцев их стало более сорока, теперь же в объединении более ста жизнерадостных «пожизненных учителей». Но главное, как вы понимаете, не объединение, а дела, которыми они занимаются.

И вот одно из прекрасных дел.

Они создали школу и назвали её так: «Ты всё можешь!»

Они вспомнили учителей-новаторов, которые в 80-е годы прошлого века пробивали заслоны государственного авторитаризма. Они в своём отчёте «Педагогика сотрудничества» объявили: «Обычно учителя гордятся своими сильными учениками, мы же гордимся слабыми, которые стали сильными».

«Возможно ли такое – сделать слабых сильными?» – задумались «пожизненные учителя» и решили, что такое может совершить не всякий учитель, а учитель гуманной педагогики, в котором сочетаются мудрая любовь к Ребёнку, глубокая вера в его способности, творящее терпение в общении с ним.

Они подготовили себя для такой работы, создали школу и приняли первых учеников, которых их учителя считали малоразвитыми, отстающими, неполноценными, необучаемыми и вообще пропавшими. Некоторые из учеников были из школ выравнивания, из коррекционных школ.

Вам, уважаемые коллеги, наверное, хочется узнать, как эта школа устроена и каковы результаты.

Устроена она очень просто: классные комнаты – это свободные комнаты или квартиры самих «пожизненных учителей», их более двадцати; один учитель занимается одним или двумя-тремя учениками; режим занятий – свободный; сами занятия для учеников – добровольные; принцип занятий, помимо общих положений, – творчество и вдохновение; занятия бесплатные.

Есть ещё одна особенность: «пожизненные учителя» пытаются достигнуть дружбы и духовной общности со своими учениками, ходят вместе с ними в музеи, театры, приглашают их на свои праздники.

Надо знать, с какой ответственностью они готовятся для встречи со своими учениками. Каждую встречу они превращают в радость для себя и для учеников, ищут новые подходы к ним, вовлекают их в поисковую деятельность. Но главное в том, что смотрят на каждого из них как на талантливого и поощряют проявлять свои способности. Повторяю, уважаемые коллеги: «пожизненные учителя» ставят перед собой задачу – раскрыть в Ребёнке творческие способности и таланты, а не «вытягивать его из болота».

И что же из этого получается?

Получается сказка.

Послушайте одну из них.

Жил-был мальчик, любящий гонять собак, веселиться и шалить.

Мама с папой весь день были на работе, сына видели только вечером, перед сном. Целовали его в лоб и говорили: «Какой ты у нас умница... спи...»

Но когда повели его в школу, учителя обнаружили, что никакой он не умный, у него нет ушей, чтобы слушать.

Повели к специалистам, чтобы проверить.

Те вынесли заключение: «Умственно отсталый, задержка в развитии».

Но никто не задался вопросом: если он умственно отсталый, почему у него шалости получаются хитрыми?

Вот, скажем, будучи в пятом классе, принёс он в школу пилу, – разумеется, маленькую, – чтобы никто не заметил, и от

учительского стола отпилил кусочек ножки. А когда на уроке учитель, который любил кричать и всех пугать и присесть на край стола и важно всех контролировать, сел на край, никто не понял, почему он вдруг рухнул на пол.

Дети от удивления вскричали, но тут же дружно захохотали, глядя на грозного учителя в неприглядной позе.

Учитель встал, оглядел всех, как хищник, которого разозлили, и процедил:

– Кто это сделал?

Мальчик весело признался:

– Я!

Такая дерзость и справка специалистов сразу решили его судьбу. «Хватит! – заключила комиссия. – Отправить в школу для глупых!»

Друзья, то есть весь класс провожали его с грустью, девочки – со слезами на глазах.

В школе глупых учителя – мастера того, как из глупого сделать более глупого. Там они поставили мальчику свой диагноз: «Тяжёлый случай».

Но однажды на улице его остановила фея и сказала: «Хочешь научиться летать?» «Хочу!» – сказал он с жаром.

Тогда фея повела его в другую школу, которая называлась: «Ты всё можешь!»

Три года он учился у феи летать, скрывая это от своих учителей из школы глупых. Наконец те с изумлением обнаружили: «Он очень умным становится... Держать его у себя опасно, дурно может повлиять на других...» И решили вернуть обратно.

Друзья-одноклассники узнали его, а учителя за три года совсем его забыли.

Это правдивая сказка!

Уважаемые коллеги, учителя девятого класса, что вы скажете о новом ученике Антоне, который пришёл к вам три месяца тому назад?

– **Он в моём классе. Талант.**

– **У меня он самый сильный по математике...**

– **Я биолог, он написал научную статью о генетике...**

– **Неужели это тот самый Антон? Невероятно!**

– Да, он и есть герой моей сказки.

А кто есть фея, которая продолжает учить его летать?

Это одна из того корпуса «пожизненных учителей» и не хочет себя выдать. Но если вы, учителя Антона, напишете свой отзыв о нём, я передам ей, она порадуетя.

В восьмом классе есть мальчик Лёша. Что вы о нём скажете?

- *Замечательный мальчик...*
- *Многогранно талантливый...*
- *Воспитывается без отца... но воспитанный...*

– Два года тому назад о нём учительский консилиум написал заключение. Читаю: «Слаборазвитый. Плохо соображает. Отстающий. Кандидат второгодничества. Рекомендуются отправить в коррекционную школу». Следует подпись трёх учителей.

По настоянию матери мальчик остался в нашей школе, но авторы заключения не ждали чудес.

А чудо случилось. Случилось оно благодаря заботе его феи.

Есть в шестом классе девочка Надя.

– *Да, она с задержками в развитии...*

– *Она очень слабая. Она условно переведена в шестой, но вряд ли перейдёт в седьмой.*

Я бы посоветовал вам не спешить с выводами. К ней недавно явилась своя фея. Как говорят, доживём до понедельника.

Деятельность этой чудесной школы обширная. В ней сейчас возрождается пятьдесят пять ребят, отрешённых своими учителями как «недоразвитые» и «необучаемые». Добрые феи и добрые волшебники заняты ими.

Я имею поручение к вам от этих «пожизненных учителей» – передать каждому из вас в дар только что изданную ими книжку «Манифест гуманной педагогики». «Манифест» был принят деятелями Международного движения гуманной педагогики.

Позволю себе зачитать из него два абзаца.

«Гуманная педагогика есть высочайший уровень мысли и практики. Смешивать её с авторитарной педагогикой нельзя. Потому от нашего выбора зависит – станет образовательный мир гуманным или останется авторитарным. Каждый из нас является творцом своего субъективного образовательного поля. Поле это без нашей личности не существует, оно такое, какие есть мы сами, наши убеждения и устремления, наш личностный склад характера и нравов».

Среди авторов «Манифеста» значится Учитель.

Уважаемые коллеги!

Я завершил свой рассказ об Учителе.

По логике вещей я должен предложить вам выводы.

Но какие?

Может быть, вы их сделаете сами?

Спасибо за внимание.

– *Дайте слово! Пожалуйста, дайте мне сказать! Спасибо! Вот что я хочу сказать: когда выйду на пенсию, я, наверное, вступлю в корпус, как вы сказали, «пожизненных учителей», но*

теперь...

Мысли «философа»:

«Великое слово – „Учитель“!

Учитель – Свет дарящий!

Нам нужно своей жизнью оправдать смысл слова.

Но как?

Захотеть и призвать волю, а путь есть.

Есть путь достойный и возвышающий.

Земным учителям нужно подражать Учителям
Небесным, вот путь!

Земной Учитель – явление надобщественное.

Если возвышается Учитель – возвышается Ученик,
возвышается общество и возвышается Жизнь.

Облик Учителя Небесного сияет на Небосклоне!

Душа Его – наше Убежище.

Душа наша пусть станет убежищем для наших
учеников.

Слово Небесного Учителя – озарение для нас.

Пусть слово наше тоже станет озарением для наших
учеников.

Воспитывает Он нас в любви.

Научимся тоже воспитывать детей наших в любви.

Терпение Небесного Учителя творит каждого из нас.

Пусть творящее терпение наше раскроет в каждом
Ребенке его Божественную истину.

Педагогика Небесного Учителя есть прямой путь к
Высшему.

Пусть наша педагогика тоже устремит молодое
поколение к Высшему».

Эпилог.

Мечта о Школе

Милая, любимая моя мамочка!

Может быть, год тому назад я еще уступила бы вашему с папой настойчивому требованию и бросила бы школу, пошла бы работать в офис какой-либо западной компании, где ваши друзья могли бы меня устроить. Там, как вы убеждаете меня, я бы со своими знаниями английского и испанского и владением компьютером, да и со своей внешностью тоже, продвинулась бы быстро и обеспечила бы себе жизнь. Я знаю о ваших скрытых мечтаниях: видеть дочь женой олигарха, ведущей светскую жизнь. Это есть мечта многих моих подруг, с которыми я училась в университете.

Не скрою, меня тоже посещала такая греховная мысль, но, к счастью, чувствую в себе своего Ангела-хранителя, который помогает мне не ошибиться в выборе пути. И я выбрала. Всего второй год я уже в школе, но за этот короткий период определилась на всю жизнь.

Милая мамочка, почему у вас с отцом такое безразличное отношение к школе и учительской профессии? Вы же сами учителя: ты – литературы и языка, отец – химии. Заработали уже достойный восхищения стаж. Тебе, мама, присвоено звание заслуженного учителя, отец награжден значком «Отличник образования». Сколько вам объявлено благодарностей, сколько вручено грамот! Вас уважают, ценят. Этого мало?

Я иногда шучу, когда хочу проявить гордость за свои учительские корни: общий педагогический стаж в нашей семье, говорю я другим, около 400 лет, а точнее – 399! Люди удивляются и спрашивают: как это? А я объясняю, что учителями были мои прапрапрадедушки, а потом – прапрадедушки и бабушки, потом – дедушки и бабушки, а сейчас – родители.

Неужели вы хотите, чтобы я прервала нить нашей учительской династии?

Понимаю: вас с отцом напугало новое время, вы теряете веру в завтрашний день; вы видите, как учитель становится все более неуважаемым членом в обществе, как материально нуждается, как ограничен в своей деятельности и вот-вот превратится в технолога; вы тоже, как многие ваши коллеги, сетуете о распушенных нравах подрастающего поколения, о трудностях управления ими и т. д. и т. п. И вы, любящие свою единственную дочь, хотите уберечь меня от тех невзгод, которые переживаете

сами, хотите, чтобы моя участь была лучше вашей.

Я понимаю вас, любимые. Но попытайтесь теперь понять меня.

В течение четырех лет в университете меня учили всяким педагогическим «наукам», до боли уже известным мне и моим однокурсникам. То, что говорили профессора педагогики и разных методик, все это мною было уже пережито, будучи еще ученицей. Мы с друзьями часто с досадой подытоживали, что университет нам ничего не дает, кроме диплома. А диплом действительно был нам нужен, чтобы, как билет в театр, имели возможность войти в жизнь, как вы, старшие, любите говорить.

Но вот на пятом курсе к нам пришла профессор, улыбающаяся, уже в возрасте. Она сразу расположила нас к себе. Пришла со своей авторской программой об основах гуманной педагогики. Это был курс по выбору. Я записалась в группу этого профессора, вовсе не думая, что мое стабильное сознание будет перевернуто. Но профессору понадобились на это не годы, а всего один семестр. Она приходила к нам с книгами классиков педагогики, давала нам их почитать и учила выискивать подтекст. Так мы пришли к пониманию того, что в основе классической педагогики лежит Святое Писание, она есть детище христианской философии.

Мы узнали, что классические творения есть вершина педагогического сознания. Мы совсем по-другому осмыслили понятия. Теперь я знаю, что слово Учитель по своему значению занимает второе место после слова Бог. Слово Школа означает лестницу для духовного восхождения Ребенка, и Лестница эта находится в Учителе. То есть я есть Школа, она во мне.

Мама, ты такие вещи понимаешь? Ты их принимаешь? А папа?

Еще я узнала о смыслах слов «Вера», «Духовность», «Гуманность», «Миссия», «Ребенок»... В конце концов я познала свою целостность с Ребенком, познала то, что в Учителе уже присутствует Ученик, а Ученик уже переживает в себе своего Учителя. Каждый из нас есть Учитель для кого-то, и тут же есть Ученик для своего Учителя. Восточная мудрость гласит: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, каждый для тебя Учитель». Здорово, правда?

Профессор давала нам задания писать рефераты и размышлять о жизни, о своих педагогических взглядах, об учениях классиков. Она проводила с нами уроки, и я поняла, что настоящий Урок – это тот, который вбирает в себя Ребенка с его жизнью и помогает ему облагородить и обогатить в себе эту жизнь.

Мне посчастливилось, мама!

На семинаре профессор похвалила меня за реферат, и я, проявив смелость, сказала о своем педагогическом родословии. Она заинтересовалась и расспросила меня о датах жизни моих предков, о родственных связях, и вдруг сказала: «Вы, значит, потомок моего любимого известного педагога Виктора Николаевича Сорока-Росинского!»

«Это как?!» – удивилась я.

Она объяснила, и получается, что Виктор Николаевич Сорока-Росинский тебе, мама, приходится прадедушкой, а мне – прапрадедушкой. Ты, наверное, знала об этом, но надо было сказать и мне. Я помню, на книжных полках лежит у нас томик, но, к сожалению, нетронутый.

Профессор принесла мне небольшой томик Сорока-Росинского из серии «Антология гуманной педагогики» и предложила написать реферат. Вот пара прекрасных мыслей, которые я выписала из этого томика:

«Педагогика, – хотя она еще не наука и, может быть, никогда ею не станет, – всегда была, есть и будет этической системой и, как таковая, должна регулироваться общими этическими ценностями *Истины, Добра и Красоты*» (выделено мною).

«Старорежимная педагогика почти целиком строилась на принципе принуждения; в ней всё – и учебные программы, и способы их прохождения, и школьная дисциплина, – всё это давалось воспитанникам сверху, как веление, подлежащее безусловному выполнению. Ученик не мог выбирать, рассуждать, желать или не желать, он должен был только выполнять».

Разве не так ли я воспитывалась в школе, отчасти и в семье тоже?

Не сердись, мама, но разве в школе вы с отцом не так воспитываете детей?

Я плакала, читая страницу о том, как он погиб.

Он погиб в том же году, когда родилась ты, мама, в 1960-м.

И вот как это было. В конце 50-х годов он вышел на пенсию, но не представлял свою жизнь без детей. Потому создал у себя дома (а квартира была у него маленькая) клуб, который называл Академией. Он – ты понимаешь, мама! – обзванивал близлежащие школы и просил, чтобы ему присылали так называемых трудных и отстающих учеников. Он занимался с ними и делал их преуспевающими и талантливыми.

Среди них была больная девочка, которая сильно отставала в учении и стала двоечницей. Это еще больше усугубляло ее болезнь. Виктор Николаевич ежедневно занимался с нею, воодушевлял и вдохновлял ее. Наконец девочка получила первую

пятерку. Учитель ликовал вместе с нею. Надо отметить победу!

«Хочешь, поведу тебя в панорамное кино?» – сказал он девочке.

Она пришла в восторг: вместе с Учителем, в панорамное кино! Это было тогда нечто необычное.

Учитель тут же поспешил заранее взять билеты. Выстоял очередь. Возвращается в спешке. Надо перейти через Садовую и выйти на улицу Макаренко. Это происходит, мама, там, где ты живешь, – в тогдашнем Ленинграде, пойдя, пожалуйста, посмотри перекресток улиц Садовой и Макаренко.

Уже темно, а он плохо видит и плохо слышит. Но переполнен любовью к больной девочке. Не видит надвигающегося трамвая, не слышит тревожного звонка вагоновожатого...

Так, с билетами, зажатыми в руке, он оказался под колесами.

Таким был мой предок!

Я еще долго буду изучать его жизнь и его труды.

А теперь сообщу о событиях, которые происходят в школе, где я работаю уже второй год. На этот раз не буду рассказывать о своих тридцати двух ребятишках (они у меня уже во втором классе), о них как-нибудь потом.

С того памятного педсовета, о котором я рассказала тебе в тот же день, общаясь с тобой по скайпу, прошло уже полгода. Как ты уже знаешь, меня выбрали в состав комиссии, которой поручили разработать проект коллективной авторской программы школы. Помнишь, я тебе рассказывала, в каких тяжелых обсуждениях и противостояниях совет все же выбрал направление гуманной педагогики.

Знаешь, мама, о чем я думала, находясь на том бурном педсовете?

Если этот вопрос обсуждался бы в такой же традиционной школе, как ваша с отцом, какой была бы на нем твоя речь, какой была бы речь отца? Боюсь признаться себе, но вы, думаю, поддержали бы свой привычный авторитарный стиль, пошли бы против гуманной педагогики. Конечно, смутили бы вас такие идеи, как духовная общность, сотрудничество, воспитание жизни с помощью самой жизни, творящее терпение, открытость образовательного процесса, воспитание благородства и великодушия, облагораживание среды, содержательная оценка, чувство свободного выбора, самосовершенствование учителя, закон причин и следствий, закон любви... В общем, все то, что имел в виду мой прапрадедушка Виктор Николаевич Сорока-Росинский, провозглашая три понятия: Истина, Добро, Красота. Он мог присовокупить к ним еще Веру и Любовь.

Но, родные мои, не спешите с выводами, ибо, если будете

опровергать эти понятия, будете иметь дело не со мной, а с классиками – с Яном Амосом Коменским, с Иоганном Генрихом Песталоцци, с Константином Дмитриевичем Ушинским, с Василием Александровичем Сухомлинским... И с моим прапрадедом тоже.

На другой день после совета шесть учителей подали директору заявление об увольнении. До конца учебного года оставалось всего два месяца, и директор упрашивал их не бросать свои классы. Они, конечно, понимали, что найти им замену будет нелегко. Тем не менее бросили детей и ушли.

Один из них, – которому, помнишь, я задавала вопросы во время перерыва, – написал жалобу начальству. Говорят, начальник окружного департамента отказал принять жалобу, сказал, что школьный коллектив имеет право выбирать свой педагогический путь. Теперь учитель этот грозит идти дальше.

В комиссии всего 25 членов. Среди них, кроме учителей, есть члены из попечительского совета, родительского комитета, ученического самоуправления, дирекции.

На другой же день был приглашен и восстановлен в своей должности Михаил Михайлович, которого все зовут Учителем. Его встретили с радостью, многие из учителей приносили ему свои извинения. А он всем доброжелательно улыбался и был счастлив. Педсовет его тоже включил в состав программной комиссии.

Опять на другой же день председатель комиссии, – им был избран учитель истории, которого все называют Философом, – замечательный талантливый человек, собрал нас, и жизнь закипела. Знаешь, мама, как мы назвали свой проект? «Мечта о Школе»! Так предложил Учитель-мечтатель Михаил Михайлович. Он взял на себя научное руководство разработкой проекта. Каждый из нас получил задание. Мне досталась часть о мудростях классиков. Спасибо моему профессору – она очень помогла мне справиться с этим сложным делом.

Мы еще несколько раз собирались, обсуждали разные вопросы.

О мама, если бы ты знала, сколько знаний, мудрости и идей в нашем Учителе! Он воодушевляет и вдохновляет каждого из нас.

И вот, спустя полгода, наш коллективный авторский проект «Мечта о Школе» уже готов. На днях педсовет обсудит его и, у меня нет сомнений, утвердит.

В «Мечте о Школе» есть пункт о том, что в ближайшие два-три года педагогический коллектив будет возвышен до уровня педагогического ансамбля, который и сыграет симфонию гуманной педагогики. Учителя уже настраивают свои

инструменты, приводят в гармонию...

Мама, высылаю вам проект нашей авторской программы, среди разработчиков которого числится ваша дочка, самая юная коллега в школе. Только прошу, не показывай многим, пока он еще не утвержден, почитайте вместе с отцом, и если будут какие-либо пожелания, сообщите мне. А уж если очень захочется, покажите директору вашей школы, может, тоже задумается?

Высылаю еще «Манифест гуманной педагогики», который есть первоисточник нашей «Мечты».

О чем еще тебе писать, мама?

Ах да, чуть было не забыла!

Мне сделал предложение учитель обществоведения.

Я влюбилась в него, он настоящий «олигарх» в проявлении Благородства и Великодушия! На каникулах приедем к вам, чтобы вы благословили нас.

И ещё вот что: наш директор – настоящий воскресший Василий Александрович Сухомлинский.

Целую вас, мои родные!

Бушети, Грузия

25.07.2012